

Брянская областная научная универсальная библиотека
им. Ф. И. Тютчева

«О РОДИНЕ ПЕСНИ И ДУМЫ ЕГО»

**Материалы
I-й научно-практической конференции,
посвященной А.К. Толстому**

14 мая 2015 г.

ББК 83.3(2=411.2)5-8
О11

Ответственный за выпуск **Г.И. Кукатова**
Литературный корректор **О.П. Ковалева**
Компьютерная верстка **В.Е. Щедровой**

О Родине песни и думы его: материалы I-й науч.-практ. конф., 14 мая
2015 г. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф. И. Тютчева. – Брянск, 2016. –
137 с.: ил.

ББК 83.3(2=411.2)5-8

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания, предостав-
ленного авторами текста.

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева, 2016

А.В. Городков,
доктор сельскохозяйственных наук,
Брянский государственный инженерно-технологический
университет

Усадьба гр. А.К. Толстого в Пустыньке (историко-архитектурные и планировочные аспекты)

Российские сельские дворянские усадьбы, большинство из которых находится в полууничтоженном состоянии – больше, чем просто реликвии ушедших эпох. Они – живые символы богатой истории российской провинции. К их числу следует причислить и усадьбы к нашему времени уже полностью разрушенные. Человеческая и общекультурная память не дают права забыть усадьбы, связанные с деятельностью выдающихся деятелей российской культуры, среди которых – Пустынька, – «литературная усадьба», которая находилась недалеко от станции Саблино, вблизи российской столицы. Для нас ценность усадьбы определяется, прежде всего, тем, что здесь в середине XIX века более 15 лет своей жизни бывал А.К. Толстой, здесь же были созданы его выдающиеся поэтические и драматические произведения. Годы в Пустыньке для А.К. Толстого были наполнены насыщенной творческой жизнью – перечитыванием Пушкина, переводами Гейне, Шенье. Большое значение имели встречи с многочисленными друзьями. Здесь же, в Пустыньке, совместно с братьями Жемчужниковыми был создан Козьма Прутков. Как справедливо заметила В. Захарова, – Пустынька по праву может соперничать с Красным Рогом.

В 1835 г. некогда знаменитый литератор-любитель А.Д. Копьев основал на берегу р. Тосны небольшую усадьбу. Все постройки усадьбы первоначально были деревянными. Незадолго до смерти Копьев продал усадьбу полковнику Ю. Кожеву, а он в 1850 г. перепродал ее графине А.А. Толстой (Перовской). С именем матери А.К. Толстого связана довольно активная деятельность по преобразованию усадьбы, начало строительных работ и, в частности, строительство главного усадебного дома. После ее кончины, приехавшая в Пустыньку С.А. Толстая застаёт главный усадебный дом в стадии завершения строительства. Автор монографии о творчестве архитектора А.И. Штакеншнейдера Т.А. Петрова считает, «... академик архитектуры Лангваген построил по проекту архитектора А.И. Штакен-

шнейдера [1] загородный дом с флигелями для графини А.А. Толстой в ее усадьбе Пустынька». Сохранившаяся фотография главного фасада усадебного дома рисует образ небольшой загородной усадьбы в стиле английской псевдоготики, вполне созвучный творческим стилевым направлениям архитектора Штакеншнейдера, который создал множество выдающихся построек в Петербурге, Петергофе. Более 20-ти загородных петербургских построек также принадлежат руке этого известного российского зодчего. Его наиболее выдающиеся постройки – дворец Белосельских-Белозерских, Мариинский дворец и др.

Материалы исследований Тосненского краеведческого музея позволяют дать оценку архитектурно-планировочной организации ландшафта усадьбы. На схемах топографических карт 1860-70-х гг. можно видеть расположение усадебных построек, в основном расположившихся на берегу р. Тосны. Главный фасад дома также был обращен в стороны реки. Живописность усадебным постройкам придавала ориентация на русло реки, широкие видовые прозоры на открывающиеся заречные дали. На схеме мызы Пустыньки видим, что к 1860-70-и гг. здесь уже был разбит парк. На пространстве около 15 га хорошо читаются геометрические аллеи парка, расходящиеся от усадебного дома. Условия местности продиктовали общую конфигурацию паркового пространства в виде равностороннего треугольника, имеющего границами естественные рубежи – с севера овражную долину, с запада – русло реки. Следует предполагать, что парк начал свое развитие одновременно со строительством усадьбы. И если А.А. Фет, посетивший усадьбу в 1860-х гг. характеризует территорию как «...прелестный сад», то к 1900 году С.М. Соловьев отмечает вид в усадьбе как «великолепный парк». Несколько старых лип, заросли сирени – вот все, что осталось от некогда ухоженного усадебного парка сегодня...

После смерти Соловьева, последовавшей в 1900 году, долги заставили Софью Петровну в 1903 году заложить имение в банке, благодаря чему осталось описание и план построек: «...кирпичный усадебный дом стоял на высоком берегу Тосны, в одну линию с ним, через 8,5 метров, – контора, за которой протянулись вдоль дороги, идущей от Графского моста, каменные конюшни и каретник с амбаром, деревянные скотный двор и баня. Прачечную поставили на склоне к Тосне, а ледник – прямо за господским домом. Все постройки были прочными и поместительными. Усадьба занимала 7 десятин: постройки и дворы – 1,5 десятины, сад и огород – 1,5, и парк – 4 десятины, помимо двух копаных прудов». Имение площадью 466 десятин

с усадьбой Софья Петровна в 1904 году подарила дочери Елизавете Михайловне. Историю Пустыньки завершают трагические страницы – все постройки усадьбы погибают в пожарах 1910-12 гг.

Графиня Анна Алексеевна Толстая (1796-1856)

Топографический план 1860-х гг. Мыза Пустынька и деревня Алексеевка

Архитектор А.И. Штакеншнейдер (1802-1862)

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ПОСТРОЕК УСАДЬБЫ НА 1900 г.

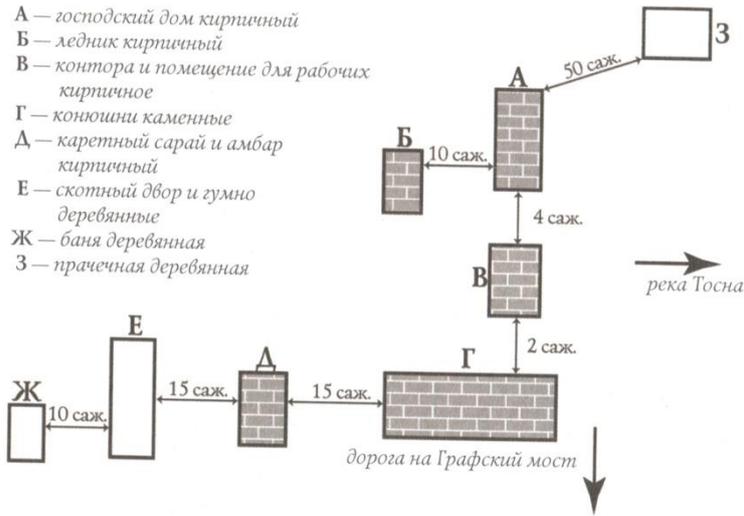

Схема расположения построек. 1903 г. Прорисовка

Дальнейшая судьба «литературной» усадьбы остается до сего времени неопределенной. Некоторую долю надежды на воссоздание усадьбы вселяют первые исследовательские работы, связанные с поиском на местности остатков фундаментов усадебных построек, которые были начаты в 2000-х гг. работниками Тосненского краеведческого музея. Следует также обратиться и к профессиональному изучению творческого наследия архитектора А.И. Штакеншнейдера, в котором могут еще сохраняться чертежи проекта усадебных построек.

История усадеб, связанных с именем А.К. Толстого, достаточно трагична. Судьбу Пустыньки разделили и другие усадьбы в Блиставе, Погорельцах, Баклани, которые полностью ныне утрачены. Этот факт, безусловно, должен определять наше особое отношение к Красному Рогу, где история сохранила в той или иной степени природный ландшафт, следы парка, его планировки, некоторые мемориальные объекты. Общественность Брянщины смогла отстоять усадьбу Красный Рог в период 1970-2000-х гг. В настоящее время предпринимаются попытки масштабных реставрационных работ в усадьбе Толстого. Однако следует помнить, что выполнение этих работ возможно только на основании многолетних исторических, ландшафтно-экологических и архитектурно-планировочных изысканий, основанных на эпистолярных, изографических и других свидетельствах и исследованиях. Именно такой подход позволит осуществить проектные

и последующие реставрационные работы по воссозданию усадьбы на профессиональном уровне.

1. А.И. Штакеншнейдер (1802-1865) – знаменитый российский архитектор, выпускник Императорской Академии Художеств. С 1821 года работал чертёжником в комитете строений и гидравлических работ, из которого, четыре года спустя, перешёл на службу архитектором-рисовальщиком в комиссию по сооружению Исаакиевского собора. Привлечён Огюстом Монферраном к работам в Зимнем дворце. В 1831 году Штакеншнейдер покинул службу в вышеупомянутой комиссии для того, чтобы свободнее заняться частными постройками, преимущественно же постройкой барского дома для графа А.Х. Бенкендорфа в его имении Фалль, в окрестностях Ревеля. Довольный своим архитектором, граф рекомендовал его императору. Архитектор быстро приобрёл благоволение Николая I и стал получать от него одно за другим важные поручения и вскоре сделался привилегированным строителем царских и великокняжеских дворцов. Начав придворную службу в звании архитектора при дворе великого князя Михаила Павловича, он под конец своей жизни был главным архитектором департамента уделов, архитектором Собственного Его Величества дворца и заведующим постройками по загородным дворцам государыни императрицы. В 1834 году, за составленный Штакеншнейдером по заданной программе проект «небольшого императорского дворца», Академия присудила ему звание академика. В 1837-1838 годах находился в Италии, Франции и Англии. В 1844 году Академия возвела его в звание профессора 2-й степени Санкт-Петербургской Академии художеств. Работал в С. Петербурге, Петергофе. Новгороде, Таганроге.

Н.Н. Нифагина,
*кандидат филологических наук, Брянский
государственный инженерно-технологический университет*
А.М. Дубровский,
*доктор исторических наук, Брянский государственный универси-
тет им. акад. И.Г. Петровского*

Неизвестные воспоминания о А.К. Толстом (архивная находка)

В РГАЛИ, в фонде М.В. Мурадова, хранится рукопись воспоминаний не установленного лица, где наряду с иными биографическими материалами описаны встречи автора с А.К. Толстым и его родственниками в последние два года жизни поэта (РГАЛИ. Ф 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 1-51, неправомерно машинописная, бумага желтоватая, хорошо сохранившаяся, без утрат в тексте). Цель настоящей работы заключается в исследовании полноты и достоверности этих воспоминаний, а также во введении их в научный оборот.

М.В. Мурадову, детскому писателю, достались бумаги его родителей – В.М. Мурадова – врача и организатора курорта в Горячинске и его жены Фаины Абрамовны Мурадовой (урожд. Морейнис) – участницы революционного движения 1870-х годов. Видимо, Ф.А. Мурадова собирала материалы о революционерах-народниках. В частности, в этой коллекции сохранились воспоминания народовольца М.М. Чернавского, записки Бабякина о солдатской жизни в 1915 году и др. Как будет показано ниже, анонимный автор исследуемых воспоминаний разделяла народнические воззрения, этим объясняется то, почему ее мемуары попали в коллекцию Мурадовой.

Рукопись была составлена с целью, как писала автор, «что читать это будут близкие мне люди» [1]. По словам мемуаристки, она «родилась в 1846 г. в Херсонской губернии, в деревне Ивановка в имении брата моей матери, Александра Ивановича Кеппена. ... Родители мои были немецкого происхождения. Отец – химик, вывезенный князем Воронцовым из Германии для приведения в порядок лечебных вод в Умани (Киевской губ.)» [2].

Получая образование в Петербурге, она сблизилась с революционеркой Софьей Перовской и стала принимать участие в пропагандистской работе. Позже она выехала за границу, в Австрию, в Швейцарию, затем во Францию. В Вене она получила медицинское образо-

вание (окончила акушерские курсы). В Ментоне, мемуаристка работала ретушером в фотоателье. В Ментоне же она познакомилась с Толстыми. Описание общения с Толстыми и жизни в селе Красный Рог занимают л. 20-41, 46, 50-51.

Свои воспоминания автор писала «по происшествии более полу столетия» [3], то есть в 1920-х годах. Такое количество лет, отделяющих описываемые события от времени составления мемуаров, заставляет с осторожностью отнестись к сообщаемым фактам.

Достоверность мемуаров установлена путем их сопоставления с письмами Толстого, мемуарами А.Н. Цертелёва [4], Д.Н. Цертелёва «Из воспоминаний о гр. А.К. Толстом» [5], статьи Н. Федорова «Слуга знаменитости», которая содержит запись беседы с бывшим слугой А.К. Толстого Захаром [6], мемуарами двоюродной сестры поэта Е. Львовой (в замужестве Матвеевой) [7], а также воспоминаниями А.А. Фета [8].

В рассматриваемых воспоминаниях рассказ об общении с Толстыми начинается с того, что в Ментоне «хорошая ялтинская знакомая» мемуаристки Елена Константиновна Корсакова сказала ей, «что графиня Толстая ищет себе лектрису... Зрение ее внезапно ослабело до того, что она совершенно не могла читать. Корсакова назвала меня, и графиня ничего, конечно, не могла иметь против меня, но предупредила, что пригласит меня только в том случае, если мой выговор иностранных языков удовлетворит ее» [9]. Произношением будущей лектрисы Софья Андреевна осталась довольна и пригласила ее в качестве чтицы.

Из письма Толстого к М.М. Стасюлевичу от 15 января 1874 г. известно, что среди его знакомых был историк Д.А. Корсаков [10]. Известно также, что Корсаков был зятем Константина Дмитриевича Кавелина. Елена Константиновна, дочь Кавелина, была его женой. Таким образом, переписка Толстого подтверждает знакомство Е.К. Корсаковой с семьей Толстых и достоверность описанного эпизода.

Это произошло, видимо, в январе 1874 г. В конце ноября – начале декабря 1873 г. Толстой был ещё в Красном Роге (известно его письмо Б.М. Маркевичу, написанное в это время [11]. В декабре – в Вене (судя по письму Маркевичу) [12]. В самом начале января – в Париже [13]. В середине января – в Ментоне [14]. Следовательно, знакомство Толстых с автором мемуаров не могло произойти ранее середины января 1874 г.

Е.В. Матвеева определённо указала, что «зиму 1873-74 года Толстые прожили в Ментоне» [15]. Она назвала место жительства

Толстых – Villa Tranquille de Parc [16]. Если права Матвеева, то мемуаристка неверно вспомнила название виллы и воспроизвела нечто, созвучное подлинному названию, – не Tranquille, а Grandvilla, что легко объяснимо дефектом памяти и в то же время косвенно подтверждает сведения автора воспоминаний.

При первой встрече с Софьей Андреевной мемуаристка отметила, что «это была женщина уже немолодая весьма стройная; хотя ни тогда в первый раз, и никогда впоследствии я не видела ее в облегчающем платье» [17]. Это, несомненно, новый штрих к портрету Софьи Андреевны, которая, судя по рассматриваемой рукописи, в зрелые годы надевала только свободную одежду.

В первое время лектриса приходила «три раза в неделю от 6 [часов]» [18]. Поэтому Е.В. Матвеева, посетившая Толстых в Ментоне и гостившая у них два дня, совершенно не упоминала в своих воспоминаниях об этой женщине.

«Когда я пришла на следующий день, у графини не было под рукой ничего, кроме «Истории культуры» Кольба, с которой мы и начали наши чтения. Меня чтение это очень заинтересовало. Кольба ли достиг этого, Софья ли Андреевна – не знаю, но я видела развитие культуры не в какой-нибудь отдельной стране, а весь ход его, в зависимости от природных условий страны. Думаю теперь, когда вспоминаю это чтение, что печатным, неподвижным словом этого достигнуть нельзя: вероятно Софья Андреевна, незаметно переходя, т. е. обращая моё внимание на разные культуры то в одной стране, то в другой, то в одном проявлении ее, то в другом, умела придать такой интерес нашим чтениям и так прочно закрепить его в моей памяти» [19].

В письме к Е.В. Матвеевой Толстой писал Матвеевой о жизни в Ментоне: «Здесь сейчас Жемчужников Алексис с супругой и со чады» [20]. Мемуаристка также упоминала А. Жемчужникова: «У Толстых часто бывал Алексей Михайлович Жемчужников... Он приурочил свои посещения к дням, когда я не читала, чтобы попытаться ввести меня в мир поэзии» [21].

Софья Андреевна установила плату за чтения в 100 франков, и именно она просила А.М. Жемчужникова познакомить мемуаристку с русской поэзией, преподавала ей уроки итальянского языка. Толстая даже предложила своей лектрисе переехать к ним на дачу («они с мужем уже давно подумывали о том, чтобы я переехала к ним жить»), т.е. у них сложились дружеские, доверительные отношения не как с наемной чтицей, а как с близким человеком. Следовательно, в мемуа-

рах отразились такие черты жизни Толстых, которые мог наблюдать только очень близкий человек.

Однажды Толстых посетил известный в свое время спирит Юм, с которым они были давно знакомы [22]. «Графиня попросила Юма приехать на следующий день и показать свою силу и убедить «барышню, верующую только тому, что можно видеть или понять». Что я видала, поразило меня» [23]. Она попыталась проверить опыты Юма, «но эта мысль мелькнула только в моей голове. Я была у Толстых, неспособных к подобным мерам убеждения» [24]. Со слов племянницы Толстой – Софьи Петровны Хитрово, известно, что «Софья Андреевна разделяла увлечения мужа спиритизмом и магнетизмом» [25]. Она же писала о Юме: «Софа... рассказывала нам, что... это странный, интересный человек, который имел особенную магическую, непонятную для нее силу, что ее это интересует» [26].

В рассматриваемых мемуарах неоднократно отмечена чрезвычайная деликатность Толстого. Когда в день переезда мемуаристки на дачу к Толстым у них украли все серебро (а хозяева были в отъезде), мемуаристка очень переживала из-за того, что подозрение может пасть на нее. Толстой успокоил ее, сказав: «Я вас вполне понимаю; раз, когда я был в многочисленном обществе на охоте, у одного из приглашенных украли сапоги. Я долго не мог отделаться от мысли, что вором считали меня» [27].

В рассказе о пребывании Толстых в Ментоне мемуаристка упомянула бывших у них слуг – Зосю и Михаила. О последнем точно известно, так как он упоминается и в воспоминаниях Матвеевой: «При Толстом был его камердинер Михаил Дураков, который, по его словам, «усердно оправдывал свою фамилию»... Этот Михаил очень долго служил у Алексея то сердил его, то забавлял неожиданными выходками» [28].

«Подходил срок лечения Алексея Константиновича в Карлсбаде». Как-то раз «за обедом Толстой объявил, что не уедет прежде, чем не покажет жене и мне всю красоту альпийско-итальянских озер: Комо, Гарда, Лучано и Лаго-Маджиора» [29]. «Граф уже раньше видел итальянские озера», – отметила мемуаристка. В самом деле, известно, что Толстой был на озере Комо в 1838 и 1872 гг. [30].

Перед отъездом на озеро Комо мемуаристка зашла в фотоателье проститься, и ей случайно раздавили мизинец новым прессом для сатинирования фотографий. После прибытия в Милан Алексей Константинович озаботился, чтобы сделали повторную перевязку и «свел

меня к доктору... Во время трапезы Толстой садился возле меня и обслуживал, чтобы избавить жену от необходимости делать это» [31].

В анализируемых воспоминаниях много и других подробностей, указывающих на заботливое отношение друг к другу в семье Толстых. В частности, по дороге к Комо начался дождь, и Софья Андреевна очень беспокоилась о здоровье мужа, «страх за состояние мужа охватил графиню... в отеле Софья Андреевна хотела хорошенько согреть мужа, напоив его чаем» [32].

Мемуаристка подробно описала путешествие к озерам. «Эта прогулка на озеро, затеянная графом, пробудила во мне потребность понимать так же тонко, как они, чем я могу быть полезной близким мне людям» [33].

Во время этой поездки Софья Андреевна сказала автору воспоминаний: ««Почему бы вам не занять место учительницы в красно-рогской школе, поддерживаемой на наши средства? Это было бы, продолжала она, хорошо как для школы, так и для нас, так как избавило бы вас от неприятных поисков места». Я с благодарностью приняла это предложение. Меня действительно глубоко тронуло это выражение доверия и участия со стороны Толстых. ... Я почувствовала, что отношения между нами не порвутся. Охваченная атмосферой дружелюбия, особенно ярко вспыхнувшего в тот момент, графиня объявила, что до Карлсбада мы едем вместе» [34].

В Карлсбаде Толстые были непродолжительное время и «скоро уехали в свой любимый Дрезден». «О Карлсбаде, где я провела у Толстых всего несколько дней, я помню очень мало», – писала она [35]. Мемуаристка запомнила только визит к Толстым Тургенева. Дни в Карлсбаде довольно подробно отражены в мемуарах Матвеевой, которая ничего не сообщила о лектрисе Софьи Андреевны [36]. Это умолчание объясняется следующим. Видимо, Матвеева и ее сестра приехали туда тогда, когда мемуаристка уже уехала в Россию, в Красный Рог.

В Красном Роге будущую учительницу поселили в одном из флигелей усадьбы. «Тут же стоял и старый большой дом, служивший в былые времена охотничьим павильоном. К павильону этому постепенно делались пристройки, пока, наконец, вышел удобный, но некрасивый дом. В огромном дворе-парке были разбросаны два флигеля для гостей и один для прислуги и затем поодаль кухня, нечто вроде столярной мастерской, а еще дальше конюшня» [37]. Перечисленные постройки как действительно существовавшие упомянуты в исследовании В.Д. Захаровой [38].

Интересно воспоминание мемуаристки о медведице Наташе, которую медвежонком взял егерь Толстого Денис, и она выросла совершенно ручная [39]. Далее мемуаристка рассказала о приезде Толстых в Красный Рог, что подтверждается письмом Толстого к К. Сайн-Витгенштейн [40]. В своём имении Толстой пробыл до сентября 1874 г. [41] По рассматриваемым мемуарам, «Толстые в этом году рано уехали из имения – в июне или июле» [42] Здесь автора подвела память на даты, что является типичным для воспоминаний.

По словам мемуаристки, с приездом Толстых Красный Рог оживился. Перечисляя приехавших гостей, мемуаристка упоминает и Владимира Сергеевича Соловьева. Однако Соловьев познакомился с Софьей Андреевной только после смерти Толстого в 1877 г. в Москве через ее племянника Д.Н. Цертелева и впервые в том же году посетил Красный Рог [43]. Поскольку мемуаристка жила в Красном Рогу и после смерти Толстого (уехала в 1875 и снова приезжала в 1877 и 1878 гг.), то, видимо, в ее памяти соединились разные события 1874 г. и посещения Соловьевым Красного Рога с 1877 г.

В 1874 г. «устраивались большие прогулки верхом, в экипажах. Ездили в лес, смотря по сезону, то за цветами, то за ягодами, то за грибами. Конечно, я как школьная учительница была слишком занята, чтобы принимать в них участие... Постепенно в доме и флигелях набралось так много народу, что ... меня пришлось перевести из графской усадьбы в центр села, в дом, построенный бывшим управляющим для себя и семьи» [44].

«В следующем году Толстые по желанию графа приехали в Красный Рог особенно рано, помнится, в апреле в доме было тихо, пусто. Алексей Константинович, хотя и очень общительный человек, видимо наслаждался тишиной, – писала мемуаристка, – Софья Андреевна ни на шаг не отставала от мужа. Они пересмотрели накопившиеся у графа отвеченные и неотвеченные письма: одни, чтобы сжечь, другие – передать лицам которые могут интересоваться ими, третьи – друзьям, четвертые – Софье Андреевне. И, перечитывая письма, они благодаря им, иногда вспоминали, что было давно забыто, и граф, очевидно, интересовался этим осмотром» [45].

Здесь мемуаристка опять ошиблась в дате. Толстые приехали в Красный Рог не в апреле. Известно, что 8 июля 1875 г. Толстой был в Берлине, а 10-го пересёк границу (Вержболово), он ехал в одном вагоне с актёром А.А. Нильским, причём сохранились воспоминания Нильского об этой поездке [46].

Точно можно сказать, что в 1875 г. мемуаристка получила от Софьи Андреевны книгу Ламброзо: «Книга эта была напечатана по-итальянски. Когда я спросила, как же мне переводить ее, графиня, смеясь, сказала: «А ведь брали же вы в прошлом году (т.е. в 1874 – авт.) у меня уроки итальянского. Переводите сами, а я вам перевод проверю». И я взялась переводить. Переводила охотно, жадно, как только могла урвать свободную минуту...» [47].

Летом 1875 г. «дом опять наполнился: приехали оба брата Цертелевы, Соловьев и, кроме того, профессор Захарьин прислал своего ассистента, профессора Кареева, который умел заслужить расположение Алексея Константиновича – они очень охотно разговаривали друг с другом. Было еще много народу, но кто именно – не помню» [48]. Мемуаристка опять ошиблась насчет приезда Соловьева. Кроме того, Д.Н. Цертелев писал о том, что приехали из Москвы «доктор Карнеев, ассистент Захарьина, вызванные из Москвы» [49].

По воспоминаниям мемуаристки, графу становилось все хуже. Доктор Величковский наезжал через день из Почепа. Мемуаристка правильно назвала фамилию доктора, приехавшего к Толстому, что подтверждается показаниями слуги Захара [50], кроме того, в Красном Роге был еще доктор А.О. Коржневский [51]. «Раз после проведенного со всеми вечера, в течение которого играли на рояле, пели, граф ушел к себе, позвал жену, и там у него был первый, но как говорили, легкий припадок астмы. Послали немедленно за доктором, который сейчас же приехал, но припадок уже прошел. Доктор сказал, что при графе должен быть постоянно кто-нибудь, кто мог бы помочь ему, поддержать его, в случае нужды дать ему оставленное лекарство» [52]. Этих подробностей не оставил никакой другой мемуарист. Стали дежурить в комнате Толстого по очереди мемуаристка и Дмитрий Николаевич Цертелев. В воспоминаниях последнего нет упоминания об этих дежурствах, как не упомянута и дежурившая у Толстого женщина. Между тем автор мемуаров имела некоторое медицинское образование, так что ее присутствие у больного Толстого было кстати. Мемуаристка пишет, что Цертелев дежурил с 11 вечера до 7 утра. Если доверять этому свидетельству, то получается, что автор воспоминаний дежурила в вечерние часы (до 11 вечера), т. е. Цертелев взял на себя более трудное дежурство. Кроме того, какие-то дежурства (по крайней мере, два, судя по времени) шли в течение дня. Вероятно, в кабинете Толстого при нем были еще Софья Андреевна и Софья Петровна, ее племянница. Д.Н. Цертелев писал, что «последнее время Толстой ни минуты не оставался один; при нем всегда бы-

ли графиня Софья Андреевна, ее племянница или я» [53]. Возможно, спустя четверть века после событий (Цертелев написал воспоминания к 25-летию со дня кончины Толстого) фигуры двух женщин, ровесниц, слились в его памяти в одну.

«Гости разъехались. Остались только самые близкие: два брата Цертелевых, Соловьев» и автор воспоминаний [54]. Мемуаристка опять настойчиво упомянула Соловьева, присутствие которого не подтверждается источниками. Присутствие же обоих Цертелевых отражено в мемуарах Д.Н. Цертелева [55] и А.Н. Цертелева [56].

Мемуаристка описала такие подробности смерти поэта, о которых не упоминали другие воспоминания.

«После первого припадка Алексей Константинович скоро оправился и казался бодрее. Он стал выходить на террасу, шутить, графиня, тоже ободрившаяся, каталась с ним», – писала анонимная мемуаристка [57]. Ее свидетельство полностью совпадает с рассказом А. Цертелева: «После ужасных страданий больной стал поправляться, скоро был в силах ездить ежедневно верст по 20 в открытом экипаже и был вне опасности» [58].

Далее мемуаристка сообщает такие подробности, которые можно найти только у нее: «В одно из моих дежурств опять повторился припадок, и на этот раз очень сильный. Граф метался по комнате, бился, то припадая лбом к столу, то бросаясь на кровать, и при этом, издавая звуки ужасного страдания, пока, наконец, оказался лежащим в кресле опрокинутым на спинку головой в полном изнеможении. Тогда я совершенно бессознательно стала проводить своей холодной рукой по его голове от лба к затылку. От холода ли моей руки или внушения, или вернее от того, что припадок сам прошел, но граф успокоился настолько, что сказал: «Может быть, я засну». Я его уложила, а он дал мне маленький томик Гете, лежавший у него на столике и сказал: «Теперь вы мне почитайте». Я обрадовалась, вспомнив, что от моего чтения часто засыпают. Граф тоже заснул, но, поворачивая страницу, я разбудила графа, который, однако, просил меня продолжить чтение. Я продолжила, но, боясь переверачиванием страницы опять разбудить графа, читала ее все вверх и вниз вплоть до прихода Дмитрия Николаевича» [59].

По воспоминаниям мемуаристки, перед смертью граф просил позвать Софью Андреевну и сказал: «Софа (так звали близкие люди Софью Андреевну), ты увидишь агонию любящего тебя человека» [60]. Подтверждения этому в других источниках нет. Однако в письмах Толстого употреблялось имя «Софа», что вызывает доверие

к сообщенному факту [61]. Но, скорее всего, эта фраза была произнесена вовсе не перед кончиной поэта. По сведениям Захара, Толстой неоднократно говорил о своей смерти в последние дни, «очень часто» он просил похоронить его в дубовом гробу [62].

«Днем ли утомлялся Алексей Константинович, случайно ли это было, но припадки стали повторяться все чаще. Сначала они были слабее, после небольшого перерыва стали усиливаться. Графиня написала об этом доктору и просила его приехать в первый свободный у него день, и если возможно, с тем, чтобы переночевать в Красном Рогу, так как припадки бывали поздним вечером или ночью. Доктор приехал на следующий день и привез с собою морфин. При докторе я не была ночью, но говорили, что припадок был настолько силен, что доктор делал впрыскивание морфия, все увеличивая дозу, но предупреждая об этом графиню. Теперь граф не покидал уже своего кабинета» [63]. О кажущемся сне, который на самом деле был переходом в смерть, писала мемуаристка («он лежал с закрытыми глазами будто спал») и свидетельствовал Захар («граф заснул») [64].

Когда открылось, что граф умер, «по требованию доктора его стащили на пол, делали ему искусственное дыхание до тех пор, пока графиня не потребовала, чтобы его оставили в покое» [65]. Эти действия не описывали другие современники. Только Захар вспомнил о том, что доктор «велел перенести графа на диван и растирать ему грудь, думали, может, в груди у него залегло; потом кровь пустили, и чего, чего только ни делали, однако к жизни все-таки не вернули» [66].

По словам мемуаристки, «отпевали, когда он уже был в склепе, зажгли лампаду, склеп заперли, а ключ взяла с собой графиня. Все время, что она не была в склепе, она проводила в кабинете графа, но всегда совершенно одна. Никто туда не должен был входить» [67]. Говорила она тихим безжизненным голосом. «Мне казалось, что говорит мертвый человек» [68]. «Все выражения сочувствия от царя, его семьи и придворных, прежде связанных с графом, она относила, не тая, в кабинет Алексея Константиновича» [69].

В 1877 г. мемуаристка приезжала ненадолго в Красный Рог по просьбе подруги.

Вероятно в 1878 г. она снова посетила Красный Рог. От Софьи Андреевны она получила письмо, в котором та «умоляет меня именем моей прежней дружбы к ней вернуться в Красный Рог» [70]. Встреча ограничилась одним разговором и чаепитием. В кабинете графини

«висел прекрасный портрет графа, увеличенный недавно в Питере» [71].

Это был последний приезд мемуаристки в Красный Рог. «В Красном Рогу жил лесничий, который во время моего пребывания в Красном Рогу просил меня выйти за него замуж. Но тогда я рассчитывала, что что-нибудь да сделаю в жизни. Теперь же у меня, во мне, ничего больше нет – все перегорело, и я согласилась выйти за него» [72]. Это был, наверно, лесник, которого по просьбе Толстого прислали из Министерства. С мужем мемуаристка уехала в Минскую губернию.

Итак, воспоминания анонимной мемуаристки в целом ряде случаев подтверждаются как мемуарами других лиц, так, что особенно важно, и письмами А.К. Толстого. В некоторых случаях она ошиблась в датах и других деталях (например, приезды Толстых в Красный Рог, визиты В.С. Соловьева). В целом же основное содержание мемуаров следует признать достоверным, отражающим уникальные детали жизни Толстого. Близко наблюдавшая жизнь семьи Толстых, мемуаристка подмечала мелочи в поведении Толстого, во взаимоотношениях Толстого с женой, что выпало из внимания других мемуаристов. Особенно ценно в рассмотренных воспоминаниях описание последних дней поэта.

-
1. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л.21.
 2. Там же. Л. 1.
 3. Там же. Л. 15
 4. Цертелев, А.Н. Заметки о графе А.К. Толстом // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. II. СПб., 1912. – С. 401-405.
 5. Цертелев, Д.Н. Из воспоминаний о графе А.К. Толстом // Новое Время. – 1901. – 24 января.
 6. Федоров, Н. Слуга знаменитости (материалы для биографии графа А.К. Толстого) // Захарова, В.Д. Красный Рог и его обитатели. Воспоминания. – Брянск, 2012. – С. 154-159.
 7. Матвеева, Е.В. (рожд. кн. Львова) Несколько воспоминаний о графе А.К. Толстом и его жене // Исторический вестник. – 1916. – Т. СХLIII. №1. – С. 162-178.
 8. Фет, А.А. Мои воспоминания // Современники о А.К. Толстом: Сб. матер. / сост. В.Г. Деханов. – Брянск, 2002. – С. 67- 71.
 9. РГАЛИ. Ф 1495. Оп.1. Ед.хр.57. л. 20.

10. Толстой, А.К. Собр. соч. Т.4. Дневник. Письма. – М., 1964. – С. 419.
11. Там же. С.415.
12. Там же. С.417.
13. Захарова, В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. – Брянск, 2013. – С. 127.
14. См.: письмо к Стасюлевичу от 15 (27) января 1874 г. (Толстой А.К. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1964. – С. 419).
15. Матвеева, Е.В. Несколько воспоминаний о графе А.К. Толстом и его жене. – С.166.
16. Там же. С.167.
17. РГАЛИ. Ф 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 20
18. Там же. Л.20.
19. Там же. Л.20-21.
20. Толстой, А.К. Собр. соч. В 4 т. Т.4. – М., 1964. – С. 422. – (Письмо от января 1874 г.).
21. РГАЛИ. Ф.1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л.20.
22. В 1860 г. Толстой писал Б.М. Маркевичу: «Я получил из Лондона письмо от Юма, который меня приглашает навестить его. Через несколько дней я туда съезжу – я ведь очень люблю Юма и считаю его человеком славным и порядочным. Где это вы были, когда Юм приезжал в Пустыньку?» (Толстой А.К. Собр. соч. Т.4. Дневник. Письма. М., 1964 – С. 114-115).
23. РГАЛИ. Ф.1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 22.
24. Там же.
25. См.: О записках С.П. Хитрово, рожденной Бахметьевой // Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 2009. – С.13.
26. Хитрово С.П. Из воспоминаний // Современники о Толстом. С. 14.
27. РГАЛИ. Ф.1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 24.
28. Матвеева, Е.В. Несколько воспоминаний о графе А.К. Толстом и его жене. С.167.
29. Там же. Л. 24
30. Толстой, А.К. Собр. соч. В 4 т. Т.4. М., 1964. – С. 399 (см. комментарий – С. 400); С. 397-405. Письма А.К. Толстого С.А. Толстой, А.М. Жемчужникову, А.П. Бахметьеву, М.М. Стасюлевичу с Комо.
31. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 25.
32. Там же. Л. 27.
33. Там же. Л.30.
34. Там же. Л. 29.
35. Там же. Л.30.

36. Матвеева, Е.В. Несколько воспоминаний о графе А.К. Толстом и его жене. С.169-178. Кажется, Матвеева смешала пребывание в Карлсбаде в 1874 и 1875 гг. (контаминация) или перепутала время пребывания.
37. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 30.
38. Захарова, В.Д. По следам Алексея Константиновича Толстого. Вымыслы и правда. – Брянск, 2009. – С.109.
39. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 31.
40. Захарова, В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. – С.130.
41. Там же. С.129.
42. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л.38.
43. См.: Захарова В.Д. По следам А.К. Толстого. – С.42; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – С.164.
44. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л.34-35.
45. Там же. Л.39.
46. См.: Захарова В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. – С. 134-135.
47. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л.38.
48. Там же. Л.39.
49. Цертелев, Д.Н. Из воспоминаний о графе А.К. Толстом // Современники о А.К. Толстом. – С.25.
50. См.: Захарова В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. – С.137.
51. Там же. – С. 129.
52. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 40-41.
53. Цертелев, Д.Н. Из воспоминаний о графе А.К. Толстом // Современники о А.К. Толстом. – С.26.
54. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 40.
55. Цертелев, Д.Н. Из воспоминаний о графе А.К. Толстом // Современники о А.К. Толстом. – С.25-26.
56. Цертелев, А.Н. Заметки о гр. А.К. Толстом. // Современники о А.К. Толстом. – С 6-11.
57. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 40 .
58. См.: Захарова В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. С.136.
59. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 40.
60. Там же. Л. 40 а.
61. Толстой, А.К. Собр. соч. В 4 т. Т.4. – М., 1964. – С.350, 354. Письмо А. Бахметьеву 17 августа 1870.

62. Федоров Н. Слуга знаменитости. С.17-18.
63. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л.39-40а.
64. Там же. Л.40 а; Федоров Н. Слуга знаменитости. С.24.
65. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 40 а.
66. Федоров Н. Слуга знаменитости. С. 25.
67. РГАЛИ. Ф. 1495. Оп.1. Ед.хр.57. Л. 40 .
68. Там же. Л. 41.
69. Там же. Л. 41.
70. Там же. Л. 50 .
71. Там же. Л. 51.
72. Там же. Л.50.

О.Е. Вороничев,
*доктор филологических наук,
доцент Брянского государственного университета
им. академика И.Г. Петровского*

Лексические и фразеологические историзмы в романе А.К. Толстого «Князь серебряный»

«Князь Серебряный» А.К. Толстого – одно из лучших классических произведений в жанре исторического романа, что объясняется прежде всего превосходными качествами языка произведения, главное из которых – глубокая документированность. Именно отношение писателя к источникам, принципы и приемы художественного использования документальных текстов в значительной мере определяют не только отбор и употребление устаревших языковых средств, воспроизведение тех или других черт стилистической системы речи прошлого, но и отбор и жанрово-стилистическое использование актуальных языковых средств, а в конечном счете – историческую достоверность и колоритность языка произведения в целом.

Основным документальным источником для «Князя Серебряного» послужила «История Государства Российского» Н.М. Карамзина, который, как известно, в свою очередь опирался на доступные ему документальные свидетельства эпохи. Наряду с «Историей...» Карамзина писатель использовал целый ряд первоисточников, в частности послания Ивана Грозного и Андрея Курбского, записки иностранных очевидцев – Горсея, Флетчера, Массы, Одерборна, разного

рода царские указы и т.д. Пользовался писатель также трудами С.М. Соловьева, А.А. Терещенко, Н.И. Костомарова и других историков, которые, как и Карамзин, в свою очередь ссылаются на первоисточники.

Первостепенными по значимости в создании документальной лингвоосновы исторического романа языковыми средствами, почерпнутыми А.К. Толстым из документальных свидетельств эпохи Ивана Грозного и посвященных ей исследований, следует признать лексические и фразеологические историзмы, которые мы определяем как *слова и устойчивые сочетания слов, служащие для наименования исчезнувших из жизни народа реалий*. Особенно широко писатель употребляет эти устаревшие средства языка в описательных текстах. Так, весьма показательным примером служит описание поединка боярина Морозова с князем Вяземским:

«Внутри оцепленного места расхаживали *поручники* и *стряпчие* обеих сторон. Тут же стояли *боярин* и *окольничий*, приставленные к полю, и два *дьяка*, которым вместе с ними надлежало наблюдать за порядком боя <...> На Морозове был дощатый доспех, то есть старинные *бахтерцы* из наборных блях, наведенных через ряд серебром. *Наруги*, рукавицы и *поножи* блестели серебряными разводами. Голову покрывал высокий *шишак* с серебром и *чернью*... У бедра его висел на узорном поясе, застегнутом крюком, широкий прямой тесак... К правой стороне седла привязан был концом вниз золоченый *шестопёр* ...

Вооружение Вяземского было гораздо легче. Еще страдая от недавних ран, он не захотел надеть ни *зерцала*, ни *бахтерцов*, хотя они и считались самой надежной *броней*, но предпочел им легкую *кольчугу*...» [1, гл. 31].

В этом фрагменте для художественной детализации и фактологизации А.К. Толстой использует историзмы *боярин*, *окольничий*, *поручники*, *стряпчие*, *дьяк*, *бахтерцы*, *зерцала*, *шишак*, *кольчуга* и др. Слова *поле*, *копье*, *бой*, *броня*, *боец* также употребляются со своеобразным семантическим наполнением, характерным для эпохи.

Следует заметить, что у Толстого очень мало анахронизмов. Так, в 8-й, 29-й и 31-й главах Грозный сидит в *креслах*. Они, по свидетельству П.М. Строева, появились у московских царей лишь при Алексее Михайловиче, а до этого времени были стулья, которые «по назначению государя ставили вперед или носили за ним» [2]. В первой главе писатель в речи крестьянина (*Заплакала старуха, да нечего делать, отперла сундук, вынула из тряпицы два алтына, подает со*

слезами: берите, только живу оставьте) использует слово *алтын*, которым во времена Толстого и вплоть до конца советской эпохи (1991 г.) называли медную монету достоинством 3 копейки. Однако в эпоху И. Грозного *алтын* еще не чеканили: этот историзм использовался только как название условного счетного понятия, эквивалентного 6 московским (сабельным) или 3 новгородским (копейным) деньгам, при переводе денежных расчетов с татарской (двенадцатеричной) системы на русскую (десятеричную). Как реальную монету *алтын* впервые начали чеканить при царе Алексее Михайловиче в 1654 г. из меди. Она называлась тогда *алтынник*. Трехкопеечную монету с названием «алтын» стали чеканить (сначала из серебра) в 1704 г. по указу Петра I. (Примечательно, что это колоритное слово, этимологию которого возводят к тюрк. *altyn* «золото», «золотой» [3], может из разряда историзмов вновь войти в активный запас, поскольку в апреле 2014 г. на обсуждении планов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) было намечено введение «не позднее 2025 года» единой валюты ЕАЭС – гипотетической денежной единицы союза – с рабочим названием «алтын».) В последней главе Толстой пишет о Борисе Годунове: «Он сделался шурином царевича Фёдора, за которого вышла его сестра Ирина, и имел теперь важный сан *конюшего боярина* (курсив наш. – *О.В.*)» [1, гл. 40], повторяя тем самым ложное истолкование особенностей русской придворной иерархии в записках иностранных очевидцев. Борис Годунов был не *конюшим боярином*, а *боярином* и *конюшим*, т.е. совмещал сан с почетной должностью. В ведении боярина и конюшего состояли все царские конюшни и заводы. К некоторым конным заводам были приписаны волости. По сведениям английского посланника Флетчера, годовой доход Бориса Годунова на должности конюшего составлял 12 тысяч рублей в год, хотя доход обычного боярина составлял не более 700 рублей в год. [См. статьи *Алтын* и *Конюший* в Википедии. – URL: <https://ru.wikipedia>]. В целом же, повторим, неточностей у Толстого очень мало, к тому же они не являются грубыми, очевидными и носят вполне объективный характер, так как отражают представления современной автору исторической науки, которая не располагала еще достаточным количеством источников и их исследований.

Стремление автора к исторической достоверности прослеживается на протяжении всего текста романа. Оно проявляется и в точном изображении характерного для эпохи уклада русской жизни (обрядов, поверий, игр, развлечений и др.), предметов быта, одежды, домашней утвари и т.д. Например, в 5-й главе Толстой художественно

описывает яркие детали одежды богатой и знатной замужней русской женщины:

«Елена с сенными девушками сидела под липами на дерновой скамье, у самого частокола. На ней был голубой *аксамитный летник* с *яхонтовыми* пуговицами. Широкие кисейные рукава, собранные в мелкие складки, перехватывались повыше локтя алмазными *запястьями*, или зарукавниками. Такие же серьги висели по самые плечи; голову покрывал *кокошник* с жемчужными наклонами, а *сафьянные сапожки* блестели золотой нашивкой» [1, гл. 5].

Мы видим, что здесь, как и в некоторых других случаях, автор, облегчая читателю восприятие, дает необходимые, с его точки зрения, краткие точные толкования значения употребляемого историзма непосредственно в тексте: *запястьями*, или *зарукавниками*. Сравните с другими авторскими пояснениями:

«Другие (опричники. – *О.В.*) сидели на скамьях и играли в шахматы или *в зернь*. Так называли тогда игру в кости» [1, гл. 7]; «Голову его (атамана Ванюхи Перстня. – *О.В.*) покрывала *мисюрка*, или железная круглая шапка, вроде тафьи, называвшаяся также и *наплешником*. К шапке приделана была *бармица*, или стальная кольчатая сеть, защищавшая от сабельных ударов затылок, шею и уши. Широкоплечий детина держал в руке *чекан* – молот, заостренный с задней стороны и насаженный на топориче» [1, гл. 13]; «Его (коня. – *О.В.*) покрывал бархатный малиновый *чалдар*, весь в серебряных бляхах. От кованого налобника падали по сторонам малиновые шелковые *морхи*, или кисти, перевитые серебряными нитками, а из-под шеи до самой груди висела такая же кисть, больше и гуще первых, называвшаяся *наузом*»; «Другие опричники стояли вокруг *поля*, то есть просторного места, приготовленного для конного или пешего боя, смотря по уговору бойцов», «Вместо шишака на князе (Вяземском. – *О.В.*) была *ерихонка*, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший на венце и ушах золотую насечку...» [1, гл. 31]; «Венец его (царя. – *О.В.*) шишака был украшен *деисусом*, то есть изображением на финифти Спасителя, а по сторонам Богородицы, Иоанна Предтечи и разных святых» [1, гл. 35].

Однако чаще всего автор не дает толкования историзмам в тексте романа. Контекст тоже не всегда делает их значения прозрачными, и тогда на помощь читателю приходит справочная литература. Так, в приведенных выше примерах слово *чалдар* употреблено без каких-либо пояснений. Нужную информацию о нем находим в частности в словаре Даля и «Словаре редких и забытых слов»: «ЧАЛДАР

– м. стар. и чандар, конские латы» [4, т. 4, с. 581]; «Чалдар – старинный конский убор, попона из металлических блях и пластинок» [5, с. 535].

Другой пример: в авторском повествовании о визите князя Вяземского к боярину Морозову наряду с морфологическим архаизмом *холопи* встречаем колоритные историзмы *знакомец* и *держальник*: «Морозов с золотым блюдом медленно шел к ним навстречу, а за ним шли *знакомцы, держальники* и *холопи* боярские» [1, гл. 15]. Обратившись к словарю, узнаем, что *держальник* – «в Московском государстве – юноша из бедных дворян, взятый на воспитание боярином; держальников бояре «держали» при себе для поручений по делам военной службы. Иметь держальников было запрещено Петром I в 1701 г. [Словарь русских историзмов 2005]. Из Словаря Даля можно почерпнуть более подробную информацию об этом слове: «Стар. товарищ или помощник воеводы; бедные дворяне, постоянно проживавшие на полном содержании в домах людей родословных; они предшествовали своим патронам, когда последние выезжали со двора, входили с ними в дома частных людей, где принимались как гости; но во время приезда патронов во дворец оставались у крыльца при лошадях. Иногда городовые воеводы назначали их к доходным должностям в своем городе для кормления» [4, т. 1, с. 432]. Для наименования такого иждивенца из бедных дворян использовали также слово *знакомец* (ср.: по словарю И. Срезневского, «2) Въ старину знакомцами назывались мелкіе дворяне, кои жили в домахъ у знатныхъ» [6, с. 92]), имевшее, по-видимому, более широкую семантику: 'приживальщик в доме знатного богатого родственника, выполнявший различные поручения, связанные и не связанные с военной службой'. Еще раз убеждаемся в том, насколько точен Толстой в отражении особенностей социальной иерархии эпохи и других исторических деталей.

Подтверждением тому служат и другие примеры. В последней (40-й) главе романа – «Посольство Ермака» – в речи Грозного Толстой употребляет (в П. мн.ч.) существительное *острожок* – уменьшительное производное от *острог*. Это слово в «Словаре русских историзмов» имеет три значения: «1. В Древней Руси – ограда в виде стены из вкопанных вплотную друг к другу заостренных сверху столбов. 2. В Московском государстве – селение, огороженное острогом 1, высотой 4-6 м, в форме четырехугольника с башнями по углам, являвшееся укрепленным пунктом. 3. В России до 1917 г. – тюрьма; обнесенная стеной тюремная территория» [7]. Логично предположить,

что Толстой использует это слово во 2-м историческом значении. Однако у Даля находим более подробное толкование: «**ОСТРОГ** м. стар. частокол, или палисадник из свай, вверху заостренных; всякое поселенье было *острогом*, либо *городком*; первый делался наскоро, из бревен стойком, и им ограждалось небольшое войско, или обносился осаждаемый город: *оступиша Рязань, и острогом оградиша и: второй рубился стеной, венцами, с углами, с башнями, каланчами*. || Первые поселенья на севере и в Сибири: *Удской, Кольский, Пустозерский острог...*» [4, т. 2, с. 707], позволяющее уточнить тот исторически достоверный смысл, который вкладывает в слово *острожок* писатель: ‘одно из первых русских небольших поселений в Сибири, в форме четырехугольника с башнями по углам, высотой 4-6 м и являвшееся укрепленным пунктом’. Поскольку третье значение лексемы *острог* в эпоху Толстого было ещё актуальным, её следует квалифицировать как *семантический историзм* по отношению ко времени создания произведения и как *собственно лексический историзм* по отношению к словарному составу языка нашего времени.

Собственно лексические историзмы, используемые Толстым в романе, могут быть отнесены к одной из следующих семантических групп:

1) **особенности социально-сословного расслоения, придворной иерархии** (сан, должность, род занятий, обязанностей и т.п.): *князь* – ‘высший родовой титул феодальной знати, передававшийся по наследству’; *боярин* – ‘высший гражданский чин феодальной знати, отмененный затем Петром I’; *воевода* – ‘высший военный чин’; *конюший* – ‘первый чин высшего совещательного и законодательного органа – Боярской думы, впоследствии упраздненной Петром I’; *дворецкий* – ‘управляющий великокняжеским хозяйством’; *кравчий* – ‘придворный чин, ответственный за великокняжескую трапезу’; *оружничий* – ‘придворный чин, ответственный за вооружение’; *окольныйчий* – ‘чин Боярской думы, дававший возможность возглавлять один из Приказов (подобие современного министерства) или быть городским воеводой’ [1, Предисловие]; *стремянный* – ‘конюх-слуга’; *посадский* – ‘житель торгово-промышленной части города (посада), расположенной вне крепостной стены’ [1, гл. 1]; *кравчий* – ‘придворный чин, в ведении которого находились стольники, подававшие кушанья царю’ [1, гл. 6, 8]; *сокольник* – ‘придворный охотник, ответственный за охоту с ловчими птицами’ [1, гл. 7, 20, 23, 40]; *рын-да* – ‘царский телохранитель и оруженосец’ [1, гл. 8, 40]; *бирюч* – ‘глашатай; помощник князя по судебным делам’ [1, гл. 31] и др.;

2) **виды оружия и защитные доспехи:** *бахтерцы* – ‘доспехи из металлических пластин, соединенных кольцами’ [1, гл. 1]; *шестопёр* – ‘ударное оружие в виде палицы с шестью железными ребрами («перьями»)» [1, гл. 4]; *саадак* – ‘лук в чехле и колчан со стрелами, общее наименование вооружения лучника’ [1, гл. 8]; *бердыш* – ‘вид боевого топора: секира на длинном древке’; *мисюрка* – ‘шлем, состоявший из круглой железной верхушки с железной сеткой вокруг’ [1, гл. 13]; *кольчуга* – ‘доспех в виде рубашки из легких металлических колец’ [1, гл. 22]; *крыж* – ‘крестообразная рукоять меча или сабли’ [1, гл. 27], *наручи* – ‘стальные нарукавники’, *поножи* – ‘часть доспехов, которая защищает переднюю часть ноги от колена до щиколотки’, *шишак* – ‘высокий островерхий железный шлем’, *бармица* – ‘металлическая сетка, прикреплявшаяся к шлему для защиты лица, затылка, плеч’, *зерцала* – ‘половинки стальных кованых лат, нагрудник вместе с наспинником’, *ослоп* – ‘дубина с железными бляхами на утолщенном конце’ [1, гл. 31] и др.;

3) **одежда и обувь; материалы, из которых они изготавливались:** *однорядка* – однобортный кафтан; *мурmolка* – ‘бархатная или меховая высокая шапка с плоской тульей, сужавшейся кверху, и отворотами, пристегивавшимися к тулье’; *кармазин* – ‘тонкое сукно красного цвета’ [1, гл. 3]; *терлик* – ‘кафтан для торжественных церемоний’ [1, гл. 4]; *летник* – ‘женская легкая летняя одежда’ [1, гл. 5, 26, 27]; *кокошник* – ‘женский головной убор в виде полукруглого щита’; *аксамит* – ‘шелковая ткань, шитая золотом’ [1, гл. 5]; *кунтуш* – ‘польская/украинская верхняя одежда’ [гл. 8]; *шлык* – ‘островерхая шапка’ [1, гл. 11]; *ферязь* – ‘верхнее распашное платье’ [1, гл. 13]; *опашень* – ‘кафтан с широкими короткими рукавами’ [гл. 15, 27]; *зарбас* – ‘вид восточной ткани’, *сафьян* – ‘мягкая эластичная кожа, выделяемая из шкур коз и овец’ [1, гл. 31]; *охабень* – ‘широкий кафтан’ [1, гл. 32, 33] и др.;

4) **предметы быта, хозяйства, домашней утвари; инструменты, в том числе музыкальные, и т.п.:** *сулея* – ‘сосуд, бутылка’ [1, гл. 3]; *братина* – ‘чаша, сосуд для питья’ [1, л. 8, 40]; *гусли* – ‘старинный струнный щипковый музыкальный инструмент’ [1, гл. 8]; *чепрак* – ‘матерчатая подстилка’ [1, гл. 15]; *тулумбас* – ‘медный бубен, в который били палкой с привязанным шариком – вошагой’ [1, гл. 35];

5) **особенности старинной архитектуры, названия оборонительных сооружений, строений, увеселительных заведений и т.п.:** *засака* – ‘оборонительное сооружение из поваленных деревьев’

[1, гл. 7]; *кружало* – ‘кабак, питейное заведение’ [1, гл. 13]; *скудельница* – ‘часовня при кладбище’ [1, гл. 21] и др.;

б) **напитки и яства**: *медок* (= *мёд*; см. толкование ниже) [1, гл. 1]; *романея* – ‘сорт французского (романского) вина’ [1, гл. 6]; *аликант* – ‘сладкое испанское вино’, *бастр* – ‘сладкое виноградное вино’ [1, гл. 8] и др.;

7) **старинные названия денежных единиц и единиц измерения расстояния, объёма, массы и т.д.**: *корабленник* – ‘старинная золотая монета иностранной чеканки с изображением корабля’ [1, гл. 7]; *поприще* – ‘древнерусская мера длины, равная 1,5 версты’ [1, гл. 1, 38]; сегодня это слово сохраняется в книжной речи в возвышенном значении ‘сфера, род деятельности, жизненный путь’, следовательно, должно быть квалифицировано с позиций современного языка как семантико-стилистический историзм.

Наиболее частотными в тексте являются слова-представители первых трех групп, остальные Толстой использует значительно реже.

Нельзя не заметить, что в романе Толстого, посвященном периоду тотального террора в эпоху Ивана Грозного, самыми употребительными историзмами закономерно выступают слова *опричник* и *опричнина*. В «Словаре устаревших слов русского языка» *опричник* в первом (историческом) значении определяется как «служилый дворянин, состоявший в рядах *опричнины* – особого войска царя Ивана IV (Грозного), одной из задач которого была борьба с княжеской и боярской оппозицией» [8, с. 466]. Существительное *опричник* образовано от архаичного наречия *опричь* – ‘кроме’. Поэтому опричников называли также *кромешниками*. Этот синоним имеет каламбурный смысл: как утверждает историк В.Б. Кобрин, *кромешниками* опричников впервые назвал в одном из писем Ивану Грозному опальный князь Андрей Курбский; «в аду же, как считалось, господствовала “*тьма кромешная*”. Так опричники становились под пером Курбского адovým воинством» [9, с. 47]. Примечательно, что Н.М. Карамзин подтверждает каламбурную семантику слова *кромешник*, но ничего не сообщает о том, что оно было впервые употреблено Курбским (пишет лишь о синонимическом использовании наряду с *опричник*: «Опричник или *кромешник* – так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешней* – мог безопасно теснить, грабить соседа, и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье» [10, т. IX, с. 362]). А.М. Кузнецов комментирует в Примечаниях к «Истории Государства Российского» это место в ней так: «Связь с «кромешной тьмой» – невеселый народный (разрядка наша. – О.В.) каламбур» [10, с. 555].

А.К. Толстой, учитывая каламбурную семантику синонима *кромежник*, использует его как оскорбительное ироническое слово в обращенной к царю речи положительных, народных персонажей: Дружины Андреевича Морозова [1, гл. 34], князя Серебряного, старой мамы Онуфриевны [1, гл. 37], которая, помимо того, подтверждает дьявольскую природу опричнины и предрекает небесную кару (пожар в Александровской слободе от ударившей в деревянное строение молнии) словами «Гром Господень убьет тебя, *окаянного*, вместе с *дьявольским полком* твоим!» [1, гл. 36]. В поражающей своей художественной силой главе «Казнь» юродивый Вася, прототипом которого был Василий Блаженный, кротко глядя в глаза Ивану Грозному, называет его *царём кромешным* (т.е. дьяволом!) и сравнивает с царями Саулом и Иродом [1, гл. 35] – библейскими персонажами, имена которых стали символами деспотизма. Наиболее показательной в плане использования Толстым синонима *кромежник* с особой стилистической целью представляется глава «Шутовской кафтан», где гордый боярин Морозов, облаченный по приказу царя опричниками в кафтан шута, гневно произносит ключевое слово *кромежник* несколько раз по ходу действия. Автор подчеркивает тем самым мужество, бесстрашие, правдолюбие, искренность героя и его презрение к опричнине:

« – Прочь! – воскликнул Морозов, отталкивая Грязного, – не смей, *кромежник*, касаться боярина Морозова, которого предкам твоим предки в псарях и холопах служили! <...> Тогда, – воскликнул Морозов, отталкивая стол и вставая с места, – тогда ты, государь, боярина Морозова одел в шутовской кафтан и велел ему, спасшему Тулу и Москву, забавлять тебя вместе со скаредными твоими *кромешниками*! <...> И не будет с тобою *кромешников* твоих заградить уста вопиющих, и услышит их судия, и будешь ты ввергнут в пламень вечный, уготованный дьяволу и аггелом его!» [1, гл. 34].

Наряду с собственно лексическими историзмами А.К. Толстой использует в тексте лексико-семантические историзмы: *казначей* [1, Предисловие] – ‘в описываемую эпоху: боярин, возглавлявший великокняжеский казенный двор’ (в Википедии находим дополнительную информацию: «Казначей были не только у князей, но и у частных лиц, бояр. В духовных грамотах московских князей казначей упоминается наряду с тиунами домосковской Руси; и те, и другие были рабы-хранители княжеских прибытков»), а начиная с XVIII в. и в наши дни употребляется в значениях: «1. Кассир, хранитель денег и ценностей учреждения, общественной организации. 2. Управляющий

казначейством» [11, с. 259]; *медок* [1, гл. 1], или *мёд* – ‘старинный хмельной напиток, особо приготовленный из пчелиного мёда’ [8, с. 385]; *брони* [1, гл. 16, 40] – ‘доспехи’; сегодня это слово употребляется (в конкретных фонетико-морфологических вариантах) в других значениях (ср.: *бронь* в гостинице, *броня* танка) и только в форме ед.ч. (вместе с тем прослеживается явная преемственная связь исторического значения с современным, что позволяет уточнить тип: частичный семантико-морфологический историзм); *подстава* [1, гл. 17] – ‘лошади, приготовленные на пути следования кого-либо для смены уставших лошадей, а также место смены лошадей’ [8, с. 519] – актуальное во времена Толстого понятие; следовательно, в романе это семантический историзм времени, а по отношению к современному языку, в котором широкоупотребительно жаргонно-просторечное значение этого слова, – семантико-стилистический историзм; *поле* [1, гл. 29] – ‘судебный поединок’; *дьяк* [1, гл. 31] – ‘чиновник: государственный служащий (письмоводитель) или начальник органа управления (приказа) на Руси до XVIII в.; *посольский дьяк* – начальник посольского приказа, *думный дьяк* – нижний чин в боярской думе’; ср.: во времена Толстого (до конца XIX в.) *дьяк* – церковнослужитель низшего разряда в православной церкви, не имевший степени священства. В наши дни для наименования этого служащего церкви используется слово *чтец*, следовательно, по отношению к языку эпохи Толстого это только семантический историзм, а с позиций нашего современного языка – устаревшее слово, выступающее в художественной и научной литературе в исконном значении как семантический историзм, а в более позднем значении – как лексический архаизм времени.

С лексическими и лексико-семантическими историзмами конкурируют в роли выразительных средств исторической стилизации языка в романе фразеологические историзмы: *опричный боярин* (высший гражданский чин, учрежденный И. Грозным при введении опричнины) [1, Предисловие]; *докончальная грамота* – ‘окончательно утвержденный мирный договор’ [1, гл. 1], *служилая бронь* [1, гл. 1, 29] – ‘дорожные доспехи’, *губной староста* [1, гл. 1] – ‘выборный из местных дворян, возглавлявший губу – округ’; *кружечный двор* [1, гл. 4] (или *кружало*) – ‘казённое питейное заведение’; *курчья уха* – ‘уха, которая варилась на курином бульоне’; *ездить у царского саадака* – ‘возить колчан с луком и стрелами, подавать их к стрельбе’ [1, гл. 8]; *разбойный приказ* [1, гл. 10] – ‘одно из центральных государственных учреждений в Московской Руси XVI–XVII вв.,

ведавшее сыском и судом по крупным уголовным делам’, *чёрные сотни* [1, гл. 12] – ‘в XV–XVII вв. торговое и ремесленное население, жившее в городских посадах’ (фразеологизм употреблен писателем в этом первичном историческом значении. Во времена Толстого и позже – до советской эпохи – это выражение имело уже иное значение: монархическая, шовинистическая погромная организация. Поэтому по отношению ко второй половине XIX – первой четверти XX вв. данное устойчивое сочетание в первом значении следует квалифицировать как семантико-фразеологический историзм, а применительно к современному состоянию языка – как фразеологический историзм с двумя разновременными значениями), *столбовой боярин* [1, гл. 15, 37] – ‘представитель старинного знатного рода’, *поцелуйный обряд* [1, гл. 15, 16] – ‘в домах богатых и знатных людей на Руси в XVI–XVII вв.: специальный ритуал чествования гостей, знак уважения’, *выдать головой* кого-л. кому-л. [1, гл. 34] – ‘отдать жизнь и имущество виновного, лишённого всех прав, во власть обвинителя’, *сторожевой полк* [1, гл. 37, 38] – ‘пограничный, разведывательный полк, состоявший из воинов *сторóжи* – разведчиков’, *считаться в разрядах* [1, гл. 40] – ‘ссылаясь на *разрядные книги*, выяснять, чей княжеский/боярский род более знатный и древний, следовательно, кто имеет право быть ближе к царю в государственных делах и застолье’, *милостивая грамота* [1, гл. 40] – ‘царский указ о награждении («миловании») кого-л. чем-л. за особые заслуги’, *объездной голова* [1, гл. 40] – «(вар. *Объезжий голова*). В Московском государстве XVI–XVII вв. – начальник конной городской стражи (объезда), отвечавший за соблюдение общественного порядка и правил противопожарной безопасности» [7] и др.

Встречаются в тексте романа – преимущественно в речи повествователя – также лексические и фразеологические историзмы времени (термин Н.М. Шанского) – *слова и устойчивые сочетания слов, называющие реалии, которые были актуальными как в эпоху Ивана Грозного, так и в эпоху Толстого, но исчезли из жизни народа в наше время*. Эти слова и выражения в романе служат для современного читателя не менее колоритными приметами воскрешаемой эпохи, чем авторские собственно стилистические (идиолектические) средства создания ее речевого колорита.

Как историзмы времени в «Князе Серебряном» следует квалифицировать слова: *стремянный* [1, гл. 1] – ‘конюх-слуга, ухаживавший за верховой лошастью своего господина, а также слуга, сопровождавший барина во время охоты’ [8, с. 660] (понятие еще вполне

актуальное в XIX в.); *сотский* [1, гл. 1] – ‘выборный (от ста крестьянских дворов) на Руси в XV-XVII вв.’, а в эпоху Толстого (и до 1917 г.) – ‘низшее должностное лицо сельской полиции, избиравшееся на сельском сходе’ (следовательно, это слово в тексте романа, как и *острог* [1, гл. 40] или *стряпчий* [1, гл. 29, 31], по отношению к языку времени создания произведения следует квалифицировать как семантический историзм, а по отношению к языку нашего времени – уже как собственно лексический историзм), *лучина* [1, гл. 2] – ‘сухая длинная щепка из сосны или берёзы, использовавшаяся для освещения избы’ [8, с. 370]; *рогатка* [1, гл. 2] – ‘1. Переносное заграждение в виде треугольного бруса на крестообразных стойках’ [8, с. 589] (Даль не отмечает это слово как устаревшее и определяет его как «продольный брус со вдолбленными накрест палисадинами, для преграды пути» [4, т. IV, с. 100]). В частности, *рогатки* использовались для перегораживания проезжей части на заставах, поэтому заставу также могли метонимически называть *рогаткой* (отсюда развилось современное переносное значение: *рогатка* – ‘препятствие’, *ставить рогатки* – ‘создавать препятствия, помехи’), *службы* [1, гл. 4] – ‘подсобные помещения, постройки для хозяйственных надобностей’, *образная* [1, гл. 4] – ‘небольшая комната с иконами, которая располагалась в богатом доме обычно рядом с девичьей’; *косник* [1, гл. 5] – ‘украшение для девичьей косы’, *долман* – гусарский мундир [1, гл. 8], *сбитень* [1, гл. 11] – ‘горячий напиток, приготовлявшийся из воды, мёда и пряностей’ [8, с. 607], *аргамак* – устаревшее название восточной верховой породистой лошади, *сермяга* [1, гл. 13] – «грубое, чаще домотканое некрашеное сукно, а также верхняя крестьянская одежда из такого сукна» [8, с. 622] (отсюда выражение *сермяжная правда*, т.е. грубая, неприкрашенная); *зипун* [1, гл. 13, 24, 37] – «старинная мужская верхняя крестьянская одежда без воротника, обычно из самодельного сукна» [8, с. 251]; *онучи* [1, гл. 19] – «куски плотной материи, навертываемые на ноги, когда носили лапти» [8, с. 462], *вотчина* [1, гл. 27, 31] – «родовое имение крупного землевладельца, переходившее по наследству от отца к детям или ближайшим родственникам» [8, с. 135], *сажён* [1, гл. 31] – «русская мера длины, равная трем аршинам, или 2, 134 м, употреблявшаяся до введения метрической системы мер (т.е. до 1918 г. – О.В.)» [8, с. 602], *аршинник* [1, гл. 31] – ‘просторечное, пренебрежительное прозвище недобросовестных купцов, которые торговали тканями, отмериваемыми аршином’, *калашник* [1, гл. 31] – ‘пекарь и/или продавец калачей’ и др.

Фразеологическими историзмами времени в тексте романа являются еще актуальные во времена Толстого устойчивые сочетания *ходить на стену* – ‘идти одному против сомкнутого, тесного ряда людей (в сражении, в кулачном бою)’ [1, гл. 4], *сенная девушка* [1, гл. 5] – ‘при крепостном праве: дворовая девушка, находившаяся в услужении в господском доме’ [8, с. 621], *людские службы* (только мн.ч.) [1, гл. 16] – ‘подсобные помещения, постройки во дворе дома богатого и знатного человека, в которых жили его слуги’; *церковный тать* [1, гл. 22] – ‘вор, посягавший на церковное имущество’, *красные сени* [1, гл. 36] – ‘крытый переход от парадного входа (крыльца) к жилому помещению во дворце, богатом (княжеском, боярском, помещицьем) доме’ и некоторые др.

Таким образом, анализ даже одного разряда устаревшей лексики и фразеологии в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» – историзмов, которые служат наиболее яркими приметами времени, – свидетельствует не только о колоритности и документальной достоверности языка произведения о прошлом, но и о степени таланта автора как исторического романиста, о глубине его проникновения «в характер и дух» воскрешаемой эпохи.

Литература

1. Толстой, А.К. Собрание сочинений: в 4 т. / А.К. Толстой. – Переиздание 1964 г. – М.: Советская Россия, 1987. – Т. 3. – 336 с.
2. Строев, П.М. Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев. (С 1632 по 1682 г.) / П.М. Строев. – М.: [В типографии Августа Семена], 1844. – 702 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. 1. – 573 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык – Медиа, 2007.
5. Сомов, В.П. Словарь редких и забытых слов / В.П. Сомов. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. – 605 с.
6. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка / И.И. Срезневский; ИАН. – СПб., 1902. – Т. 2. – 1802 с.
7. Аркадьева, Т.Г. Словарь русских историзмов [Электронный ресурс] / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев, Т.Г. Шарри. – М.: Высшая школа, 2005. – 228 с. – Режим доступа: URL: <http://www.istorizm.ru> (06.03.2015).

8. Рогожникова, Р.П. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. / Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. – М.: Дрофа, 2005. – 828 с.
9. Кобрин, Б.В. Иван Грозный / Б.В. Кобрин. – М.: Московский рабочий, 1989. – 175 с.
10. Карамзин, Н.М. История Государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин; примеч. А.М. Кузнецова. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1990. – Т. VII-IX. – 590 с.
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

А.И. Кондратенко,
кандидат политических наук,
заместитель директора Орловского «Дома литераторов»

«Дворянские гнёзда» Орловского края

Время максимального могущества российского феодального сословия стало и временем расцвета загородной дворянской усадьбы. «Жалованная грамота на права и преимущества благородного русского дворянства» (1785 год) повторяла, обобщала и окончательно юридически закрепляла его привилегированное положение. Подтверждалось право дворянства на свободу от обязательной государственной службы, приоритетное владение землёй и крестьянами. Эти обстоятельства дали мощный импульс развитию усадеб.

Орловский край в силу географического положения и благодатных природных условий издавна был центром крупного землевладения. Усадебные ансамбли крупной дворянской знати появляются здесь в 1780-1790-е гг.

Усадьбы располагались обычно в окрестностях губернского и уездных городов. Они переставали быть для их обитателей только местом временного, сезонного пребывания, к чисто практическим целям присоединились эстетические потребности. Дом помещика, построенный в стиле классицизма, выделился из крестьянской застройки. Изменились внутренняя планировка и интерьер здания. В нём появились комнаты нового назначения, в первую очередь, кабинет хозяина, место умственных трудов, знак того, что здесь живёт просвещённый человек. Большое значение стали придавать месту расположения дома, видам на окрестности, открывающимся из окон.

Со второй половины XVIII века в поместьях появляются регулярные сады и парки с геометрически правильной планировкой. Но уже в конце того же столетия регулярный стиль стал сменяться «натуральным», пейзажным или ландшафтным, в котором преобладало стремление гармонично сочетать особенности природного рельефа, естественной растительности и воды с посадками, аллеями и дорожками. Особенно любимым небогатыми помещиками был «натуральный сад». В садово-парковой архитектуре претворялись творческие фантазии владельца. Создавая на «десятине экстракт вселенной всей», дворянин стремился оставить свой след, как бы воздвигая таким образом памятник самому себе. Увлечение ландшафтной планировкой привело к коренному преобразованию многих живописных регулярных парков.

Типичными для крупных помещичьих хозяйств XIX века были конезаводы, оранжереи, винокурни, псарни, где разводили собак охотничьих пород, и т.д. Поместье нередко представляло собой самодостаточное натуральное хозяйство, к тому же известное своими диковинными породами скота или сортами растений. Усадьба – своеобразное «государство в государстве» – жила по законам вотчинного права, здесь тесно переплетались стремления к возвышенным идеалам и бытовые проблемы, а самовыражение хозяев проявлялось как в творчестве, так и в самодурстве: немало было среди помещиков чудачков, оригиналов, любителей карточной игры и т.д. Свою роль в жизни усадеб играли и крепостные крестьяне. Они были не только няньками барских детей, доверенными лицами хозяев, предприимчивыми приказчиками. В условиях деспотического подавления человеческих прав дворовые люди вступали в прямой конфликт (очевидный или скрытый) с дворянами.

В числе усадеб Орловского края наиболее известна ныне усадьба И.С. Тургенева Спасское-Лутовиново. Информацию о ней несложно найти во множестве справочников и энциклопедий. Подробнее расскажем о нескольких других усадьбах, которые принадлежали к числу наиболее обширных и богатых. Однако таких было относительно немного: преобладали в губернии мелкие поместья – насчитывалось более пяти тысяч дворянских имений, в среднем размер владений орловского помещика не превышал 200-250 десятин.

Сабурово. Развалины крепостных сооружений на правом высоком берегу реки Цон у села Сабурово (ныне Орловский район Орловской области) видны издалека. Кажется, будто мощная твердыня была поставлена здесь в древние времена для защиты Орла с юга от

набегов врагов. Но чем ближе подходишь к крепости, тем больше сомнений: крепость стоит не у самого обрыва, как это было принято в древности, да и толщина стен мала для обороны, сгодится разве что для ограды сада или парка. «Крепость» построена в 1790-е гг. по прихоти владельца этих земель генерал-фельдмаршала графа М.Ф. Каменского. На её территории располагались усадьба и большой сад.

При строительстве крепости главное внимание обращалось на декоративность, а не на её военную «мощь». Крепостные башни, и круглые, и прямоугольные, имеют пирамидальные, конические и сферические завершения. Башни достигают в высоту 14 метров. Своеобразный вид усадьбы объясняется, конечно же, военной профессией её владельца, известного полководца второй половины XVIII века.

Последние годы жизни Каменский провёл в своей усадьбе, занимаясь сельским хозяйством, математикой и стихотворством. Властный и своенравный характер графа проявлялся прежде всего в его отношениях с крестьянами: он был жестоким деспотом-крепостником. Характерно, что однажды он публично нанёс двадцать ударов арапником собственному сыну за то, что тот вовремя не явился по какому-то делу. Естественно, куда жёстче обращался старый граф с челядью. М.Ф. Каменский был убит в 1809 году одним из своих крепостных крестьян.

С селом Сабурово связана судьба одной из первых русских писательниц. Здесь выросла и неоднократно бывала впоследствии сестра М.Ф. Каменского Александра Федотовна Ржевская (урождённая Каменская, 1740-1769). Она писала, по отзыву Н.И. Новикова, «весьма изрядные» стихотворения в московских повременных изданиях, рисовала картины, составила книгу «Кабардинские письма» [1].

«Сабуровская крепость» была и остаётся уникальным памятником русской усадебной культуры.

Знаменское. В селе Знаменском Болховского уезда – имении поэта, драматурга и композитора Александра Алексеевича Плещеева (1778 – после 1845) подолгу жил русский писатель и историк Николай Михайлович Карамзин. Знакомство Н.М. Карамзина с родителями Плещеева относится к 1780-м гг.

Поэт И.И. Дмитриев в своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» писал о матери Плещеева Настасье Ивановне, оказавшей на молодого Карамзина большое влияние: «В её-то сельском уединении развивались авторские способности юного Карамзина. Она питала к нему чувства нежнейшей матери» [2]. Карамзин посвятил Плещеевым «Письма русского путешественника».

Из писем Карамзина Дмитриеву видно, чем было для него Знаменское в то время. 26 июля 1793 года он сообщал своему другу: «Я живу в деревне около месяца, покойно и не скучно» [3], а 17 августа того же года писал ему же: «Я живу в деревне с людьми милыми, с книгами и с природою» [4].

Через два года он снова в Знаменском, о чем свидетельствует его письмо, датированное 1795 годом: «Завтра я скачу из Москвы в деревню к Настасье Ивановне, которая очень, очень больна и не встает с постели, что вместе с другими обстоятельствами раздирает мое сердце» [5]. Пребывание его в тот год в болховском крае было самым продолжительным и плодотворным. В письме Дмитриеву от 17 октября 1795 года он сообщал из Знаменского: «Дней пять я занимаюсь новым планом: выдать к новому году русский *Almanach des Muses* (Альманах муз)» [6].

Альманах «Аониды», задуманный в Знаменском, был издан в 1796 году: в первой книге напечатаны стихи поэта-орловца А.И. Клушина и стихотворение Карамзина «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву».

В 1801 году Н.М. Карамзин женился на сестре Настасьи Ивановны Плещеевой – Елизавете. Она умерла в 1803 году, и после этого Карамзин больше не бывал в Знаменском.

Молодовое. Известный государственный деятель России, почётный член Императорской Академии наук и художеств Григорий Николаевич Теплов (1711-1779) построил усадебный дом в селе Молодовом Карачевского уезда (ныне Шаблыкинский район Орловской области) во второй половине XVIII века. Это было одно из старейших поселений губернии. Так в конце XVII века оно принадлежало боярскому роду Хитрово и называлось тогда Молдавское городище. В 1670-1675 гг. боярин Б. Хитрово поселил здесь около двухсот семей с северо-востока Белоруссии.

Теплов занимался в Молодовом лесоразведением, садоводством. Работал над философскими трудами, собирал материалы для истории Малороссии. И после его смерти родовое поместье сохраняло дух хозяина. Известный литературовед, а в ту пору орловский губернатор М.Н. Лонгинов, побывавший в 1870 году в Молодовом, писал в очерке о Теплове:

«Цел доньне огромный каменный его дом с обширными службами, садом, превосходными фамильными портретами, старинной утварью, большим архивом и библиотекой, достойной просвещенного человека той эпохи, в чем я имел случай лично удостове-

риться, посещая живущего там ныне родного внука его Григория Алексеевича Теплова» [7].

Увы, нам уже не суждено увидеть этого огромного дома с его богатейшей коллекцией. Всё погибло в 1917 году. Огнём было уничтожено бесценное достояние, где только книги библиотеки оценивались в 200 тысяч рублей золотом.

Козьминка. Граф Фёдор Васильевич Ростопчин, ближайший сподвижник императора Павла, московский военный губернатор 1812 года... Неуёмная энергия, остроумие создали славу этому незнатному поначалу дворянину, родившемуся в селе Козьмодемьяновском Ливенского уезда в марте 1763 года (ныне село Козьминка Ливенского района).

Его отцом был майор Василий Ростопчин, вышедший в отставку после Семилетней войны. Вот как писал о ливенском «высшем свете» тех лет поэт Александр Клушин, родившийся в бедной семье подканцеляриста:

*Почтенны л[ивенск]ие дамы,
Подчас угрюмы и упрямы,
Но молчаливы завсегда,
Живут приятельски с мужьями -
Друг друга потчуют тузами
И не бранятся никогда.
Мужья с великим просвещеньем,
Душевным, райским чтут спасеньем
Женой, как шашкою играть,
Заставить целый век молчать...
Вот свет, в котором поживаю.
Какой ни есть – однако ж свет...
...Здесь ум и сердце спят спокойно -
Их трудно на ноги поднять.
Здесь все пришиблено гвоздями,
Рассудок, смысл назаперти,
Все ходят странными шагами –
И нет надежного пути...*

Фёдор Ростопчин воспитывался в традициях времени, с приглашением иностранных учителей и гувернёров. В ливенском селе учили достаточно толково и серьёзно: юный Ростопчин умел свободно говорить на французском, немецком, английском языках.

В начале XXI века в Орловской областной библиотеке имени И.А. Бунина было обнаружено, что один из хранящихся здесь в фонде

редких книг томов прежде принадлежал Ростопчиным. На пожелтевшем титульном листе отчетливо виден автограф отца: «В. Ростопчин» (характерно, что вторая буква фамилии начертана совершенно особо: ее можно принять и за «о» и за «а»). Этой владельческой надписью отмечен изданный в Москве в 1766 году перевод труда ректора реформиртской гимназии в немецком городе Галле Иоганна Симона Линдингера «Обычаи достопамятных народов». Вне всякого сомнения, книга была одной из тех, по которым учился Федор Ростопчин.

Как бы много он ни повидал на своем веку, даже не склоне лет не угасало очарование родной стороной. Всего за полгода до ухода из жизни Ростопчин искренне восхищался в разговоре со своим добрым приятелем А.Я. Булгаковым «изобилием и местоположением» ливенских владений, жаловался только на то, что дорога оттуда на Ефремов стала «перековеркана по новой дорожной системе». А когда ему было сорок, Ростопчин писал из Козьмодемьяновского своему приятелю П.Д. Цицианову: «Я здесь смотрю и наполнен тысячью воспоминаний. Я здесь жил до 15 лет месяцев по девяти в год, первый год моей женитьбы наедине с женою и узнал все её добродетели; здесь родился Сергуша и я познал неизвестное чувство стать отцом. Много здесь со мною было неприятного, но всё окончилось» [Цит. по: 8].

Оставшийся не у дел после смерти императора Павла, Ростопчин занялся хозяйственными делами. В начале XIX века перестроил усадебный дом в подмосковном имении Вороново. Здесь, а также в воронежском имении Анна и в селе Козьмодемьяновском создал конные заводы, где вывел особую – «ростопчинскую» – породу лошадей

В родовом поместье Козьмодемьяновское Ростопчин построил огромный деревянный дом на каменном фундаменте (30 комнат, два флигеля), около церкви Козьмы и Дамиана – каменную часовню над склепом, где были похоронены представители его рода, отец и мать...

Вотчина Ростопчина была своеобразным опытным полем: он культивировал посевы сирийской и американской пшеницы, американского овса, пробовал удобрять поля илом со дна прудов. Пытаясь повысить урожайность, вносил на поля извѣстку и навоз. Ростопчин совершенствовал конструкцию молотилки, пытался модернизировать устройство обычной русской сохи, в книге «Плуг и соха» доказывал, что обещания английских агрономов попросту невыполнимы в российском климате, заимствовать надо только некоторые орудия, необходимые для обмолачивания хлеба и других работ.

Время не пощадило тех основ крепкого хозяйства, которые были заложены Фёдором Ростопчиным (он умер в 1826 году). Больше века славилась ростопчинская порода лошадей, но её генофонд серьезно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Наследники ещё в середине XIX века распродали имения. Родовое поместье Козьмодемьяновское перешло к разбогатевшим ливенским крестьянам Адамовым. Однако созданные здесь Ростопчиным основы земледелия были настолько прочны, что даже в годы Советской власти в его бывшем имении был организован образцовый зерносовхоз.

В Козьминке от дворянского гнезда Ростопчиных, от колыбели, где родился и вырос Фёдор Ростопчин, осталась лишь кирпичная стена со сторожкой возле ворот и каменный сарай. В июне 2014 года на здании школы установлена мемориальная доска, посвящённая этому выдающемуся государственному деятелю и публицисту.

Городище. В селе Городище на реке Цон (ныне Орловский район) жил и похоронен видный государственный деятель России, сенатор Евграф Федотович Комаровский (1769-1843). Участник суворовских походов, генерал от инфантерии, Е.Ф. Комаровский в течение нескольких лет занимал должность адъютанта российского императора Александра I. Будучи помощником военного министра М.Б. Барклая-де-Толли, в 1811 году руководил созданием внутренних войск страны, до 1828 года служил командиром отдельного корпуса внутренней стражи России.

Городище перешло к Комаровскому в качестве приданого после женитьбы на Елизавете Цуриковой в 1802 году. Его поразила нищета крестьян и их бедственное положение – он сразу решает открыть в Городище лазарет и учредить здесь должность лекаря. Вслед за лазаретом – строительство суконной фабрики. Появились господский дом, пышный парк с прудом. Парк был устроен на английский манер, а сады – на французский. Планировкой этих ландшафтов занимался специально приглашённый в Городище знаменитый архитектор и паркостроитель А.А. Менелас (1753-1831).

Когда в 1829 году Комаровский ушёл в отставку и уехал навсегда в Городище, село стало одним из приметных в округе – здесь был даже крепостной театр. В своём имении граф работал над автобиографическими записками, где запечатлены многие события российской истории конца XVIII – начала XIX вв.

После революции 1917 года художественное собрание усадьбы было вывезено в Орёл, и дальнейшие следы его затерялись. Разрушены графский дом, Успенская церковь, где был похоронен Ев-

граф Комаровский. Но память жива. Возрождён в школе драматический кружок, старшеклассники изучают историю родной стороны и собираются на вечера «У графа Комаровского». В июне 1999 года в селе была открыта мемориальная доска, посвящённая Е.Ф. Комаровскому.

Голунь. Усадьба Голицыных расположена в селе Голунь на высоком правом берегу реки Зуша, у дороги на Новосиль (Новосильский уезд перешёл из Тульской губернии в состав Орловской в 1925 году, а до этого издавна имел прочные хозяйственные и культурные связи с Орлом). Село было приобретено М.А. Голицыным в 1780 году. Голицыным принадлежали в Голуни более двух тысяч крепостных, суконная фабрика и конный завод. В 1785-1787 гг. был построен скотный двор, в эти же годы и вплоть до начала нового века возводятся господский дом, флигели, церковь.

Главный дом усадьбы был выстроен, вероятно, по проекту известного архитектора А.Н. Воронихина. В центре главных фасадов это довольно простое здание имеет прямоугольный (к парку) и полукруглый (к подъезду) выступы. В большом парке сохранились три луча аллей, сходящихся к полукруглому партеру перед домом. Живы и старые деревья: липа, клён, дуб, ель, лиственница, сосны.

Редкий и интересный памятник – сохранившийся поныне конный двор в Голуни, занимающий большой участок за оградой с башенками.

Можно сделать вывод о том, что провинциальные усадьбы являлись подлинными культурными центрами, уютными уголками, где находили вдохновение русские классики и не столь знаменитые литераторы. Усадьбы размещались в красивейших природных ландшафтах, идеально гармонируя с ними. Их строительством занимались талантливые архитекторы и мастера паркового дела. В усадьбах сосредотачивались великолепные библиотеки, изрядное количество картин западноевропейских и отечественных художников, скульптуры. Здесь создавались крепостные театры, школы, больницы. С историей усадеб связаны судьбы многих выдающихся деятелей искусства и науки. Возрождение в России усадебной культуры (естественно, в новом качестве – без помещиков-самодуров, крепостничества и прочих негативных атрибутов прошедших времён) могло бы позитивно сказаться на развитии всей русской культуры и общественной жизни.

Литература и источники

1. Энциклопедический словарь. – Репр. воспроизведение изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – М., 1991. – Т. 48. – С. 670.
2. Дмитриев, И.И. Взгляд на мою жизнь / И.И. Дмитриев. – М., 1866. – С. 78.
3. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб., 1866. – С. 41.
4. Там же. С. 42.
5. Там же. С. 53-54.
6. Там же. С. 61.
7. Лонгинов, М.Н. Григорий Николаевич Теплов / М.Н. Лонгинов // Русская старина. – 1870. – Т. II. – С. 195.
8. Тихонравов, Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812-м году / Н.С. Тихонравов // Отечественные записки. – 1854. – №7. – С. 3.

Т.А. Подоскина,

кандидат биологических наук,

старший научный сотрудник

Брянского государственного краеведческого музея

«Имя моё будет греметь»

Более полутора веков минуло с тех пор, как игрой воображения Алексея Константиновича Толстого и братьев Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых был рождён поэт и мыслитель Козьма Прутков. Его собратьями по перу (вполне реальными литераторами) он был замечен сразу же. С течением времени известность его не только не утихала, но лишь разгоралась с новой силой. Со свойственной ему пронизательностью Козьма Прутков сам предвидел свою неувядающую славу: «... имя мое будет греметь даже между дикими племенами Африки и Америки ...» [1, с. 283]. Не располагая достоверными свидетельствами о распространении прутковского слова на других континентах, отметим, что авторы отечественной литературы XIX-XXI веков охотно обращались и обращаются к творчеству этого мастера слова.

В 1863 году в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Фёдор Михайлович Достоевский заметил: «Есть у нас теперь один заме-

чательнейший писатель, краса нашего времени, некто Козьма Прутков. Весь недостаток его состоит в непостижимой скромности: до сих пор не издал еще полного собрания своих сочинений» [2, с. 74].

С юмором, в стиле предмета посвящения своих строк, в 1926 году Игорь Северянин так нарисовал портрет этого замечательного персонажа:

*Как плесень на поверхности прудков,
Возник, – он мог возникнуть лишь в России, –
Триликий бард, в своей нелепой силе
Не знающий соперников, Прутков.*

*Быть может, порождение глотков
Струй виноградных, – предков не спросили, –
Гимнастика ль умов, но – кто спесивей
Витиеватого из простаков?*

*Он, не родясь, и умереть не может.
Бессмертное небытие тревожит:
Что, если он стране необходим?
Что, если в нежити его живучей
Она, как в зеркале, находит случай
Узреть себя со всем житьем своим?.. [3, с.210]*

В некоторых более поздних художественных произведениях встречаются отголоски творчества мастера без непосредственного упоминания его имени. Сравним, например, два фрагмента текста. Козьма Прутков, отменяя притязания посторонних лиц на его литературное имя, утверждал: «...во избежание недоразумений, объявляю, что ничего не имею общего с автором статей, помещаемых в «Петербургской газете» (под именем Козьмы Пруткова. – *Т.П.*); он не только не родственник мне, но даже и не однофамилец» [1, с. 287]. А вот диалог из повести Аркадия и Бориса Стругацких «Хромая судьба», явно навеянный этим высказыванием:

Они помолчали. Потом мокрец сказал:

– Меня зовут Зурзмансор.

– Знаменитая фамилия, – вежливо сказал Виктор. – Вы не родственник Павлу Зурзмансору, социологу?

Мокрец прищурил глаза.

– Даже не однофамилец, – сказал он [4, с. 115].

У Владимира Марковича Санина в приключенческой повести «Белое проклятие», посвящённой работе лавинщиков, в обиходе ге-

роев присутствует некая доска для значимых высказываний, название которой недвусмысленно свидетельствует об обращении к плодам раздумья Козьмы Пруткова: «На языке вертится мрачное словечко, но боюсь накаркать. «Максим, у тебя дурной язык!» – мамино изречение, помещённое среди прочих на стенде «Мысли и афоризмы»» [5, с. 69].

Не только в художественной литературе, но и в публицистических очерках, и в узкоспециализированных текстах можно встретить отсылки к творчеству Козьмы Пруткова. Тематика произведений, авторы которых обращаются к прутковскому слову, весьма многообразна: юриспруденция, психология, социология, программирование, бухгалтерия, садоводство, рыболовство, ткачество... Следуя мысли мудреца «Никто не обнимет необъятного!» [1, с. 74], мы не будем стремиться к полноте охвата (это все равно недостижимо), но попытаемся остановиться на некоторых наиболее ярких примерах и тенденциях обращения к творчеству Козьмы Пруткова.

На своём сайте писатель Исаак Абрамович Подольный, автор ряда книг о Великой Отечественной войне, рассказывает историю о том, как адвокат в суде выстроил линию защиты, оперируя цитатами из сочинений Козьмы Пруткова: «В предвоенные годы в Советском Союзе для укрепления трудовой дисциплины были изданы драконовские законы. Опоздал на работу больше, чем на 20 минут – под суд. Прогоулял рабочий день – два года тюрьмы <...> Так вот, ранней весной 1941 года молодой парень, работавший в Вологде на одном из заводов, решил в ночь на выходной махнуть в родную деревню, чтобы повидаться с братом, вернувшимся с финской войны. Дороги развезло. Ни о каких автобусах и попутках в то время и речи не шло. Домой добрался только к воскресному утру. Ну, попиروвали славно, поговорили хорошо, а когда надо было возвращаться, выяснилось, что ледоходом снесло мостик на ближайшей речке. На лодке через ледяные заторы не переправиться. И пришлось добираться до города по дальней окружной дороге. Понедельник был прогулян...

Отца, служившего адвокатом, направили выступить по этому нехитрому делу в суде. Ожидая начала заседания, отец коротал время, перечитывая случайно подвернувшийся томик «Сочинений Козьмы Пруткова»... И вдруг мудрые мысли этого литературного персонажа совершенно неожиданно выстроились в логическую линию защиты «По делу о прогуле...».

Защитительную речь адвокат начал так: «Уважаемые участники судебного заседания! Позволю себе напомнить мысль директора

пробирной палатки Козьмы Петровича Пруткова, который учил нас: «Зри в корень!». И я прошу уважаемый суд прислушаться к этому весьма важному в данном деле совету». Затем последовала довольно длинная цитата: «Жизнь нашу можно удобно сравнить со своенравною рекою, на поверхности которой плавает челн, иногда укачиваемый тихоструйной волной, нередко же задерживаемый в своем движении мелью и разбиваемый о подводные камни! Нужно ли упоминать, что сей утлый челн на рынке скоропреходящего времени есть не кто иной, как сам человек?»

В глазах заседателей появился некоторый интерес: что-то непривычное говорит адвокат по скучному делу, где все и без того предельно ясно. На слова судьи, мол, нечего было там долго распивать, тут же последовала новый афоризм Козьмы Пруткова: «Три дела, однажды начавши, трудно кончить: А) вкушать хорошую пищу; Б) беседовать с возвратившимся из похода другом; В) чесать, где чешется.

Тут и судья не выдержал: по его лицу пробежала улыбка. На реплику прокурора о том, что и дорога-то была недалней, тоже нашелся афоризм: «Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален». И по поводу навалившего в ту ночь снега тоже нашелся довод Козьмы Пруткова: «Снег считают саваном омертвевшей природы; но он же служит первопутьем для жизненных припасов. Так разгадайте же природу!» Нашлись у Пруткова мысли и по поводу промокших сапог, и про ношу гостинцев, что собрала мать подсудимому в дорогу...

Холодный лед серьезности и вовсе растаял на лицах судьи и заседателей: уж очень необычно звучали в зале заседаний умные мысли «директора пробирной палатки и поэта Козьмы Пруткова». Даже прокурор сменил суровый взгляд на определенную заинтересованность и внимание... А молоденькая секретарь судебного заседания, девушка весьма интеллигентного вида, и вовсе едва сдерживала смех сквозь слезы: она просто не успевала вносить в протокол цитату за цитатой... Нет, зря некоторые современники считали мысли Козьмы Пруткова «...добродушным дурачеством». Революционный пафос и суровая социалистическая законность постепенно смягчались под натиском юмора. В зале заседаний воцарило понимание той нелепой жизненной ситуации, в которую не по своей воле попал подсудимый. Как говорится, «что и требовалось адвокату доказать»...

Приговор огласили быстро: дали человеку шесть месяцев принудительных работ по месту службы с вычетом 25% из заработной платы в пользу государства. Прокурор от обжалования такого неслыханно мягкого по тем временам приговора отказался.

После заседания к отцу подошел судья и тихонько попросил дать почитать книгу, «из которой вы цитаты зачитывали»... А вечером к нам домой позвонил и сам прокурор: «Где вы взяли эту книгу? И что это за автор – Прутков? Мы, вроде, в школе не проходили. И при чем здесь пробирная палатка?»

Примерно те же вопросы задал адвокату и осужденный. И пришлось каждому рассказывать про братьев Жемчужниковых и Алексея Константиновича Толстого, родивших на свет этого замечательного литературного героя...» [6].

В онлайн-журнале «Psychologies» («Психология») в рубрике «Интервью» 1 июня 2011 г. размещён материал о Диане Арбениной – певице, поэте, лидере группы «Ночные Снайперы», лауреате молодежной премии «Триумф» (2004), авторе нескольких книг. Материал озаглавлен афоризмом К. Пруткова: «Если у тебя есть фонтан – заткни его; дай отдохнуть и фонтану». Диана Арбенина рассказывает о себе: ««Когда я работала на стройке, мой прораб, клевый украинский хлопец Олег, научил меня главной вещи: не стенки красить и не шпателем водить – он научил меня молчать. Я довольно долго впитывала эту науку – молчание. Но когда поняла, почувствовала себя гораздо более человеком, чем до того. Правильно молчать – это уметь аккумулировать энергию, без которой невозможно существовать. Прошло 15 лет, и каково же было мое удивление, когда в одном прекрасном буддийском дацане я услышала наставление: «Молчи О ГЛАВНОМ». Вот какая чудная связь двух людей – дотошливо устраивающего свою жизнь рабочего парня и служителя религии, отвергающей материальное» [7]. Рискнём осторожно поправить известную певицу: здесь налицо «чудная связь» не двух, а трёх людей – к названным ею справедливо добавить и директора Пробирной Палатки.

Плоды раздумья Козьмы Пруткова – излюбленный материал для эпиграфов к статьям и разделам книг различной тематики. Это в равной степени относится и к печатным, и к электронным материалам. Е. Булатов в своих небольших статьях о программе обработки цифровых изображений Photoshop использует в качестве эпиграфов афоризмы: «И при железных дорогах лучше сохранять двуколку» [8] и «Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту» [9]. В Головач статью, посвящённую программированию, начинает с эпиграфа

«Вред или польза действия обуславливается совокупностью обстоятельств» [10]. «Не покупай каштанов, но бери их на пробу» – этой мыслью К. Пруткова предваряет свой текст о web-службах В. Пржиляковский [11]. Бухгалтер-эксперт Издательского дома «Фактор» А. Голенко проводит параллель между известной мудростью Козьмы Пруткова «Человек раздвоен снизу, а не сверху, – для того, что две опоры надежнее одной» и «раздвоением сверху» – между налоговым учетом и бухгалтерским учетом [12]. А.И. Шихатов начинает свою статью о шрифтах высказыванием «Человек ведет переписку со всем земным шаром, а через печать сносится даже с отдаленным потомством» [13]. М. Шарифуллин, ведя разговор об оснащении типографии измерительными приборами, напоминает читателю: «Часами измеряется время, а временем жизнь человеческая; но чем, скажи, измеришь ты глубину Восточного океана?» [14]. Т.С. Грановский свою книгу «Удивительная специальность – ткачество» предваряет эпиграфом «Всякий необходимо причиняет пользу, употребленный на своем месте» [15, с. 4], а одной из глав предпосылает другой афоризм Пруткова «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою» [15, с. 20]. И. Астанов, делаясь опытом выбора цвета приманки при любительском лове рыбы, считает уместным оттолкнуться в своих рассуждениях от афоризма «Не будь цветов, все ходили бы в одноцветных одеяниях» [16].

Книга Г.Г. Воробьева «Человек – человек», посвящённая различным аспектам взаимоотношений людей в обществе, является примером произведения, через которое стержнем проходит мудрое слово Козьмы Пруткова. Главы книги подразделены на разделы, и эпиграфом к каждому служит та или иная неординарная мысль; 19 разделов – 19 афоризмов. Например, раздел «О том, как быть начальником» предварён эпиграфом «Легче держать вожжи, чем бразды правления» [17, с. 113], раздел «В погоне за специалистами» начинается афоризмом «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» [17, с. 35], а одному из разделов главы «Наука отдыхать» предпослано высказывание «Начиная своё поприще, не теряй, о юноша, драгоценного времени!» [17, с. 174].

В ряде случаев авторы, обращаясь к творчеству Козьмы Пруткова, интерпретируют его высказывания не иносказательно, а буквально. Например, А.И. Бегунова в книге «Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I» замечает: «Отношение современников к гусарской униформе выражено в коротком афоризме Козьмы Пруткова: «Если хочешь быть красивым,

поступи в гусары»» [18, с. 121]. В романе-фэнтези «Чингисхан. Повелитель страха» его автор С. Волков вкладывает в уста своего героя, бывалого солдата, цитату из Пруткова: «Стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу», – любит повторять Маратыч. Мы ему верим, он двадцать семь лет отслужил в армии и прошел три войны» [19, с. 9].

Сходным же образом буквальный, а не переносный смысл высказываний К. Пруткова неоднократно обыгрывается в книге Н.И. Курдюмова «Энциклопедия умного дачника». Она написана легко и с юмором. Почти к каждому разделу подобран соответствующий эпиграф (анекдот, народная мудрость, выдержка из телепередачи). Точность цитат приблизительная – по всей вероятности, автор, всецело поглощённый садовыми и огородными делами, не сверял их с первоисточниками, а воспроизводил по памяти. Среди прочих цитат встречаются и высказывания Козьмы Пруткова, в основном на «растительную» тему. В главе «Как устроить сад поумнее», в частности, идёт речь о том, что урожайные культуры нельзя сажать в затенённые места. Соответствующий раздел предваряется эпиграфом – «Если бы тени предметов зависели не от величины сих последних, а имели бы свой произвольный рост, то, может быть, вскоре не осталось бы на всём земном шаре ни одного светлого места» [20, с. 192]. Когда речь заходит об укоренении черенков, применяется эпиграф «Зри в корень!» [20, с. 200]. Когда говорится о выращивании плодов, использован эпиграф «Из всех плодов наилучшие приносит хорошее воспитание» [20, с. 249]. Раздел «Как нельзя резать деревья?» предваряется афоризмом «Не всё стрижи, что растёт» [20, с. 272]. Свое достойное место в книге нашёл и самый «ботанический» афоризм Козьмы Пруткова «Незрелый ананас для человека справедливого всегда хуже зрелой смородины» [20, с. 330].

Правомерно ли усматривать в буквальном прочтении вышеназванных высказываний недалёковидность и узость мышления авторов, которые обращаются к меткому прутковскому слову? Может быть, напротив, они в данном случае отдают должное литературному мастерству самого мэтра? Ведь он сам неоднократно мастерски применял стилистический приём, заключающийся в возвращении словам и словосочетаниям, приобретшим устоявшееся переносное значение, их исходного прямого смысла. Именно на таком эффекте построен сюжет его «Злоумышленно приложенной пословицы». В ней идёт речь о некоем педагоге, у которого имелась несоразмерно короткая кровать, загороженная от света ширмой. Школьник подшутил над

ним, осторожно повалив ширму, и пояснил свои действия так: «*Не вы ли сами, государь мой, с превеликою настойчивостию вперяли нам во всем придерживаться пословицы: коротко и ясно?*» [1, с. 121]. В драме «Любовь и Силин» генеральша Кислосветдова, не в силах поверить вернувшемуся к ней дару речи, обращается к окружающим: «Ущипните меня, ради бога, чтобы я видела, что все это не во сне». Все воспринимают ее слова буквально, «поспешно к ней подбегают и щиплют ее; она громко кричит» [1, с. 234]. Не менее яркий пример находим и в драме «Торжество добродетели». Сановник де Лагероньер, претендующий на место товарища министра плодородия, принимает ванну, чтобы приобрести здоровый цвет лица и этим «самую наружность свою сообразить с его (министра. – Т.П.) взглядами на природу» [1, с. 240]. Министр наносит ему визит и, застав его в ванне, произносит, удерживая за плечи: «Говорю – сидите; мне приятно видеть подчиненного в мыле!..» [1, с. 254].

Сфера обращения к прутковскому слову не ограничивается областью литературы. Имя Козьмы Пруткова прозвучало с телеэкранов в высшей лиге Клуба весёлых и находчивых в сезоне 1986-1987 гг. Это был первый сезон возрождённого КВН после его закрытия в 1972 году. В утешительной игре, телевизионный эфир которой состоялся на Первом канале 13 февраля 1987 года, играли команды КВН: Севастопольского приборостроительного института (СПИ), Московского химико-технологического института им. Менделеева (МХТИ) и Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева (МИСИ). В ходе капитанского конкурса капитаны команд должны были в течение одной минуты, пользуясь нехитрыми предметами, сделать научное открытие. Капитану крымского вуза предложили яблоко, так как с помощью именно этого плода, согласно легенде, Исаак Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Капитану МХТИ выдали подушку, объясняя это тем, что Дмитрию Ивановичу Менделееву его периодическая система приснилась во сне. Капитан же МИСИ Всеволод Титов получил горшок с цветком. Подоплёка тут такова: французский садовник Жозеф Монье изобрёл железобетон, обмазав кадку с пальмой цементом и обмотав её проволокой. Представляя на суд жюри и зрителей научное открытие, Всеволод Титов обратился к афоризму Козьмы Пруткова, правда, слегка переиначив его. Он поднял горшок выше уровня глаз, посмотрел снизу на его дно и произнёс: «Здесь вот есть дырочка, и меня она навела на интересную мысль, что это телескоп Козьмы Пруткова, и он, глядя в неё, открыл закон «Зри в корень!». Зрители встретили эту шутку бурной овацией.

Высоко оценил находку Всеволода Титова и член жури, прославленный шахматист Гарри Каспаров. В своём комментарии к выступлениям капитанов он сказал: «Что касается команды МИСИ, то, если бы капитан ограничился фразой «Зри в корень!», то он, безусловно, получил бы пятёрку, но у него хватило архитектурных излишеств, которые утянули его в четыре».

В 2000 г. был снят фантастический мультипликационный фильм «Земля, нас поражающая» по афоризму Козьмы Пруткова «Дознано, что Земля, своим разнообразием и величию нас поражающая, показала бы на Солнце находящемуся зрителю только как гладкий и ничтожный шарик». Автором сценария, режиссером и художником выступила Елизавета Зилонова [21]. «Два симпатичных пришельца, рожденных Солнцем и потому состоящих из плазмы, прилетают на Землю времен Средневековья и оказываются в руках инквизиции. Их пытались сжечь на костре, но пришельцы питаются пламенем и увеличились до огромных размеров. Покинув негостеприимную Землю, пришельцы возвращаются на Солнце...» [22].

Елизавета Зилонова любезно поделилась с автором этих строк историей создания своего мультфильма: «Идея возникла из задания мастера нашей мастерской ВГИКа С.М. Соколова для курсовой работы. Нужно было придумать сюжет по коротким рассказам Хармса, либо по мотивам лимериков Эдварда Лира, либо по афоризмам Козьмы Пруткова. Мне очень понравилось творчество Пруткова и я выбрала несколько афоризмов из которых могла получиться какая-то история, интересная для меня. И как-то в один присест придумалась история, которая и стала сценарием дипломной работы (изначально была курсовая, но по ряду причин она перешла в дипломную). Собственно, афоризм представился, как прямая речь. Кого? Обвинителя неких «солнечных зрителей»! Фильм был сделан без финансовой поддержки (были кризисные 1999-2000 гг.), на коленке, практически в одиночку, в течение двух лет. Мне хотелось попробовать классическую технику, а-ля Дисней, насколько это было возможно. Получился такой трэш. Фильм получил главный приз за анимацию в Исмаилии (Арабская Республика Египет) в 2001 году, и несколько дипломов, в том числе «Дебют-Кинотавр», Всероссийского фестиваля визуальных искусств в ВДЦ «Орлёнок» и других фестивалей».

Жизнеописание Козьмы Пруткова не лишено противоречий. До сих пор исследователи его творчества не могут придти к единодушному мнению относительно времени его рождения: «Сам Козьма Петрович считал, что появился на свет 11 апреля 1801 года, тогда как

опекуны настаивают на 11 апреля 1803 года. Кто прав? Вопрос по сей день остается открытым» [23, с. 124]. Также спорным является и авторство некоторых произведений из «Сочинений Козьмы Пруткова». Сам он заявлял: «Напоминаю тебе, читатель, что всех Прутковых, подвизавшихся на литературном поприще, было трое: мой дед, отец и я. Из моих же многочисленных потомков никто, к сожалению, не наследовал литературного таланта» [1, с. 287]. Однако из письма «От потомков Козьмы Петровича Пруткова в редакцию «Современника»», «подписанного» шестью дочерьми и семью сыновьями Кузьмы Петровича Пруткова, следует иное: «...нас, ближайших потомков Козьмы Петровича Пруткова, весьма много, – брак Козьмы Петровича был благословлен многочадием! Один из нас, соименник Кузьмы Петровича, Кузьма Кузьмич Прутков, пока ещё остаётся неизвестным публике; но мы предупреждаем, что в нём воскреснет талант нашего знаменитого родителя. До того времени пусть публика наслаждается произведениями его братьев, из коих Андроник есть творец комедии «Любовь и Силин», Антон и Агапий суть творцы комедии «Фантазия» и драмы «Торжество добродетели»» [1, с. 239]. Так или иначе, но и в наше время заявил о своём таланте «прямой потомок» К. Пруткова. В течение 10 лет с 2002 по 2012 гг. в специализированном отраслевом издании «Broadcasting. Телевидение и радиовещание» (выходит с 1999 г.) была представлена рубрика «Строка курсивом», которую вел «эксперт» «полный тезка и большой поклонник своего широко известного прадеда Кузьмы Петровича Пруткова». Всего в этой рубрике опубликовано 75 статей. Каждая либо была озаглавлена цитатой из произведения Пруткова, либо содержала соответствующий эпиграф. Статьи сопровождалась «портретом» эксперта Кузьмы Петровича Пруткова. Первая статья была опубликована во втором номере журнала за 2002 г.:

«Строка курсивом...»

Умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом
К. Прутков

Уважаемые читатели!

Да, вы не ошиблись. Я полный тезка и большой поклонник своего широко известного прадеда Кузьмы Петровича Пруткова, который представлялся как «директор Пробирной Палатки и поэт». Он, несомненно, был еще и крупный ученый, поскольку теперь функции руководимой им «Палатки» выполняют сразу несколько НИИ. Суди-

те сами – пост, который оставил прадед в 1863 году в чине генерал-майора, тридцать лет спустя занял великий химик Д.И. Менделеев, и именно в этом качестве благословил главное русское сокровище – «сорокоградусную»! Между прочим, когда я шел по Миусской площади в редакцию журнала «Broadcasting» мимо института им. Менделеева, то подумал: «А ведь это неспроста!»

Коротко о себе: я петербуржец и этим, как говорится, все сказано! Полагаю, что я тоже ученый. Полистайте научные журналы – если авторы там ученые, то и я тоже! Продолжая стезю прадеда, 40 лет прослужившего в пробирном надзоре, я жизнь свою также посвятил стандартизации и метрологии, а в кругу друзей имею шутливое прозвище «военпред». Выйдя недавно в отставку, я по примеру многих моих земляков подался в Москву, где предложил свои услуги редакции самого симпатичного мне и близкого по профилю журнала. Как и прадед, я пишу с детства, и всегда мечтал печататься! И когда мне, как начинающему журналисту, предложили поработать с письмами читателей, я по военной привычке не стал капризничать, ведь «усердие все превозможет!». Прадед мой любил говорить, что «только на государственной службе познается истина!» Вы, по-видимому, уже поняли, что я этой истины в жизни своей хлебнул сполна и теперь готов щедро делиться с вами!

Уверен, что мы быстро подружимся, ведь прадед мой в свое время подружился со всей читающей Россией! В этом смысле мне очень импонирует новомодное словечко «реинкарнация», поскольку я даже внешне похож на прадеда – сравните наши портреты!» [24]

Так состоялось знакомство «эксперта» с читателями, за которым последовал продолжительный и конструктивный диалог. Каждый выпуск рубрики «Строка курсивом» начинался с вступительной части, по-прутковски лёгкой и искромётной, затем следовали вопросы читателей и обстоятельные и профессиональные ответы на них. Приведём текст одной из бесед Козьмы Пруткова о проблемах телерадиовещания:

«Незрелый ананас всегда хуже спелой смородины!»

Одни люди уверены, что все события в человеческом обществе заранее предусмотрены в Священном Писании, другие верят в предсказания Нострадамуса. Я же утверждаю, что очень многое – в смысле предвидения будущего – можно почерпнуть из творческого наследия моего прадеда. Об актуальности этой мысли говорит явно революционная ситуация, сложившаяся сегодня в российском телевидении. Авторы многих статей в нашем журнале буквально упива-

ются сошедшим на них озарением по вопросам, в сути которых не сомневался мой прадед. К примеру, маститые специалисты наперебой доказывают приоритетное значение контента в информационных системах. Мой же прадед скромно советовал: «Купи прежде картину, а уж после – рамку». Недавно наши предприниматели, словно очнувшись, бросились торопливо строить телекинокомплексы для съемки российских телесериалов на отечественном литературном материале. Где только не строятся теперь съемочные павильоны: и на территории чаеразвесочной фабрики, и шарикоподшипникового завода, и оборонного института, и т.д. Делается это для того, чтобы, упаси Боже, не отпустить от телеэкрана российского зрителя, за полтора десятилетия «наевшегося до желчной отрыжки» латиноамериканской экзотикой. Прадед же мой заранее предупреждал о такой опасности (см. заголовок). Еще одно «открытие» из самых последних и сокровенных: телезрителям, оказывается, нужны нишевые каналы, более точно соответствующие запросам крупных платежеспособных групп населения. Но и это предвидел мой мудрый прадед: «Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту!» Коллеги! Интеллигентность снова в моде: читайте классиков, читайте их в оригинале!» [25, с. 92-93]

В третьем номере журнала за 2012 год «эксперт Козьма Прутков» выступил с последней публикацией, в которой подводил 10-летний итог своей работы:

«Радио хорошо тем, что его всегда можно выключить»

*Ищешь лучшего? Сравни прошедшее с настоящим
и подведи итог!*

К. Прутков. Сочинения

Уважаемые читатели! В первых строках этого выпуска я хотел бы искренне поблагодарить друзей нашей рубрики, поздравивших ее с двойным юбилеем: с десятилетием рубрики «Наш эксперт Кузьма Прутков» (начало в № 2/2002) и настоящим 75-м ее выпуском. Здесь уместно напомнить читателям, что наш родной журнал ВС недавно отметил выход сотого номера, то есть наша рубрика – ветеранская на страницах журнала и, по достаточно надежным сведениям, еще не надоела ни начальству, ни читателям, ни даже мне самому! А если короче: «Рад служить!»

Тем не менее редакция ВС будет весьма признательна за любые ваши предложения и замечания по ее форме и содержанию.

Любой юбилей, по мнению русских классиков, это, конечно же, праздник, приятный и беспощадный! Поэтому хватит юбилейного, пора за работу. <...>

Как советовал прадед: «Козыряй!» [26, с. 66-67]

На этой мажорной ноте закончилось сотрудничество «эксперта Козьмы Пруткова» с редакцией журнала «Broadcasting. Телевидение и радиовещание». Творцом образа правнука «своего широко известного прадеда», настоящим бессменным ведущим рубрики «Строка курсивом» был один из старейших деятелей отечественного телевидения Владимир Григорьевич Маковеев [27]. После окончания в 1960 г. Московского электротехнического института связи В.Г. Маковеев начал работать на телевидении. В 90-е годы он был первым заместителем руководителя Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию, много лет возглавлял научно-исследовательский институт телевидения и радиовещания и сотрудничал с журналом «Broadcasting. Телевидение и радиовещание». В августе 2012 года Владимир Григорьевич Маковеев ушёл из жизни, и рубрика «Строка курсивом» прекратила своё существование.

Еще в 1883 г. Алексей Жемчужников писал, что Козьма Прутков «с самого своего появления сделался так популярен, что ему приписывались разные удачные шутки и сатиры, ему не принадлежавшие» [28, с. 308]. С течением времени тенденция приписывать перу Козьмы Пруткова различные неординарные выражения афористичного характера не утратилась. Когда-то весьма популярный, но ныне, к сожалению, почти забытый дореволюционный писатель А.В. Амфиатов в своём романе «Отравленная совесть» (1895 г.) дважды таким образом «цитирует» Пруткова: «Наоборот, сам Ревизанов скорее был в этом браке страдательным лицом, угнетенным несчастным мужем, потому что золотопромышленница его – как выражался Кузьма Прутков, – «следуя обычаям своей страны», – пила мертвую чашу, допивалась до белой горячки и скандалила на весь Урал...» [29, с. 414]; «Знаете, как Кузьма Прутков говорил «Друг мой, удивляйся, но не подражай!..»» [29, с. 378]. Интересно, что в своём электронном учебнике «Исследование систем управления» В.А. Созинов в качестве эпиграфа к одной из глав использовал другой вариант последней фразы, авторство которой он также приписал Козьме Пруткову: «Сын мой, удивляйся, но не подражай!..» [30]. Другой пример цитирования псевдо-прутковской мысли находим в романе «Бич времён» нашего земляка, писателя-фантаста В.В. Головачёва: «Костров хотел вылезти из своего коридорчика в зал и вспомнил изречение Козьмы Пруткова:

«Попад в незнакомое место – осмотрись». Последуем совету мудреца» [31, с. 88]. Известный спортивный комментатор Дмитрий Губерниев на XXII зимних Олимпийских играх в г. Сочи во время репортажа о мужской лыжной гонке, как всегда эмоционально комментируя происходящее, сказал: «Вылегжанин очень аккуратно работает. Здесь лучше *недо-*, чем *пере-*. Все мы знаем известное выражение Козьмы Пруtkова, актуальное в мировых лыжах» (прямой эфир 19 февраля 2014 г. на канале «Россия 1»).

Помимо спорности авторства ряда высказываний, в современном прочтении творчества мэтра встречаются и другие проблемные моменты. С 1993 года стал выходить журнал под броским и лаконичным названием «БДИ» [32]. На первый взгляд, этот заголовок – прямое обращение к соответствующему афоризму Пруtkова – не только самому короткому, но одному из наиболее любимых автором. Недаром он посвятил ему довольно пространные рассуждения в своих сочинениях: «Это, по-видимому, очень коротенькое слово имеет значение весьма глубокое. Сознательно или инстинктивно, но всякая тварь понимает смысл того, слишком, быть может, коротенького слова. Быстролетная ласточка и сладострастный воробей укрываются под крышею здания правды. Налим, спокойно играющий в реке, мгновенно прячется в нору, заметив приближение дьякона, наострившегося ловить эту рыбу руками. Двухутробка забирает своих детенышей и устремляется на верхушку дерева, услышав треск сучьев под ногами кровожадного леопарда. Матрос, у которого во время сильного шторма унесло в море его фуражку с ленточками, не бросается в волны спасать эту казенную вещь, потому что заметил уже хищную акулу, разинувшую свой гладкий рот с острыми зубами, чтоб проглотить и самого матроса, и другие казенные вещи, на нем находящиеся.

Но природа, охраняющая каждого от грозящей ему опасности, не без умысла, как надо полагать, допустила возможность зверю и человеку забывать это коротенькое слово: «бди». Дознано, что ежели бы это слово никогда и никем бы не забывалось, то вскоре на всем земном шаре не отыскалось бы достаточно свободного места» [1, с. 280].

Однако вопреки очевидному, на первый взгляд, соответствию между звучным именем журнала и ходом мысли Козьмы Пруtkова, сотрудники редакции «БДИ» заявляют, что к афоризму Пруtkова название их издания не имеет никакого отношения, а является всего лишь аббревиатурой от последовательности слов «безопасность, достоверность, информация» (журнал освещает различные аспекты

сферы безопасности и направления технического развития этой отрасли). Оставим окончательное решение этого спорного вопроса будущим исследователям творческого наследия Козьмы Пруткова. Заметим лишь, что сам мэтр был достаточно прозорлив, чтобы предвидеть эту ситуацию и предостеречь нас: «Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим» [1, с. 86].

Литература

1. Сочинения Козьмы Пруткова. – М.: «Художественная литература», 1987.
2. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. / Ф.М. Достоевский. – М., 1956. – Т. 4.
3. Северянин, И. Стихотворения и поэмы 1918-1941 / И. Северянин. - М.: «Современник», 1990.
4. Стругацкий, А.Н. Хромая судьба / А.Н.Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. – М.: АСТ МОСКВА, 2009.
5. Санин, В.М. Белое проклятие / В.М. Санин // Белое проклятие. Большой пожар. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
6. Библиотека И.А. Подольного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podolnyi-library.ru/>.
7. «Если у тебя есть фонтан – заткни его; дай отдохнуть и фонтану» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychologies.ru/people/phrase/_article/diana-arbenina/.
8. Булатов Е. Снова поезд. Vendigo. Журнал Евгения Булатова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vendigo.ru/photoshop/best-photoshop-plugins-for-photographer.html>.
9. Булатов, Е. Лучшие плагины Photoshop для фотографа. Vendigo. Журнал Евгения Булатова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vendigo.ru/photoshop/best-photoshop-plugins-for-photographer.html>.
10. Головач, В. Adobe Framemaker. Солдат невидимого фронта??? / В. Головач // Курсив. – 2000. – № 6. – Режим доступа: (<http://kursiv.ru/kursiv/archive/26/frame.html>).
11. Пржиялковский, В. Oracle: ваш первый шаг к web-службам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citforum.ru/database/oracle/first/>.
12. Голенко, А. Раздвоение сверху [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://masters.donntu.edu.ua/2002/fem/chalaya/libr/library4.htm>.

13. Шихатов, А.И. Макрос с цитрусом и немного о шрифтах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arbuz.uz/z_macros1.html.
14. Шарифуллин, М. Измеряйте! Зачем в типографии лаборатория и как ее можно оснастить? // Курсив. – 2000. – № 5. – Режим доступа: (<http://kursiv.ru/kursiv/archive/25/measure.html>).
15. Грановский, Т.С. Удивительная специальность – ткачество / Т.С. Грановский. – М.: «Легкая промышленность и бытовое обслуживание», 1989.
16. Астанов, И. Статья без названия, но с эпиграфом / И. Астанов // Спортивное рыболовство, 2006, № 1. – Режим доступа: (http://sfish.ru/content/archives/index.php?section_id=121&element_id=1714&journal_id=257&article_id=1732)
17. Воробьев, Г.Г. Человек – человек/ Г.Г. Воробьев. – М.: Молодая гвардия, 1979.
18. Бегунова, А.И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I / А.И. Бегунова. – М.: Молодая гвардия, 2000.
19. Волков, С. Чингисхан. Кн. 1. Повелитель страха / С. Волков. – М: Издательско-торговый дом «Этногенез»; Изд-во «Популярная литература»; «Изд-во АСТ», 2011.
20. Курдюмов, Н.И. Энциклопедия умного дачника / Н.И. Курдюмов. – М.: ИД ВЛАДИС РИПОЛ КЛАССИК, 2007.
21. Земля, нас поражающая. Мультфильм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/video/search?text=земля%2С&path=wizard&filmId=Z482h-xv9xc>.
22. Харитонов, Е.В., Щербак-Жуков, А.В. Земля, нас поражающая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fandom.ru/about_fan/kino/zemly_nas_porazayushaya.htm.
23. Смирнов, А.Е. Козьма Прутков / А.Е. Смирнов. – М.: Молодая гвардия, 2011.
24. Козьма Прутков. Строка курсивом... // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. – 2002. – № 2. – Режим доступа: <http://broadcasting.ru/articles2/byauthor/prutcov>.
25. Козьма Прутков. Незрелый ананас всегда хуже спелой смородины! // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. – 2005. – №5.
26. Козьма Прутков. Радио хорошо тем, что его всегда можно выключить // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. – 2012. – № 3.
27. Устное сообщение главного редактора журнала «Broadcasting. Телевидение и радиовещание» Анны Заварзиной.

28. Жемчужников, А. Происхождение псевдонима «Козьма Прутков» / А. Жемчужников // Сочинения Козьмы Пруткова. – М.: «Художественная литература», 1987.

29. Амфитеатров, А.В. Отравленная совесть / А.В. Амфитеатров // Мёртвые боги: Рассказы. Роман. – М.: «Современник», 1991.

30. Созинов, В.А. Исследование систем управления / В.А. Созинов. – Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/Books/issled_sist_upr/default.asp.

31. Головачёв, В.В. Бич времён / В.В. Головачев. – М.: «ЭКСМО», 1997.

32. Журнал «БДИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazzzeta.com/%E1%E4%E8/arhiv>.

Т.А. Подоскина,
*кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник Брянского
государственного краеведческого музея*

О цитировании А.К. Толстого в российской литературе и других сферах культурной жизни

Через два года Россия отметит 200-летие со дня рождения Алексея Константиновича Толстого. Имя и литературное достояние замечательного поэта, писателя и драматурга – нашего земляка – не ушли в прошлое, они по-прежнему востребованы. В селе Красный Рог Почепского района Брянской области принимает посетителей музей-усадьба А.К. Толстого; ежегодно в начале сентября здесь проходит Всероссийский праздник поэзии «Серебряная лира»; произведения классика издаются и изучаются в школе; продолжают свою работу исследователи его жизни и творчества; Брянский областной театр драмы и Брянский парк-музей носят имя А.К. Толстого; на театральных подмостках разных городов страны ставятся спектакли по его пьесам.

Ещё одним подтверждением актуальности творчества мастера является цитирование его произведений – причём не только в специальных трудах литературоведов (что является само собой разумею-

щимся), а в совершенно иных сферах культуры. Ни в коем случае не претендуя на полноту охвата, мы попытаемся лишь показать, сколь разнообразны по времени создания и жанру могут быть источники, авторы которых обращаются к толстовскому слову. Цитаты из произведений А.К. Толстого даны в той редакции, в которой они приведены в указанных источниках.

Наиболее ранний источник из цитируемых в нашем небольшом исследовании – изданные в 1894 году путевые заметки Василия Михайловича Сидорова (1843-1903) – русского путешественника, натуралиста, поэта и драматурга. В.М. Сидоров описал свои впечатления от путешествия по реке Волге от Валдая до Каспия. В тексте путевых заметок описание виденного перемежается экскурсами в историю. Книга разделена на 22 главы, соответствующие этапам путешествия. Каждая из них начинается с эпиграфа, взятого, как правило, из произведений русских и зарубежных классиков, среди которых Пушкин, Достоевский, Шекспир, Шиллер... Дважды автором использованы эпиграфы, взятые из произведений А.К. Толстого – глава 9 «До Нижнего (Виды. Кинешма. Юрьевец. Воскресный вечер. Рассвет на Волге)» начинается строками: *«Есть много звуков в сердца глубине, неясных дум, не спетых песен много...»* [1], а глава 11 «Нижний – Новгород (Продолжение) (Кремль и его соборы. Ярмарка. Кунавино)» – четверостишием:

Сила часто безмолвствует.

Бог никогда не говорит.

Ой, кабы Волга-матушка, да вспять побежала.

Кабы можно, братцы, жить начать сначала [2].

Художественная литература

Творчество А.К. Толстого нашло своё отражение и в художественной литературе XX века. В 1922 году вышел автобиографический роман Андрея Белого «Котик Летаев». Это первая часть задуманной автором многотомной эпопеи «Моя жизнь». Сознание ребёнка предстаёт перед читателем в виде потока невероятных и причудливых ассоциаций. «Котик Летаев» – и по содержанию, и по форме новаторское произведение. В нём автор делает попытку построить литературное прозаическое произведение на принципах, свойственных музыкальным симфониям [3]. Роман целиком, как и каждая его глава, предваряется собственным эпиграфом. Во второй главе «Нянюшка Александра» в качестве эпиграфа выбрана цитата из стихотворения А.К. Толстого «По гребле неровной и тряской...»:

*Всё это уж было когда-то,
Но только не помню когда... [4]*

Вышедший в 1981 году роман известного русского советского писателя Валентина Саввича Пикуля «Три возраста Окини-сан» изображает события в жёсткой реалистичной манере и, таким образом, по сравнению с творчеством Андрея Белого, представляет совершенно иное направление в художественной литературе. В центре романа – судьба Владимира Коковцева, прошедшего путь от мичмана до адмирала российского флота. На фоне значимых исторических событий – Русско-японской и Первой мировой войн, Февральской и Октябрьской революций – разворачивается драма личной жизни главного героя.

В первой части романа знаковой становится сцена исполнения юной Ольгой романса на стихи Алексея Константиновича Толстого «В отлива час». Приехавший после двухлетнего отсутствия на дачу семейства Воротниковых Владимир Коковцев ещё совсем не уверен в своих чувствах к Оленьке – слишком сильна его тоска по оставленной им в далёкой Японии Окини-сан. Исполнение юной героиней романса на слова А.К. Толстого органично вплетается в сюжетную линию повествования: его словами Ольга признаётся в любви мичману Коковцеву:

«Вера Федоровна не пожелала отпустить мичмана, пока ее дочь не предстанет в самом лучшем свете.

– Молодые люди давно ждут, когда ты споешь им. – Мать сама открыла рояль, указав дочери даже романс: – «Не верь, дитя, не верь напрасно...» У тебя это «не верь» всегда производит на мужчин несравненное впечатление!

Назло матери, капризничая, Ольга отбарабанила вульгарного «чижика». Ее глаза вдруг встретились с глазами Коковцева.

– Хорошо, – сказала она. – Не верить, так не верить...

В отлива час не верь измене моря,

Оно к земле воротится, любя:

Не верь, мой друг, когда в избытке горя

Я говорил, что разлюбил тебя.

Рояль звучал хорошо. Мотыльки бились о стекло лампы.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,

Мою свободу вновь тебе отдам,

И уж бегут с обратным шумом волны –

Издалика к родимым берегам...» [5].

Волшебные звуки романса заставили Владимира отогнать нечаянную тоску и обратить свой взор на прелестную цветущую Оленьку. Неслучайно, *«вспоминая вечер на даче, он мурлыкал в чёрное окно:*

*И уж бегут с обратным шумом волны –
Издали к родимым берегам...»* [6].

Эта сцена на даче стала прелюдией к долгой совместной жизни Владимира и Ольги, полной драматических коллизий.

Научно-популярная литература

Творчество А.К. Толстого нашло широкий отклик и в научно-популярной литературе, причём, прежде всего, в произведениях биологической направленности. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что Алексей Константинович был большим любителем и знатоком родной природы, а также страстным охотником.

Среди авторов научно-популярного жанра упомянем, прежде всего, Александра Николаевича Формозова (1899-1973) – известного зоолога и эколога, доктора биологических наук, профессора Московского университета, автора 200 научных трудов. Широкому кругу читателей знакомы книги и очерки А.Н. Формозова, в которых он проявил себя как писатель-натуралист и художник, лично иллюстрировавший многие свои работы. Популяризацией науки А.Н. Формозов занимался около полувека. Его книгу *«Шесть дней в лесах. Приключения юных натуралистов»*, впервые изданную в 1924 году, справедливо будет отнести к научно-художественному творчеству; таким образом, в нашем исследовании она как бы перекидывает мостик от художественных произведений к собственно научно-популярной литературе. В основе рассказа – подлинные события 1905-1915 гг. [7] Черты самого автора приданы образам двух вымышленных героев – юных натуралистов, гимназистов Гриши и Севки, страстно увлечённых природой и стремящихся всё увидеть своими глазами Текст книги предваряет эпиграф, взятый из стихотворения А.К. Толстого *«Садко»*:

*«Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что станет со мной:
За сердце вот так и хватает!
Теперь у нас пляски в лесу молодом
Забуты и стужа и слякоть –
Когда я подумаю только о том,*

*От грусти мне хочется плакать!
Теперь, чай, и птица, и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись теперь,
Синеет в лесу медуница!
Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березкой душистою пахнет –
И сердце во мне, лишь помыслю о том,
С тоски изнывает и чахнет!» [8]*

Небольшой отрывок из этого же стихотворения А.К. Толстого «Садко» использует в своей книге «Лесная газета» и известный русский писатель Виталий Валентинович Бианки (1894-1959). В.В. Бианки широко известен как автор более трёхсот рассказов, сказок, повестей и статей, раскрывающих мир природы. Его книги, написанные лёгким и красочным языком, обращены непосредственно к воображению ребёнка. В советское время книги В.В. Бианки широко использовались в детских садах и в начальной школе.

«Лесная газета» была впервые издана в 1928 году. Книга имеет оригинальную литературную форму: с помощью газетных приёмов (телеграмма, хроника, объявление, фельетон) – дан календарь лесной жизни на каждый месяц. В ней двенадцать номеров – по одному на каждый месяц. Вот отрывок из вступительного текста к Лесной газете №3 «Месяц песен и плясок (третий месяц весны)»:

«Отворились двери без петелек, залетали жильцы златокрылые – труженицы-пчёлки. Всё поёт и играет, и пляшет: косачи – на земле, селезни – на воде, дятлы – на деревьях, бекасики – небесные барашки – в воздухе над лесом. Теперь, по слову поэта, «птица и всякая зверь у нас на Руси веселятся. Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь синеет в лесу медуница»» [9].

К творчеству А.К. Толстого обращается и один из крупнейших российских орнитологов, профессор Ленинградского государственного университета Алексей Сергеевич Мальчевский (1915-1985). А. С. Мальчевский – автор более 80 научных трудов, научно-популярных книг и познавательных фильмов о природе. По воспоминаниям другого известного советского орнитолога Ю.Б. Пукинского, А.С. Мальчевский очень любил стихи, особенно Пушкина, Лермонтова и А.К. Толстого [10]. Вот выдержка из книги «Орнитологические экскурсии»: «Так называемая тяга вальдшнепа хорошо знакома не только каждому охотнику. Она неоднократно описывалась в классической русской литературе, как в прозе, так и в стихах.

Наиболее ярко её изобразил А.К. Толстой в стихотворении «На тяге» [11].

Книга Г.Л. Ремезовой и М.Е. Эратовой «Войди в зелёный мир» обращена к юным читателям и, как следует из названия, вводит их в замечательный мир растений. Она с успехом может служить путеводителем в семейных, индивидуальных познавательных экскурсиях и прогулках в природу. Повествование ведётся в форме непринуждённой беседы с читателем. Описания различных растений и их биотопов перемежаются лирическими отступлениями. В текст вплетаются стихотворные строки Александра Блока, Сергея Есенина, Афанасия Фета, Александра Твардовского... В главе «На цветистых лугах» речь, в частности, идёт речь об отдельных видах растений, составляющих разнотравье суходольных лугов: *«Перед нами целые стайки другого колокольчика – раскидистого. Он не такой редкий как колокольчик персиколлистный. Тоже очень изящное растение. Цветки его тёмно-лиловые. Они собраны раскидистой метёлкой и «звонят себе звонят» на ветру.*

Вот как красиво написал о колокольчиках поэт А.К. Толстой:

*Колокольчики мои, цветики степные,
Что глядите на меня, тёмно-голубые?
И о чём звените вы в день весенний мая,
Средь некошенной травы головой качая?*

Правильнее было бы, конечно, сказать: «цветики луговые», но для поэта возможно сказать и по-своему, допуская подчас и неточности» [12].

Отметим попутно, что В.Е. Симоненко высказывает иную точку зрения на видовую принадлежность колокольчиков, описанных в этом стихотворении. На её взгляд, «более всего под описание Толстого подходит вид Колокольчик круглолистный – *Campanula rotundifolia*» [13].

В брошюре «Обитатели древних морей территории Брянской области» авторы, А.К. Горохова и Т.А. Подоскина, также оживляют строгий научный текст цитатами из литературных произведений. В главе о грифее (двустворчатом моллюске юрского периода мезозойской эры) в частности, идет речь происхождении названия, которому моллюск обязан своей загнутой макушкой, напоминающей клюв хищной птицы или мифического грифона. В тексте приведён отрывок из новеллы А.К. Толстого «Упырь», в котором повествование ведётся от лица одного из персонажей новеллы, Антонио: *«Я оглянулся и увидел золотого грифона величиною с годовалого телёнка. Он*

смотрел на меня умными глазами и повёртывал своим орлиным носом...» [14].

Интересный пример цитирования А.К. Толстого в научно-популярной литературе встречаем в книге «Непослушное дитя биосферы». Её автор, Виктор Рафаэлевич Дольник, доктор биол. наук, профессор, много лет серьёзно занимается поведением животных. Указанная книга, предназначенная для широкого круга читателей, в живой и увлекательной форме рассказывает об истоках поведения человека в его доисторическом прошлом и в его биологическом начале. Подчёркивая доверительную тональность изложения материала, автор называет тематические разделы книги не главами, а беседами. Беседа девятая (заключительная) посвящена биологическим истокам сознания, речи и религиозного чувства у человека. Называется она *«От скотов нас Дарвин хочет до людской возвесть середины»* [15]. Автор поясняет: *«Эти стихотворные строки, как и остальные, которые вы прочтёте ниже, взяты из послания А.К. Толстого своему приятелю Михаилу Лонгинову, поэту-проказнику и председателю Комитета по печати. В 1873 г. в России была переведена книга Чарльза Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Лонгинов наложил на книгу запрет. Протестуя против запрета, А.К. Толстой чудесно понял его психологическую подоплёку:*

*Правда ль это, что я слышу
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ...,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа» [16].*

Далее по тексту девятой беседы автор неоднократно обращается к этому стихотворению, используя его строки (как и образ Михаила Лонгинова) в качестве дополнительных аргументов при отстаивании собственной точки зрения: *«Считать, что человек полностью находится во власти врождённых программ, столь же неверно, сколь неверно и отрицать это. Вопрос «люди мы или животные» так же неправомерен, как вопрос, кто же в конце концов Михаил Лонгинов – Михаил или Лонгинов...»* [17]. Ведя разговор о разуме, В.Р. Дольник замечает: *«... обратившись к инстинктивным программам поведения животных, мы видим, что начинал он с весьма маленькой и скромной роли. Мы видим, как в нескольких независимых эволюци-*

онных линиях, приведших к головоногим моллюскам, членистоногим и позвоночным животным, естественный отбор постепенно расширял эту роль. Эти сравнения:

*Кажут нам, как та же сила,
Все в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у Комитета» [18].*

Повествуя о роли речи в усилении интеллектуальной эффективности мозга, автор дистанцирует этологию от попыток изучения этого феномена человеческого общения и для аргументации своей точки зрения вновь обращается к А.К. Толстому: «... в область речи мы вторгаться не станем. Там этологам нечего делать, ведь им не с кем сравнивать: речи как системы, обслуживающей отвлечённое мышление, нет ни у кого, кроме человека... Речью должны заниматься совсем другие науки. Тут биологи могут только предостеречь от ошибок, связанных с недопониманием гуманитариев того, что может естественный отбор, создатель речи, а чего – не может. Ведь:

*Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати –
Знать не может председатель
Комитета о печати» [19].*

Анализируя биологические истоки примет, ритуалов, а также общечеловеческой морали как обязательной части любой религии, автор подчёркивает, что в мире животных запреты, принятые называть общечеловеческими, распространены значительно шире, тогда как у человека они «от природы слабы, легко нарушаемы и поэтому нуждаются в мощном подкреплении.

*Чем же Дарвин тут виновен?
Верь мне: гнев в себе утиша,
Из-за взбалмошных поповен
Не гони его ты, Миша!*

Итак, читатель, мы видим, что этологи могут нам показать естественные корни, из которых вырастают религии. Такие же корни, как и у других проявлений человеческого поведения» [20].

Видимо, автор, Виктор Рафаэлевич Дольник, уже давно по достоинству оценил меткость слова и неподражаемый юмор А.К. Толстого и использовал их в своей педагогической и научной деятельности: «Курс «Этология и экология человека как биологического

вида» я читал студентам университета и при «диком строе». И учил их отвечать апологетам «всепобеждающего учения» стишком:

*Если ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья —
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотвореньи?*

А когда писал популярные статьи на эту тему и представлял, как их будет обкарнывать и запрещать очередной Миша из Комитета по печати, приговаривал:

*Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!*

Науку они, конечно, заткнуть не в силах, но скрывать ее достижения от «широкого читателя» не только умудрялись, но и теперь не потеряли надежды» [21].

Характерно, что завершается девятая беседа (как, собственно, и вся книга) опять-таки четверостишием А.К. Толстого: «*А что же должны делать люди, плохо понимающие самих себя и еще хуже других? Ответ прост: быть снисходительными.*

*Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто —
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!» [22]*

Учебные материалы

Не обошли своим вниманием творчество Алексея Константиновича Толстого и специалисты в области методики преподавания школьных предметов (помимо преподавания литературы). На сайте Всероссийского фестиваля педагогических идей «Открытый урок» учитель биологии Н.М. Гарбузова, учитель информатики С.В. Деменко и учитель физики В.М. Сальянская выступили с материалом «Интегрированный урок по физике, биологии и информатике на тему: «Природа звука»». На указанном сайте статья отнесена к разделу: «Преподавание физики, Преподавание информатики». В качестве эпиграфа к своему уроку авторы избрали стихотворное четверостишие А.К. Толстого, заменив в нём в соответствии с заявленной тематикой занятия глагол «дышало» на «звучало»:

*«И всюду звук и всюду цвет,
И всем мирам одно начало,*

*И ничего в природе нет,
Чтобы любовью не звучало» [23].*

Философская глубина и мажорная тональность эпитафия задают тон всему построению урока, на котором авторы предполагают охватить различные вопросы от природы и свойств звуковых волн до устройства органов голосообразования и слуха у животных и человека, от принципа работы компьютерной звуковой системы до экологии и гигиены слуха. Проводимый в форме конференции урок «Природа звука» призван, по мнению авторов, способствовать интеграции знаний учащихся, воспитывать у них положительную мотивацию в учебе и пропагандировать здоровый образ жизни.

Периодические издания

К поэтическому творчеству А.К. Толстого обращаются и журналисты в периодической печати. В 2007 году на страницах интернет-газеты подмосковного городка Реутова Леонид Володарский выступил с небольшой статьёй «Дума о городе». Эпитафием к статье служит строка из стихотворения А.К. Толстого – **«Вырастает дума, словно дерево...»**. Проведя небольшой исторический экскурс в вечное устройство политической жизни древнегреческих и древнерусских городов, автор статьи призывает всех мыслящих горожан *«обменяться мнениями о том, какую роль сыграл город в их жизни, и какую роль в жизни города сыграли они»*. *«Пусть на страницах нашего издания выскажутся люди самых разных профессий: от представителей городских властей до самых простых граждан. Вот мы и решили, что название статьи «Дума о городе» может стать рубрикой, под которой и будут публиковаться высказывания самых разных людей, неравнодушных к тому месту, где они живут и работают. Быть может, мысли, высказанные ими вслух, окажутся очень полезными для всех. Предположим, молодой предприниматель или рабочий поделится своими мыслями о том, насколько комфортно живется им в городе, какие проблемы возникают у них, чего они хотели бы от властей, от других социальных категорий граждан. Крайне важным было бы дать слово представителям культуры... Мы очень надеемся, что под крышей нашей рубрики сойдутся вместе и те, кого мы сами будем просить высказаться, и те, кто принесет в редакцию свои раздумья, доверенные бумаге. Пусть «вырастает дума, словно дерево», как заметил еще в позапрошлом веке наш выдающийся поэт и писатель Алексей Константинович Толстой» [24].*

Эпиграфом из стихотворения А.К. Толстого начинается и статья из другой городской газеты – «Вечерний Новосибирск» за 2011 год. С текстом эпиграфа: *«Вслед за пахарем прилежным ходят жадные грачи»* перекликается и название самой статьи – «Грачи и рефлекс жлобства». Статья посвящена весьма болезненной и злободневной теме – непомерному росту цен на товары и услуги. Её автор Олег Донских горько иронизирует по поводу дежурного объяснения всякого роста цен засухой и неурожаем: *«Плохие урожаи вроде бы естественно выражаются в повышении цен. Это логично и железно работает. Но я не помню, чтобы хорошие урожаи выразились хоть раз в пропорциональном понижении цен. В советское время таксисты объясняли, что они вынуждены брать больше, чем по счетчику, потому что в таксопарке сидит жадный механик, который грабит бедных таксистов. И все население СССР платило сверху за жадность механика (и я сильно подозреваю – за жадность начальника этого механика и за жадность начальника его начальника)»*. Вскрывая истинные причины повышения цен на товары первой необходимости и услуги ЖКХ, автор газетной статьи использует образ толстовского грача: *«В складке между услугами и тарифами уже устроился вечно голодный грач. И не один. И они, грачи, точно знают, что меньше пятнадцати процентов к ним в рот не попадет»* [25].

Музейная выставочная деятельность

Брянский государственный краеведческий музей внёс свою лепту в разнообразие форм использования литературного наследия А.К. Толстого в культурной жизни общества. На выставке «Минералы и человек», проходившей в музее в 2012 году, самостоятельными элементами экспозиционных комплексов стали цитаты из литературных произведений, оформленные в виде стилизованных листов блокнота [26].

Каждый раздел выставки был посвящён конкретному химическому элементу и одновременно – одной из сторон взаимоотношений людей с миром минералов. В разделе «Железо» авторы выставки сделали акцент на семантическом аспекте познания минералов человеком. Железные руды оказались благодатным материалом для рассказа экскурсовода о происхождении их названий. Само слово *руда* исторически было впервые применено к железной болотной руде, которую повсеместно находили в болотах и мелководных озерцах. Люди называли эту породу рудой по её цвету, ведь в старославянском языке ру-

дый означало оттенок красного цвета. В старину у нас *рудой* (с ударением на первый слог), опять же по цвету, называли кровь. В музейной витрине по соседству с образцами болотной руды был расположен листок с цитатой из романа А.К. Толстого «Князь Серебряный»:

– Выходи, колдун, выходи скорее кровь унять! Боярин князь Вяземский посежен саблей!.. Можно ль унять кровь, старик?

– Трудно, кормилец, трудно. Сабля-то была наговорная!.. Ишь, как руда точится! – продолжал он. – Ну, как ее унять? [27].

Отдельный экспозиционный комплекс раздела «Кальций» представлял стилизованное морское дно с изысканными кораллами, раковинами моллюсков и таинственно поблёскивающими жемчужинами. Комплекс дополнялся цитатой из стихотворения А.К. Толстого:

*Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принёс, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг!*

Представленный небольшой обзор ещё раз подтверждает, что слово Алексея Константиновича Толстого живо и по сей день, к нему активно обращаются писатели и учёные, журналисты и музейные работники. Наиболее частой формой цитирования является эпиграф, наряду с ним встречаются: включение цитаты непосредственно в текст, использование её в качестве названия раздела книги либо элемента музейной композиции. Цитаты могут создавать у читателя определённый психологический настрой (эпиграфы к путевым заметкам В.М. Сидорова, к книге А.Н. Формозова), активно участвовать в развитии сюжетной линии (романс «В отлива час» в романе В.С. Пиккуля), выступать в качестве лирического отступления (четверостишие о колокольчиках в книге «Войди в зелёный мир»), служить средством полемики (отрывки из «Послания к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» в книге В.Р. Дольника), способствовать композиционной целостности музейной выставки (листки с цитатами на выставке «Минералы и человек Брянского краеведческого музея).

Литература

1. Сидоров, В.М. Волга. Путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия / В.М. Сидоров. – Санкт-Петербург, типография А. Катанского и К°, 1894. – Режим доступа: (<http://www.oldriver.ru/index.php?MID=112&start=>).
2. Там же.

3. Муравьёв, В.Б. «Ударил серебряный колокол» / В.Б. Муравьёв // Андрей Белый. Старый Арбат. – М.: Московский рабочий, 1989 г. – С. 31.
4. Андрей Белый. Котик Летаев // Андрей Белый. Старый Арбат. – М.: Московский рабочий, 1989. – С. 455.
5. Пикуль, В.С. Три возраста Окини-сан // Пикуль В.С. Три возраста Окини-сан: Романы. – М.: Военное изд-во, 1992. – С. 280.
6. Там же. С. 281.
7. Формозов, А.А. От составителя // Формозов А.Н. Среди природы. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. С. 6, 8.
8. Формозов, А.Н. Шесть дней в лесах. Приключения юных натуралистов // Формозов А.Н. Среди природы. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 9.
9. Бианки, В.В. Лесная газета / В.В. Бианки. – М.: Издательство «Правда», 1986. – С. 80.
10. Пукинский. Об авторе этой книги // А.С. Мальчевский. Кукушка и её воспитатели. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – С. 261.
11. Мальчевский, А.С. Орнитологические экскурсии / А.С. Мальчевский. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981 г. С. 112. – (Сер.: Жизнь наших птиц и зверей. Вып. 4.).
12. Ремезова, Г.Л., Эратова, М.Е. Войди в зелёный мир / Г.Л. Ремезова, М.Е. Эратова. – М.: «Просвещение», АО «Учебная литература», 1996. – С. 123.
13. Симоненко, В.Е. Флора Брянского края в стихах А.К. Толстого // Материалы межгосударственной научно-практической конференции «А.К. Толстой и русская культура», посвящённой 190-летию со дня рождения Алексея Константиновича Толстого. – Брянск, 2008. – С. 185-186.
14. Горохова, А.К. Обитатели древних морей территории Брянской области / А.К. Горохова, Т.А. Подоскина. – Брянск: Группа компаний «Десяточка» (изд-во «Белобережье»), 2010. – С. 36.
15. Дольник, В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В.Р. Дольник. – СПб.: Петроглиф, М.: МЦНМО, 2011. – С. 326.
16. Там же. С. 328.
17. Там же.
18. Там же. С. 329.
19. Там же. С. 330.
20. Там же. С. 343-344.

21. Там же. С. 345.
22. Там же. С. 346.
23. Гарбузова, Н.М., Деменко, С.В., Сальянская, В.М. Интегрированный урок по физике, биологии и информатике на тему: «Природа звука» / Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/418611/>.
24. Володарский, Л. Дума о городе // Интернет-газета города Реутова от 15.06. 2007. – Режим доступа: (<http://www.reut.ru/node/1882/>).
25. Донских, О. Грачи и рефлекс жлобства // Вечерний Новосибирск от 20.01.2011. – Режим доступа: (<http://vn.ru/index.php?id=103008>)
26. Подоскина, Т.А. Как медь умела петь / Т.А. Подоскина // Мир музея. – 2012. – № 7. – С. 38.
27. Там же. С. 39-40.

В.Д. Захарова,
*исследователь жизни
и творчества А.К. Толстого, краевед*

**Комментарий к «воспоминаниям»
об А.К. и С.А. Толстых
неизвестной мемуаристки.
По материалу РГАЛИ, обнаруженному
Н.Н. Нифагиной.
(Ф. 1495 оп. 1 ед. хр. 57)**

На творческую деятельность писателя большое влияние оказывают жизненные обстоятельства. Поэтому интерес к биографиям закономерен. В русской литературе трудно найти пример, когда биография писателя обростала бы невероятным количеством вымыслов, как это произошло с А.К. Толстым и его Музой – Софьей Андреевной Толстой. Домыслы исказили её личность до неузнаваемости. Неизвестная мемуаристка развенчивает демонический образ жены поэта, созданный её недоброжелателями. Поскольку комментарий «Воспоминаний», предоставленный автором этой статьи Н.Н. Нифагиной, является неполным, необходимо его продолжить.

В кратком описании усадьбы, за исключением главного усадебного дома, важно подтверждение ранее проведённых исследова-

ний и особенно – функции дворового флигеля, служившего столярной мастерской и жилищем графского егеря Дениса, а не «Домиком Птичьего двора», как написано в официальных источниках.

Но для биографа большую тревогу вызывает путаница в освещении как событий, так и отдельных лиц. «Воспоминания» представляют причудливое переплетение вымыслов и правды. А это опасно при введении в научный оборот новых недостоверностей.

С них и начнём. Незвестная мемуаристка или «лектриса» не называет время своего знакомства с Толстыми. Установить его можно по следующим событиям и лицам. Мемуаристка пишет, что познакомилась с графиней С.А. Толстой через свою ялтинскую знакомую Елену Константиновну Корсакову. Она сообщает о том, что *«Толстые недавно переехали в Ментону и поселились на Villa Grandvilla»*.

Это событие могло произойти в начале 1874 года. Из письма поэта известно, что в середине декабря 1873 г. Толстые находились в Вене, откуда отправились в Ментону [1]. Двоюродная сестра поэта В.Е. Матвеева сообщает: *«Зиму 1873/ 1874 года Толстые прожили в Ментоне, а мы – в Ницце и мы с ними виделись часто»* [2]. Из письма Толстого М.М. Стасюлевичу от 27 января 1874 года узнаём, что в это же время в Ментоне находится историк Дмитрий Александрович Корсаков (1849-1919) и А.М. Жемчужников с женой (IV, 419).

Следовательно, знакомство мемуаристки с Толстыми произошло в 1874 году.

Толстые поселились не на *Villa Yrandvilla*, как пишет неизвестная, а на *Villa du Pare Tranquille*, так подписывал письма Толстой (IV, 419). Е. Матвеева пишет: *«Villa Tranquille du Pare, в которой жили Толстые, была старинный старый дом <...>. Домик двухэтажный, очень оригинальной постройки «покоем», с террасой на крыше»*[3].

Вызывает сомнение активное участие графини Толстой в организации спиритического сеанса Д. Юма специально для «лектрисы», чтобы *«убедить барышню»* в существовании потусторонних сил, что было несвойственно графине. Как пишет А. Лосев: *«Толстой постоянно интересовался разного рода оккультными явлениями <...>. Жена А.К. Толстого Софья Андреевна не сочувствовала крайностям натуралистической мистики своего мужа»* [4]. Скептическое отношение графини к спиритизму отмечали и другие мемуаристы. Да и факт пребывания Д. Юма в это время в Ментоне не обнаружен.

Но почему-то мемуаристка не упоминает о двоюродных сёстрах Толстого Е.В. и М.В. Львовых, которые, как пишет одна из них, в

замужестве Е. Матвеева, *«мы с ними виделись часто»*. «Лектриса» сообщает, что графиня предложила ей место учительницы в красно-рогской школе, куда она и отправилась раньше Толстых, которые задержались в Карлсбаде.

Далее идёт сплошная путаница хронологии событий и их участников. Так, о младшей племяннице графини Нине Петровне Бахметевой пишет, будто *«Ей...стала приходиться в голову мысль о разделе имущества, доставшегося ей от отца и лежавшего в 16-18 вёрстах от Красного Рога»*.

Это заблуждение. Никакого имущества у Петра Андреевича Бахметева в Черниговской губернии не было. Бахметевы владели землями в Пензенской губернии. Старший брат, Николай, служил управляющим в имениях Толстого Погорельцы и Блистова с 1862 по 1870 год. А вот двоюродный брат Толстого Николай Жемчужников совместно с братьями владел Норино с сёлами и хутором Муравьи по соседству. Однажды, в 1858 году, у него гостил Пётр Андреевич Бахметев.

Мемуаристка пишет: *«Младший брат Николай Петрович умер совсем молодым, только что окончив юнкерское училище»*. Это был Андрей Петрович Бахметев (Андрейка), учился в морском училище, но не окончил его, так как заболел туберкулёзом и умер в Красном Роге в возрасте 19 лет в 1872 году. Он похоронен в ограде красно-рогской церкви. Сведения о нём по сей день хранит могильная плита. Но «лектриса» её не видела, поскольку как протестантка не посещала православную церковь. Почему ничего нет в воспоминаниях о незамужней тёте племянников В.С. Лантинг, находившейся неотлучно при них и похороненной в Красном Роге в 1878 г.

«С приездом Толстых Красный Рог оживился, – сообщает «лектриса». Приехал Сергей Петрович Хитрово с тремя детьми, гувернанткой, англичанином и бонной – англичанкой. Приехали из близких Дмитрий Николаевич Цертелев, Владимир Сергеевич Соловьёв и др. <...>».

Хитрово звали Михаилом Александровичем. В 1874 году, к которому мемуаристка относит это событие, у четы Хитрово было двое детей – Елизавета и Андрей, а третий – Георгий (Рюрик) – родился через год. Толстой писал К. Павловой 20 июля 1875 года о жене: *«Она пробыла со мной в Карлсбаде только десять дней, и уехала в Красный Рог к Софии, которая будет там рожать. Это событие должно произойти раньше, чем ждали»* (IV, 462). Кстати, в это время в Красном Роге находилась и «лектриса», которая имела свиде-

тельство акушерки и принимала роды у крестьянок села, но о родах у С.П. Хитрово даже не упоминает.

Владимир Соловьёв не принадлежал не только к «близким», но в то время не был знаком с семейством Толстых. Его знакомство с графиней и её племянницей С.П. Хитрово произошло в конце лета 1876 г. в Москве, то есть после смерти Толстого [5].

Мемуаристка трижды упоминает фамилию Вл. Соловьёва, который якобы присутствовал при кончине Толстого. Но это не так. 21 июня 1875 г. Вл. Соловьёв отбывал в командировку за границу на полтора года «с учёной целью» [6]. В день смерти Толстого 28 сентября 1875 г. Соловьёв находился в Лондоне и в Красном Роге впервые появился в 1877 году, пробыв там три дня.

О последних днях и смерти А.К. Толстого оставили свои воспоминания три мемуариста, непосредственные участники того печального события – братья Цертелевы и камердинер Захар. Некоторые детали в «воспоминаниях» «лектрисы» вызывают сомнения. Она пишет: *«Мы стали поочерёдно дежурить у графа. Ночью дежурства мы с Дмитрием Николаевичем Цертелевым взяли на себя. Дмитрий Николаевич – с 11 часов и до семи часов утра»*. То есть, ночные дежурства были только у Дм. Цертелева?

Никто из мемуаристов не упоминает о некой барышне, дежурившей у постели Толстого. Так, кн. Д.Н. Цертелев пишет: *«<...> весь ход его болезни помню хорошо, так как с этого дня почти не выходил из комнаты, служившей ему и кабинетом, и спальней <...>. Последнее время Толстой ни минуты не оставался один; при нём всегда была графиня Софья Андреевна и я»* [7].

Д.Н. Цертелев не упоминал имя «барышни», которая якобы дежурила с ним. Следует обратить внимание и на тот факт, что мемуаристка в это время не жила в усадьбе, а в школе уже шли занятия, которые вряд ли можно было физически вести после ночных бдений. Она была единственной учительницей.

По тогдашнему этикету вряд ли позволительно было привлечь постороннюю молодую девушку с едва знакомым ей молодым человеком (на 5 лет моложе её) на ночные дежурства при наличии близких родственников и слуги, да ещё при шепетильности графа, что подтверждает в своих воспоминаниях брат Дмитрия – Алексей Николаевич Цертелев: *«До последней минуты он остался верен себе, думал и заботился о других; боялся тяготить или беспокоить окружающих»* [8].

Для сравнения рассказа мемуаристки приведём воспоминания двух свидетелей кончины поэта.

Алексей Николаевич Цертелев: «28 сентября, сделав ему впрыскивание (морфия – В.З.), доктор оставил его спящим <...>. Толстой спал спокойно – коляска ждала у подъезда его побуждения, чтобы ехать по обычаю в лес. Около 5 часов попробовали разбудить его, но дыхание начало ускоряться, прерываться, пульс падать, он раз открыл глаза и тихо, спокойно уснул навсегда – без агонии, без страданий.

Лицо его после смерти поражало всех, даже посторонних, своею ясною, спокойною и могучею красотою» [9].

Камердинер Захар:

«В этот день, 28 сентября 1875 года, лечащий врач графа доктор Величковский, который должен был сопровождать его за границу, уехал по какому-то делу в Почеп и сказал, что к шести часам вечера он возвратится обратно. Графа он оставил за письменным столом в кабинете. Через некоторое время, графиня Софья Андреевна, приотворивши дверь кабинета, видит, что граф сидит в кресле, откинувшись на спинку, и дремлет. Вышла в столовую и с радостью говорит, чтобы ходили тише, потому что граф заснул <...>. Однако, подождавши ещё часа четыре, графиня около восьми вечера, опять вошла в кабинет, граф сидел в кресле по-прежнему. Тогда она решилась разбудить его и, подойдя, заметила, что руки были холодны, как лёд, и пульс не бился. Около графа на столе стояла опорожнённая баночка из-под морфия и шприц, которым он производил себе подкожные впрыскивания <...>. Тут тогда поднялась в доме суматоха такая, что ужас просто. А тем временем и доктор вернулся из Почепа. Велел он перенести графа на диван и растирать ему грудь, – думали, может, в груди у него залегло; потом кровь пустили и чего-чего только не делали, однако, к жизни всё-таки не вернули» [10].

Этими воспоминаниями пользуются все, пишущие о последних днях Толстого и его смерти.

Заслуживает внимания упоминание некоторых усадебных построек, их назначение. Однако при описании главного усадебного дома мемуаристка использовала собственную фантазию. Она пишет: «Тут же стоял старый большой дом, служивший в былые времена охотничьим павильоном. К павильону этому постепенно делались пристройки, пока, наконец не вышел большой, удобный но некрасивый дом».

Как и А. Лирондель, она называет дом «павильоном» не случайно. Это слово по латыни означает «шатёр». Этой деревянной постройке вид шатра в общей конфигурации придавал бельведер. Но никакие пристройки к дому не делались «постепенно». Лишь однажды мать Толстого провела ремонт дома, возможно, и некоторую незначительную перепланировку, о чём говорится в письме Толстого от 6 марта 1837 года.

В этой усадьбе Толстой поселился в конце 1868 г., жил в ней, как правило, летом, хозяйством не занимался, о чём свидетельствуют мемуаристы и он сам, вечно нуждаясь в деньгах: то расплачивался по долгам матери, то тратился на лечения за границей, то обворовывали управляющие и крестьяне. А после отмены крепостного права наёмным работникам надо было платить.

Что касается внешнего вида постройки, то это – дело вкуса. Муханова Е.В., например, пишет: *«Особое внимание в усадьбе, конечно, заслуживает главное здание – «графский дом». Постройка деревянная, не обширная и красивая»* [11]. А. Фет, посетивший А. Толстого в Красном Рогу в 1869 году, увидел *«с барскими затеями... красивый деревянный дом»*[12].

Следует отметить, что за полтора года общения с Толстыми мемуаристка сумела основательно запутать события. Так, она пишет: *«Толстые в этом году рано уехали из имения – в июне или июле»*. Толстые никогда не выезжали из Красного Рога летом, напротив – приезжали на лето. В 1874 г. они приехали в имение в июле из Карлсбада, а рассказчица выехала немного раньше. *«Когда я приехала в Красный Рог, из членов семьи жила в то время там только младшая племянница графини, дочь её брата Петра Андреевича Бахметева Нина Петровна уже не молодая, но незамужняя»* (24 года – В.З.). То есть, Толстые летом 1874 г. не уехали, а приехали в Красный Рог.

Однако прожили они здесь из-за болезни графа недолго – два месяца. Толстой выехал из Красного Рога в сопровождении Д. Цертелёва в конце сентября, а графиня задержалась на некоторое время, и через Петербург выехала в Париж, где её ожидал Толстой. На это ушло *«недели две»*, по словам Толстого (IV, 432).

С октября 1874 года по июль 1875 года Толстой находился за границей. Графиня уехала раньше него в Красный Рог, чтобы присутствовать при родах племянницы С.П. Хитрово, о чём сообщалось выше. Употребляя выражение *«в этом году»* рассказчица может иметь в виду 1875-ый год, так как она жила в Красном Роге в течение

всего 1875 года. Но Толстые жили за границей с конца 1874 до середины лета 1875 года.

Мемуаристка пишет: «*В следующем году Толстые по желанию графа приехали в Красный Рог особенно рано, помнится, в апреле в доме было тихо, пусто <...>. Весна была ранняя, исключительно тёплая. В конце марта прилетели вальдишнены*». Но, как сказано выше, такого события в жизни Толстого не было: супруги до середины лета находились за границей.

Все эти переплетения причудливых вымыслов и фактов, досадных неточностей в изложении событий и рассказах о действующих лицах представляют головоломку для исследователей биографии А.К. Толстого, а неискушённых читателей вводят в заблуждение. В целом, к материалу некой «лектрисы», местами содержащему любопытные сведения, нужно подходить с осторожностью, чтобы не ввести в научный оборот недостоверности.

Литература

1. А.К. Толстой цитируется по изданию: Толстой, А.К. Собрание сочинений / А.К. Толстой. – М., 1964. Том и стр. указаны в скобках: (IV, 417).
2. Толстой, А.К. Избранное / А.К. Толстой. – М., 1986. – С. 395.
3. Там же. С. 395.
4. Лосев, А. Владимир Соловьёв и его время. – М., 1990. – С. 491.
5. Лукьянов, С.М. О Владимире Соловьёве. Кн. 3. – М., 1990. – С. 76.
6. Там же. Кн. 2. – С. 70.
7. Цертелев, Д.Н. Из воспоминаний о гр. Толстом / Д.Н. Цертелев // Новое время. – 1901. – 24 января (6 февраля). – № 8948 – С. 27.
8. Цертелев, А.Н. Заметки о гр. А.К. Толстом / А.Н. Цертелев // Толстой, А.К. Избранное. – М. 1986. – С. 416.
9. Там же, С. 415.
10. Федоров, Н. Слуга знаменитости / Н. Федоров // Новая иллюстрация. – 1903. – № 20. – С. 159.
11. Лукьянов, С.М. О Владимире Соловьёве. Кн. 3. – М., 1990. – С. 163.
12. Фет, А.А. Мои воспоминания / А.А. Фет. – М., 1983. – С. 425.

В.Д. Захарова,
*исследователь жизни и
творчества А.К. Толстого, краевед*

Церковь Успения Богородицы в селе Красный Рог

Поселение на реке Рог возникло предположительно в первой половине XVII века. По акту 1646 г. о нарезании земель оно принадлежало обывателю Василию Головку «Вишпорозкому» и называлось Вышним Рогом, то есть расположенным в верховьях реки Рог [1].

На возвышенной части поселения была построена церковь, сведений о которой не сохранилось.

На месте этой церкви, разобранный за ветхостью, во второй половине XVIII века возникает церковь в память Успения Пресвятой Богородицы. Точное время её строительства неизвестно. В историко-статистическом описании Черниговской епархии Мглинского уезда сообщается, что церковь была освящена в 1777 году [2].

В Трудах Черниговской губернской комиссии за 1908 г. датой постройки значится 1780 г., и там же указан год перестройки – 1880 [3]. В этом же источнике указан строительный материал и кто причастен к возведению церквей. Так, в Мглинском уезде два храма значатся построенными К.Г. Разумовским – в 1771 г. Воскресенский в Почепе и в 1780 – в Витовке. Сретенская церковь в Почепе построена в 1814 г. «пособием гр. Разумовского А.К.» [4].

Указаний на причастность графов Разумовских к строительству церкви Успения в Красном Роге нет.

Во времена А.К. Толстого церковь выглядела меньше по объёму из-за отсутствия приделов, что давало основание поэту называть её «церквушкой». В письме от 26 апреля 1869 г. читаем: «Сегодня суббота, и звон колоколов нашей церквушки сливается с пением соловьёв и иволги <...>». Но уже через пять лет после смерти Толстого церковь была расширена по боковым сторонам пристройкой двух приделов с трапезными и небольшими помещениями слева и справа от алтаря.

Первоначально здание было вытянуто по оси. Но благодаря боковым приделам оно в плане стало крестообразным с тремя нефами и композиционно объёмным. Поэтому внучатая племянница графини С.А. Толстой Е.М. Муханова, видевшая уже перестроенную церковь,

написала: «Церковь краснорогская – большая, <...> белая, с белой церковной оградой» [5].

«Объёмная композиция напоминает «трехбашные» церкви, – пишет В.Н. Городков. – Выстроившиеся по продольной оси пологошатровые завершения – самостоятельные над алтарём, церковью и притвором (нижний ярус колокольни) – своими формами близки архитектуре украинского барокко. Ассоциации с украинским барокко вызывают своеобразные главы – вогнутошатровые, высокие, с перехватом внизу, на толстых шеях – глухих восьмериках, а также, непосредственно привнесенные с Украины, ограждённые завершения приёмов звонов колокольни» [6].

Высокий центральный четверик несёт восьмерик с узкими диагональными гранями и ложными нарисованными окнам. Над его гранёной кровлей поставлен ещё один небольшой восьмерик, завершённый шатром со слегка вогнутыми гранями. Над алтарной частью такая же форма венчания: над пологой гранёной кровлей небольшой восьмерик с шатром [7].

Очень близкое архитектурно-планировочное решение и историю строительства с этим храмом имеет деревянная церковь Покрова села Губостово Почепского района, известна с 1654 года. Церковь была построена на месте прежней в 1780 году и перестроена в 1891 [8].

Это крестообразный по композиции храм шатрового типа. Над центральным нефом возвышается световой восьмерик с двойными окнами в гранях по сторонам света, пологим шатром, над ним восьмигранная шейка, завершающаяся шатром со слегка вогнутыми гранями и увенчанная главкой.

Истоки и традиции шатровых храмов восходят к древнему деревянному зодчеству, когда шатрами крыли деревянные башни крепостных стен, а затем и церквей. Первым каменным шатровым храмом является церковь Вознесения в Коломенском (1530-1532) [9].

Строительство шатровых куполов было запрещено митрополитом Никоном реформами 1657-1660 гг. Однако правобережная Украина этот запрет игнорировала и на её территории продолжали строить шатровые храмы на ряду с луковичными. Эта традиция сохраняется и в наши дни, особенно в Москве. Ярким примером смешанного типа куполов на одном храме является Храм Покрова на Рву или Василия Блаженного в Москве. Купола всех типов венчаются главкой под крестом.

Стены церквей Успения и Покрова рублены из брёвен без остатка и обшиты горизонтальным тёсом с накладными досками на углах. Основание кирпичное. Главную роль в облике краснорогской церкви играют четырёхколонные портики позднего классицизма с фронтонами, украшающие главные и боковые входы.

В 1910 году была проведена страховая оценка Успенской церкви и принадлежащих ей строений. В документе сообщается следующее:

«Успенская церковь деревянная на кирпичном цоколе, обшита тёсом и покрашена масляною краской снаружи и внутри; покрыта железом, окрашена зелёною масляною краской. Длина церкви, считая и колокольню, 12 саж., ширина $8 \frac{1}{2}$ саж., высота до верха карниза 2 саж.; на церкви имеется одна большая главка и одна маленькая; окон больших 16 шт., маленьких 4 шт.; дверей наружных створчатых, обитых железом 3 шт., внутренних одинарных больших 1 шт. и малых 2 шт., стеклянных створчатых 2 шт.; иконостас трёхпрестольный длиною 21 ар., высотой средний 9 ар. И два боковых по 6 ар. (оценена в 1500 р.); церковь холодная. Колокольня в три яруса общию высотой до верха карниза 2 саж. – Ближайшая к церкви чужая постройка, жилой дом, находится с западной стороны на расстоянии 10 саж. – Церковь построена в 1780 году, строение хорошо сохранилось. Оценивается с иконостасом и колокольнею – 7500 рублей. Сторожка при церкви кирпичная покрыта железом, длиною 2 саж., шириною 2 саж., высотой $1 \frac{1}{5}$ саж.; окон 2 шт., дверь 1 шт.; построена в 1876 году; сохранилась хорошо» [10].

Подписи под страховой оценкой поставили: благочинный протоиерей Качановский, священник из Почепа Тимофей Дмитровский, псаломник Андрей Еременко, староста церкви, неграмотный крестьянин Сергей Старовойтов, за которого расписался Антон Пичурин, представитель прихожан Георгий Печурица.

По сообщению сторожила С.К. Ковалёва (1904-1999), покинувшего село в 1922 г., изредка навещавшего родственников, кирпичная ограда и сторожка были разобраны крестьянами в 1930-е годы на хозяйственные нужды. Здание церкви не пострадало и сохраняло свой прежний вид. Позже исчезли металлические главки под крестами на куполах, вероятно во время косметического ремонта, когда здание перекрашивали в голубой цвет.

Тогда же исчез и небольшой металлический под золото шарик с крестом на коньке крыши у входа в склеп Толстых. Крыша у склепа была окрашена в зелёный цвет, как у церкви, а маковка с крестом –

позолоченные (под золото). Сплошная кирпичная ограда вокруг церкви имела в высоту примерно 2,5 метра. Со стороны улицы находились двустворчатые ворота с калитками по обеим сторонам. В северной части ограды тоже была калитка, устроенная Толстым для посещения родственников захоронений.

Самая старая фотография церкви, дошедшая до нашего времени, это снимок, выполненный немецкими оккупантами зимой 1941-1942 гг. На нём просматриваются лишь шатровые купола.

В 2003 г. купола в результате ремонта сменили на луковичные и здание покрасили в серый цвет, нарушив православную цветовую символику. Богородичная церковь могла иметь два цвета: либо белый – символ божественности, либо голубой – символ непорочности. В цветовой символике православия серый цвет отсутствует.

Проект ремонта был разработан московским архитектором В.И. Якубени центра «Преображенское», который в отчётной документации написал так: «В связи с тем, что в советские времена купола были перестроены, решено их заменить». Никаких доказательств заявленному автор не предоставил (ни фотоснимков или рисунков, ни каких-либо описаний обнаруженных элементов), а заказчик не потребовал.

При очередном ремонте 2011-2015 гг. архитектор А.П. Перов повторил тот же вариант куполов и цвета здания церкви, ссылаясь на авторитет В.И. Якубени. В настоящее время идут дебаты по поводу терминов «главка» и «купол», поскольку в страховой оценке сказано, что «на церкви имеются одна большая главка и одна маленькая».

Лингвистический анализ показал, что согласно правилам русской орфографии суффикс «к» придаёт словам уменьшительно-ласкательное значение. В словаре В. Даля сказано, что купол – это свод, наружность круглого свода, кровля полушаром. Шатёр – шатровая крыша на четыре ската, шатром.

Такой, шатровой на четыре ската, и была церковь Успения до ремонта 2001-2003 гг. На вершине шатров основанием для крестов служили главки разных размеров и формы – круглые или грушевидные, как повсеместно принято в архитектуре православных храмов независимо от формы куполов.

На момент написания этой статьи вопрос о возвращении зданию церкви Успения Богородицы прежнего облика не решён.

Примечания

1. Лазаревский, А.Л. Описание старой Малороссии / А.Л. Лазаревский. – Киев, 1888. – Т.1. Полк Стародубский. – С. 349.
2. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Мглинский уезд / Филарет (Гумилевский). – Чернигов, 1874. – Т. 7. – С. 185.
3. Труды Черниговской губернской комиссии. Корнухов. Выпуск седьмой. – Чернигов, 1908. – С. 19-22.
4. [Лазаревский, А.Л. Указ. Соч. – С. 19, 21.].
5. Лукьянов, С.М. О Вл. Соловьёве в его молодые годы / С.М. Лукьянов. – М., 1990. – Кн. 3. – С. 164-165.
6. Городков, В.Н. Памятники деревянного зодчества Брянского края. Приглашение к изучению памятников деревянной архитектуры / В.Н. Городков. – Брянск: ООО «Буквица», 2015. – С. 28.
7. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. – М., 1997. – С. 445.
8. [Труды. Корнухов. Указ. соч., С. 20.].
9. Малая история искусств. – М., 1975. – С. 262-263.
10. Юный художник. – 1981. – № 7. – С. 20-23.
11. Страховая оценка // РГИА. Ф. 799, оп. 33, д. 2363. 1910 г.

М.В. Кочергина,

*кандидат исторических наук, директор
Брянского техникума управления и бизнеса*

Деятельность Л.А. Перовского в качестве министра внутренних дел России

Лев Алексеевич Перовский (1792-1856) – родной дядя выдающегося русского поэта Алексея Константиновича Толстого, родной брат его матери Анны Алексеевны Толстой, урожденной Перовской. Родился в г. Почепе Черниговской губернии. Фамилия Перовские была дана побочным детям графа Алексея Кирилловича Разумовского от мещанки Марии Михайловны Соболевской. Все дети получили прекрасное домашнее образование.

Л.А. Перовский – один из выдающихся государственных деятелей Российской империи николаевской эпохи, министр внутренних дел, член Государственного Совета, действительный тайный совет-

ник. Он всю жизнь оставался верен девизу, избранному им к своему гербу: «Не слыть, а быть». На протяжении 1820-1850 гг. он занимал различные государственные должности, но в своей работе всегда был целеустремленным человеком, ответственным чиновником, блестящим организатором. Он закончил полный курс Московского университета, попечителем которого был Алексей Кириллович Разумовский. Позже был колонновожатым в свите Его Императорского Величества по «квартирмейской части», учился в частной математической школе Муравьева, был произведен в прапорщики.

В период Отечественной войны 1812 г. принимал участие в Бородинском сражении, битвах при Малоярославце, Вязьме и Красном, был участником заграничных походов русской армии [1]. В 1813 г. состоял при начальнике главного штаба армии – князе Волконском, участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом, битве под Лейпцигом. В 1814 г. Перовский принимал участие в сражении при Арсисе, Фершампенуазе и под Парижем – 18-го марта 1814 г. В 1815 г. он также находился в заграничном походе, был штабс-капитаном Генерального штаба, имел ранение в ногу. С 1816 по 1817 год находился при Военно-Топографическом Депо, а с июля 1817 г. по июнь 1818 года исправлял должность обер-квартирмейстера при Московском гвардейском отряде. В 1818-1823 гг. он был назначен обер-квартирмейстером 1-го резервного кавалерийского Корпуса. 15-го февраля 1819 года произведен в полковники по квартирмейстерской части.

По словам декабриста А.Е. Розена, был одним из основателей «Союза благоденствия», впоследствии (1821 г.) отошел от идей декабризма. В ноябре 1823 года Перовский был уволен от военной службы с производством в чин действительного статского советника, назначен камергером двора Его Величества и причислен к Государственной Коллегии Иностранных Дел. Был членом, потом вице-президентом Департамента уделов, сенатором, товарищем министра уделов. Эту должность он занимал до конца своей жизни.

В 1841 году Л.А. Перовский был назначен министром внутренних дел с сохранением должности товарища министра уделов. При нем учреждена особенная канцелярия министра, преобразован медицинский совет, в 1846 г. издано новое положение об общественном управлении в г. Санкт-Петербурге.

В 1843 г. он был произведен в действительные тайные советники, а в 1846 г. награжден орденом св. Владимира 1-й степени; в 1849 году возведен в графское достоинство Российской Империи. В

1852 г., в связи с кончиной князя Петра Михайловича Волконского, был назначен министром уделов и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества и Академией Художеств, всеми археологическими изысканиями, а также председателем Комиссии по строительству Исаакиевского собора. Он оставался на этих должностях вплоть до самой кончины. На протяжении 11 лет он возглавлял министерство внутренних дел. Одним из самых значительных моментов его деятельности на этом посту была работа по исследованию раскола. В самом министерстве еще с начала 1830 гг. начинает расширяться практика служебных командировок с целью ознакомления с деятельностью органов городской и сельской полиции. В 1842 г. для ведения секретного делопроизводства при министерстве была учреждена особая канцелярия.

Общая канцелярия МВД переименована в Департамент общих дел. Были учреждены должности вице-директоров всех департаментов. Эта мера связана с усилением контроля за деятельностью органов местного управления. Министру Л.А. Перовскому удалось создать команду грамотных и высокоорганизованных чиновников в своем министерстве. Руководители департаментов стали чаще выезжать в губернии Российской империи. Среди служащих министерства увеличилось число «чиновников для особых поручений». Среди них Арсеньев, В.А. Алябьев, В.И. Даль, И.С. Аксаков, П.И. Мельников-Печерский. При Министерстве внутренних дел создавались комиссии, особые комитеты, цель которых состояла в том, чтобы разработать меры, способные пресечь существование раскола в стране. Министру внутренних дел предоставлялось право постепенно упразднить скиты, монастыри. Жители скитов, старше 60 лет, переводились в «богоугодные заведения» [2]. Таким образом, в начале 1840-х гг. политика правительства в отношении старообрядцев приняла ограничительно-запретительный характер. Данные постановления легли в основу последующих правительственных действий по отношению к старообрядцам Черниговской губернии. Так, в 1845 г. были запрещены отлучки казакам-старообрядцам Войска Донского в посад Лужки. В 1847 г. в посадах Лужки, Воронок, Елионка, Чуровичи были учреждены особые полиции. В Климовой, Митьковке, Злынке, Шеломах, Тимошкине Перевозе, Добрянке, Радули, Клинцах, Ардони, Свяцком и Мглине были усилены земские полиции, в связи с чем денежные издержки в сумме 10 890 рублей серебром взимались с жителей старообрядческих поселений [3]. Но более решительный удар по старообрядческим духовным центрам в Черниговской губернии был нане-

сен уничтожением монастырей, скитов, обителей и пустынь или обращением их в единоверие. В 1844 году Василий Александрович Алябьев, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел России, был послан в Черниговскую, Могилевскую, Полтавскую губернии «по делам о расколе». Министр внутренних дел Лев Перовский приказывал Алябьеву: а) вместе с епископом Могилевским и исполняющим должность начальника Могилевской губернии попытаться обратить старообрядцев Лавреньтьева и Макарьева монастырей в единоверие и попытаться понять причины неэффективности мер, принимаемых правительством для этого; б) осмотреть старообрядческие монастыри, скиты, пустыни и обители, предоставить Министерству описи строения и другого имущества, а также списки насельников монастырей; в) собрать сведения о проживающих у старообрядцев беглых поках официальной православной церкви; г) стараться склонить старообрядцев к принятию священства, рекомендованного местной епархией [4].

В.А. Алябьеву были даны предписания начальникам Черниговской, Полтавской, Могилевской губерний для оказания содействия. Предписанием от 9 ноября 1844 года ему поручалось «собрать книги и манускрипты относительно раскольников, заслуживающих внимания в историческом и религиозном отношении» [5]. Командировка Алябьева продолжалась около двух лет: с августа 1844 по 16 марта 1846 года [6]. Действия чиновника особых поручений Министерства внутренних дел России по отношению к старообрядцам были крайне жестокими. Им было произведено 11 дел «относительно обращения в единоверие раскольников Черниговской, Могилевской, Полтавской губерний» (ликвидация старообрядческих монастырей, скитов, пустынь, обителей и их насильственное обращение в единоверие). В департамент Общих дел этого Министерства были переданы «Описи движимого и недвижимого имущества старообрядческих монастырей», «Именные списки насельников», документы, подтверждающие права собственности монастырей, скитов, обителей и пустынь, а также 16 документов «о начальном населении расколических посадов». Позже, в 1848 г., Алябьев был послан по делам о расколе в Ярославскую губернию. И.С. Аксаков, также бывший чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел России, писал: «Действия Алябьева я не разбираю, даже имени его не упоминаю в записке, отвергаю только не действия, но взгляд на раскол» [7]. По нашему мнению, несмотря на суровые, жестокие меры, предпринятые Алябьевым по указанию Л.А. Перовского против стародубских и вет-

ковских старообрядцев, собранные им сведения являются полными и заслуживающими внимания. 2 января 1848 года Покровский Климовский монастырь был обращен в единоверческий – «по высочайшей воле и возведен в число штатных обителей 1 класса, с окладом западных монастырей» [8]. После присоединения к единоверию, настоятелем его стал инок Иоаким. От петербургских властей не ускользнуло, что он постепенно начал сблизиться с новозыбковскими старообрядцами. 24 января 1849 г. иноку Иоакиму поступило гневное послание Василия Алябьева, который требовал прекратить связь с ними. По его словам, он считал за долг предостеречь настоятеля, так как Иоаким перешел в единоверие под воздействием Алябьева [9]. Текст этого письма показывает, что старообрядцы под напором правительственных чиновников склонялись к единоверию, а затем вновь обращались к своей вере, придерживаясь традиционных устоев. (Для них был характерен консерватизм).

Министр внутренних дел Л.А. Перовский работал по 10-12 часов в день, требовал от своих подчиненных большой ответственности при исполнении поручений. Он заставлял чиновников предоставлять наиболее достоверную информацию, статистические данные, топографические карты. При нем было собрана колоссальная информация по расколу. На этом посту он практически подорвал свое здоровье.

В августе 1852 г. министром внутренних дел стал Д.Г. Бибииков, сторонник жесткой политики в отношении староверов. С 1853 по 1855 гг. осуществлялись не только исследования, но и мероприятия, направленные на устранение раскола. В 1853 г. министр имел право упразднения скитов, монастырей, кладбищенских часовен; старообрядцы облагались особым рублевым сбором в пользу православной церкви.

Блестящий знаток истории, Л.А. Перовский предложил провести археологические раскопки графу Уварову на территории Великого Новгорода. Уваров также исследовал территории древнего Владимиро-Суздальского княжества, Спасо-Евфимиевского монастыря, имел хорошее собрание медалей и монет, проводил раскопки на территории Владимирской, Ярославской, Екатеринославской и Таврической губерний, состоял почетным членом Одесского Общества истории и древностей; 12-го января 1855 г. Перовский был избран в почетные члены Московского Университета. Умер Л.А. Перовский в возрасте 64 лет. Он похоронен вместе с женой в Лазаревской церкви Александро-Невской Лавры. Будучи бездетен, свой дворец в Крыму в

Меласе он завещал племяннику – А.К. Толстому (завещание хранится в Крымском государственном архиве).

А.К. Толстой приезжал в Крым 4 раза. Первый раз в мае 1856 г., после окончания Крымской войны, во время путешествия с братьями Жемчужниковыми (братья Жемчужниковы и А. К. Толстой выступали вместе в журнале «Современник» под коллективным псевдонимом Козьма Прутков). Путешественники увидели барский дом с четырьмя башнями, плоской крышей, с причудливыми террасами, и на всем печать разрушения и опустошения. Свои впечатления от увиденного Алексей Толстой выразил в стихах. По завещанию, составленному писателем в 1870 г., все движимое имущество и сочинения переходили в собственность его жены Софьи Андреевны, а имения Красный Рог, Погорельцы, Пустынька и земли в Байдарской долине в Крыму должны были перейти после смерти С.А. Толстой в вечное пользование двоюродного брата Жемчужникова.

После смерти А. К. Толстого владельцами имения Меллас были княгиня Д. Голицына, граф М. Остерман, сенатор Ф. Маркус. В конце XIX в. имение приобрела Е.Г. Кузнецова, сестра известного чаепромышленника А.Г. Кузнецова, хозяина соседнего Фороса.

Члены большой семьи Перовских стали выдающимися деятелями Российской империи – писателями, поэтами, государственными чиновниками высокого уровня. Их вклад в различные сферы жизни российского общества еще до конца не раскрыт. Пример тому – деятельность Льва Алексеевича Перовского.

1. Сражение под Малоярославцем – 12(24) октября 1812 г. (французы свернули на старую Смоленскую дорогу, ранее ими разоренную).

Битва – под Красным – 3-6 (13-18) ноября 1812 г. – разгром главных сил французов (захвачено 20000 пленных, 228 орудий).

Сражение под Вязьмой – первое крупное сражение русских с отступающей армией Наполеона – 22 октября (3 ноября) 1812 г.

2. См. Раскол и единоверие в Черниговской губернии / Прибавление к Черниговским епархиальным известиям.. Часть неофициальная. 1863. – №23. – С. 1235.

3. Там же. С. 1235.

4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 104. Л. 20-25 об.

5. Там же. Л. 68 об.

6. Там же. Л. 252.

7. Аксаков И.С. Письма к родным. М., 1994. - Письмо №11 от 16 июня 1849 г., №24 от 17 сентября 1840 г. / В 1849 г.
И.С. Аксаков был послан с целью изучения раскола в Ярославскую губернию. В 1850 г. с такой же целью он посетил Черниговскую губернию.
8. Исторический очерк единоверия. СПб., 1867. – С. 65.
9. Черниговские епархиальные известия. – 1878. – №11. – С. 181-183.

Д.В. Кузнецов,
геральдист-исследователь, краевед

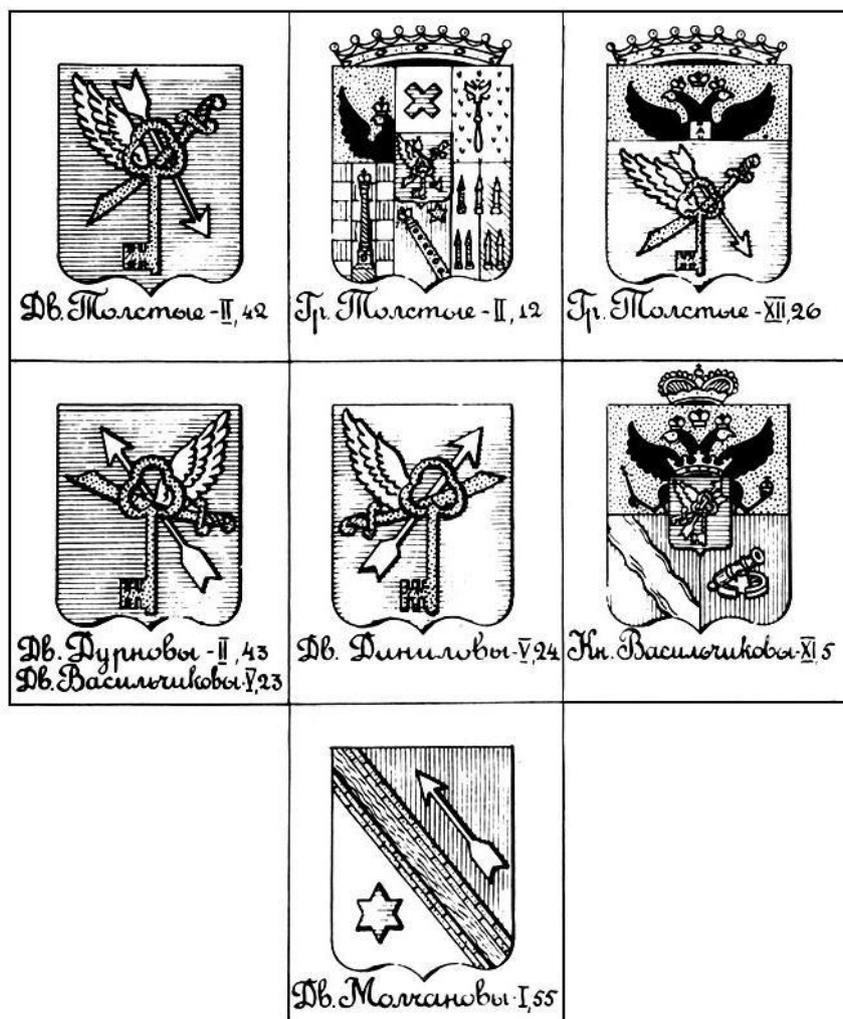
Гербы рода Толстых

Одной из интереснейших, хотя и специфических групп исторических памятников, содержащих ярко выраженную родословную информацию, являются родовые гербы.

Хотя бы ввиду того, что герб всё-таки является визуальным отличительным символом владельца и наличие в нём тех или иных геральдических фигур в каждом случае продиктовано своей отдельной логикой. Поэтому, опознать, какие реалии из жизни гербовладельца в гербе обозначены можно в том случае, если известны обстоятельства жизни владельца герба (будь то отдельная личность или род).

Толстые относятся к числу интереснейшей группы русских дворянских родов, относящей себя к потомству благородного мужа Индриса, выехавшего из Цесарской (Германской) земли, в 1353 г. К этой группе относятся Федцовы, Дурново, Даниловы, Васильчиковы и Молчановы. За исключением рода Молчановых и угасшего рода Федцовых, все вышеназванные роды имеют в гербе общую фигуру – крылатый ключ, сквозь кольцо которого пропущены стрела и сабля.

Герб Толстых представлял собой щит, имеющий голубое поле, на котором изображены золотая сабля и серебряная стрела, проде-тые остриями крестообразно сквозь кольцо золотого ключа, над ключом с правой стороны видно серебряное крыло распростертое. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный золотом [5].

Необходимо отметить, что право иметь родовой герб было одним из очень важных прав, которые давались исключительно потомственным дворянам. Герб, вместе с остальными составляющими (родословная книга, генеалогическое древо, поколенная роспись) образует современное понятие «Родословие» и является символом рода. Само пожалование дворянства первоначально предполагалось в

виде пожалования герба. Герб закреплял право на потомственное дворянское достоинство и родовые титулы и делал их «видимыми».

В роду Толстых использовалось три варианта герба – два для графских и один для дворянской ветвей.

Графским титулом Род Толстых обязан услугам, которые оказал российскому престолу сподвижник Петра Великого, тайный советник Петр Андреевич Толстой. С ним и связан первый вариант графского герба был утверждённый в 1725 г.

Грамота Императрицы Екатерины I от 30 августа 1725 г. на графское достоинство Петру Андреевичу Толстому является наиболее ранним документом, свидетельствующим о гербе графов Толстых. В ней же содержатся развернутые сведения о предке Толстых.

Здесь надо заметить, что одним из условий, чтобы родовой герб возымел законную силу, необходимо было, чтобы легенда происхождения и заслуг рода была доказана или, по крайней мере, официально признана.

Родословная сказка Толстых

При составлении Бархатной книги (т.е. родословной книги наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России) в 1686 году П. А. Толстой представил в Разрядный приказ следующую справку о своём происхождении, что в лета 6861-го (1353 по новому летоисчислению) пришёл из цесарского (т.е. немецкого) государства муж честного рода именем Индрис с двумя сыновьями по имени

Литвонис и Зигмонт (Зимонтен) и с ними пришло дружины и людей их три тысячи. Крестися Индрис и дети его в Чернигове в православную христианскую веру, и нарекли Индриса Леонтием, а сыновей его: Литвониса Константином а Зигмонтена Федором; и от Константина родился сын Харитон, а Федор умер бездетен, о чем пишется в летописце Черниговском.

Произошло это событие после того, как в 1341 во время отражения осады крепости Баербурга немецкие рыцари застрелили из пистолета Великого князя Литовского Гедимины. Позже, в 1360 году рыцари вновь столкнулись с литовскими войсками на границе и захватили в плен самого Кейстута, сына Гедимины. В 1353 году, то есть в промежутке между этими событиями, в разгар трагической борьбы литовцев за свою независимость и появляется Индрис со своими сыновьями в Чернигове. Причём он стал служить там не кому-нибудь, а князю Дмитрию Ольгердовичу.

Эти сведения о предке Толстых были перенесены в Грамоту на графское достоинство П.А. Толстому. В ней прародитель Толстых был назван уже Гендрихом, который от тогдашних государей Всероссийских «...награжден и взыскан многою милостию и вотчинами, в государстве Всероссийском поселился и честную и благородную свою фамилию основал и произвел».

Потому что правнук Индриса по имени Андрей Харитонович, согласно этой толстовской росписи, выехал из Чернигова ко двору Великого князя московского Василия II Тёмного, положив начало дворянскому роду Толстых.

Герб графов Толстых был внесён в «Общий гербовник дворянских родов», часть II, стр. 12.

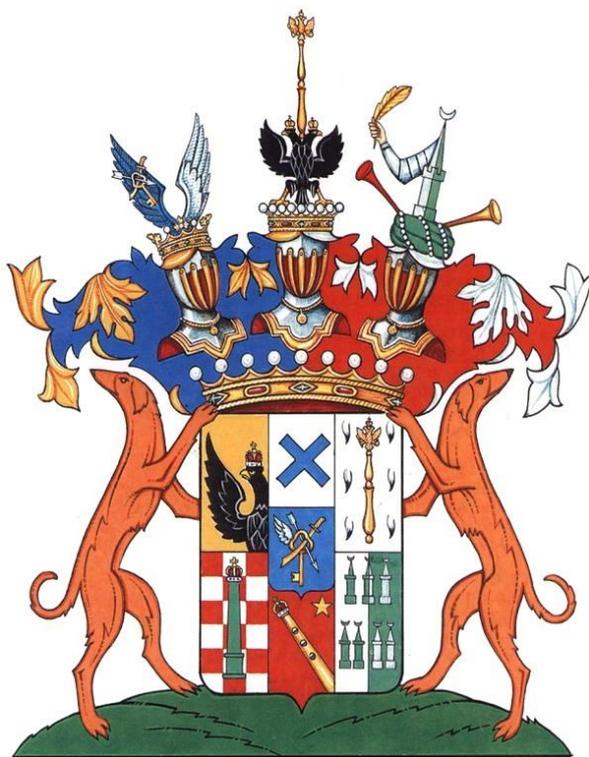
В Общем гербовнике родословная легенда была подвергнута редакции. Предка опять стали звать Индрисом вместо Генриха, а его выезд стал датироваться не 1352-м годом, а 1353-м, Индрис упоминался якобы в утраченной Черниговской летописи. В настоящее время это проверить невозможно.

Недостоверность дворянских родословий связана ещё и с общим стремлением русской знати производить себя от иностранцев. Русский писатель XIX века Евгений Петрович Карнович в своей книге «Родовые прозвания и титулы в России, и слияние русских с иностранцами» писал: *«Древнее наше дворянство составилось большей частью из иностранных выходцев. Явление это до того было обыкновенно, что при составлении в царствование Екатерины II общей формы для родословной росписи по шестой части дворянской родо-*

словной книги – части, предоставленной древнему русскому дворянству, признано было наиболее удобным начать эту форму с такой рубрики: «выехал в Россию оттуда-то при великом князе таком-то». Такое означение применялось к родоначальнику каждой древней русской дворянской фамилии...» [3]. Поэтому считается, что большая часть русского дворянства имеет иноземные корни, преимущественно польско-литовские и татарские, в меньшей степени – немецкие и балтийские. Таким образом, скорее всего, Индрис, в крещении Леонтий – вымышленный родоначальник дворянского рода Толстых, от которого, в свою очередь, происходят Федцовы (всего три поколения), Молчановы и Дурновы, а от последних – Даниловы и Васильчиковы. Позднее, к Индрису стали возводить своё происхождение и Тухачевские.

Как уже говорилось, наиболее ранним документом, свидетельствующим о гербе графов Толстых, является грамота Императрицы Екатерины I от 30 августа 1725 г. на графское достоинство Петру Андреевичу Толстому.

Грамота на графское достоинство Толстых хранится в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 154. Оп. 3. Д. 37). Она давно привлекала внимание геральдистов, фрагмент её с описанием и разъяснением символики герба был опубликован одним из основателей русского гербоведения А. Б. Лакиером. Полностью текст пожалованной грамоты был опубликован другим видным русским геральдистом С.Н. Тройницким в журнале «Гербовед» № 5 в 1913 г. [7]

Графский герб Толстых являлся одним из первых дворянских гербов России, составленных по правилам европейской геральдики. Как и в других ранних русских гербах, в нём подробно отразилась биография владельца – П. А. Толстого: *«Щит, разделённый на шесть частей двумя линиями перпендикулярно и одной горизонтально, имеет по середине малый щиток голубого цвета, в котором изображены: золотая сабля и серебряная стрела, продетые остроконечиями крестообразно сквозь кольцо золотого ключа и над стрелой с правой стороны видно серебряное крыло распростёртое. В первой части, в золотом поле половина орла. Во второй части, в серебряном поле голубого цвета крест Святого апостола Андрея. В третьей части, в горностаевом поле золотой маршальский жезл, перпендикулярно поставленный. В четвёртой части, в шахматном поле, составленном из серебра и красного цвета, княжеская корона, наложенная на поверхность поставленного столба зелёного цвета. В пятой части, в красном поле, золотой столб, положенный диагонально справа налево, на коем означены три глобуса, имеющие верх серебряный, а низ голубой, и на левой стороне видна золотая звезда пятиугольная. В шестой части, разделённой перпендикулярно на два поля – серебряное и зелёное, изображены: вверху три и внизу четыре башни, переменяющие вид свой на краске в серебро, а на серебре – в зелёный цвет, и наверху сих башен полумесяцы, рогами вверх обращённые. На поверхности щита наложена графская корона с тремя на ней шлемами. Из них, средний шлем – серебряный, увенчанный по достоинству, имеет на себе чёрного орла двуглавого, посреди коих поставлен маршальский жезл. Прочие же два шлема – железные; из оных на первом: с правой стороны сверх короны видны два крыла распростёртые, голубого цвета и серебряное, с изображением на голубом крыле сабли, стрелы и ключа, как на щите означены. На последнем: с левой стороны на шлеме, сверх зелёной чалмы турецкой, украшенной перлами (жемчужинами – Д.К.), находится башня, половина её зелёного цвета, а другая – серебряная, с полумесяцем на вершине; из сей башни видна рука согбенная, держащая перо золотое, а по сторонам чалмы – трубы, красная и золотая. Намёт на щите золотой и серебряный с голубым и красным цветом. Щит держат две борзые собаки, по сторонам смотрящие»* [5].

В жалованной грамоте императрицы Екатерины I подробно раскрывается смысл эмблем герба: половина российского императорского орла должна была указывать на пожалование графского досто-

инства; крест андреевский – на получение первым в роду высшего ордена страны – Святого Андрея Первозванного; поле с горностаевой мантией и маршалским жезлом, символизируют придворную службу и звание П. А. Толстого; шахматное поле со столбом, увенчанным княжеской короной – сложную дипломатическую интригу, в результате которой П.А. Толстому удалось привезти в Россию сына Петра I, царевича Алексея; перевязь, звезда и глобусы означали чины и должности П. А. Толстого: службу стольником, капитаном гвардии, президентом Коммерц-коллегии, а башни – службу послом в Турции, во время которой он дважды был заключён в семибашенной крепости Едикуле. Щитодержатели – две борзые собаки – трактовались как «верный и скорый в делах успех» [7]. В грамоте не разъяснялось значение крылатого ключа с саблей и стрелой, констатировалось только, что это «герб... старинный фамилии Толстых» [7]. Между тем, существует версия, что он отражает родовую легенду Толстых, в частности – происхождение от рыцаря, который бежал из крепости при помощи присланного через птицу ключа. Может быть, речь шла о мифологическом Индрисе.

С.Н. Тройницкий, опубликовавший полный текст жалованной грамоты, считал, что, «старинный» герб Толстых был сочинен одновременно с гербом графов Толстых. Ведь если бы в 1725 году существовал «старинный» герб рода Толстых, то им, вероятно, пользовались бы и в конце XVII века, а между тем, на печати Петра Андреевича Толстого 1694 г. изображена просто человеческая фигура [1].

Но был ли крылатый ключ со стрелой и саблей новой или старой фигурой? Во всяком случае, ещё в середине XVIII века, им уже пользовались Даниловы, Дурновы, Васильчиковы и Толстые, что видно из гербовника Анисима Титовича Князева [2],

а представляя в конце XVIII в. доказательства дворянства Даниловы и Дурновы утверждали, что гербом пользуются издревле [7].

Как видим, герб графов Толстых послужил основой для гербов других семей, также происходивших от Индриса. Их представители, подавая описания своих гербов, при утверждении в дворянском достоинстве, прямо отсылали к грамоте Толстых на титул [6]. Однако, герб, скорее всего, не имел визуальных прототипов и, видимо, действительно был составлен в связи с пожалованием графского достоинства, что подтверждается вышеупомянутой печатью П. А. Толстого 1694 г. [1]

Герб для второй графской ветви Толстых был утверждён отдельно (ОГ, XII, 26), при пожаловании графского достоинства обершталмейстеру Ивану Матвеевичу Толстому (ветви от Матвея Андреевича Толстого) в 1866 г. Он состоял из двух частей.

Нижняя половина гербового щита включает родовой герб Толстых (ОГ, II, 42) – в лазуревом поле золотая сабля и серебряная стрела,

продетые сквозь рукоятку золотого ключа, к которой присовокуплено с правой стороны серебряное крыло. Щитодержцы: справа – гриф, слева – борзая собака, которых две держат гербовый щит ранее пожалованных графов Толстых, и в этом одна из разностей нового герба и отличий его от старого. Девиз – «Преданностью и усердием» – тоже составляет отмену от пожалованного ранее графского герба, как и нашлемники. На гербе 1866 года по сторонам шлема с графскою короною, под которым, как водится, повторена эмблема пожалования, справа – между страусовыми перьями почтовый (или охотничий) рожок, а слева – молнии [6].

Из описания гербов видно, что гербы графов Толстых представляют собой лишь измененные и более сложные вариации родового герба Толстых, которым является крылатый ключ с продетыми сквозь кольцо стрелой и саблей.

Но, поскольку герб графов Толстых был одним из первых, утвержденных российским монархом, он имел безусловный авторитет, и не только среди ближайших однородцев графов. Сочетание эмблем стрела-сабля-ключ-крыло имеется в гербах дворян Пещуровых, Жилиных, Хлоповых, Кайсаровых, Черкасовых, Протопоповых, Барановых.

Литература

1. Иванов, П.И. Сборник снимков с древних печатей / П.И. Иванов. – М., 1858. – Таб. 19, № 306.
2. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / под ред. С.Н. Троицкого. – М.: Старая Басманная, 2008. – С. 43-44.
3. Карнович, Е.П. Родовые прозвания и титулы в России, и слияние русских с иноземцами / Е.П. Карнович. – СПб.: Изд-во МФИН, 1991. – С. 28.
4. Лукомский, В.К. Эмблематический гербовник с рисунками А.А. Толоконникова / В. К. Лукомский. – Л., 1987. – Табл. X.
5. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. Ч. I-X / под ред. П.А. Дружинина. – М.: Изд-во «Трутьень», 2009. – Т. 2. – С. 12.
6. История родов русского дворянства: в 2 кн. / [сост. П.Н. Петров]. – М. : Совмест. сов.-сир. предприятие "Лексика" : Современник, 1991. – Кн. 2. – С. 157-158.
7. Троицкий, С.Н. Гербы потомства Индриса. – М., 2003. – С. 89. – [Гербовед. – 1913-1914. – № 5].

8. Хоруженко, О.И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII-XIX вв. / О.И. Хоруженко. – М.: Квадрига, 2013. – С. 324-327.

В.В. Крашенинников,
кандидат исторических наук, краевед

Эпоха Ивана Грозного в творчестве А.К. Толстого

Для большинства читателей Алексей Константинович Толстой – это, в первую очередь, замечательный лирический поэт, что в целом верно. В то же время, если рассматривать все творчество А.К. Толстого, то совершенно ясно, что и в его поэзии, и в драматургии, и в прозе очень значительное (а по объему – даже преобладающее) место занимают произведения, связанные с историческими сюжетами, – в основном, с отечественной историей.

Особое внимание А.К. Толстого, начиная с 1840-х гг., привлекали события и люди второй половины XVI века – времени царствования Ивана IV Грозного. Напрямую с этим временем связаны баллады «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», «Старицкий воевода», роман «Князь Серебряный», драма «Смерть Иоанна Грозного», но эта тема проявлялась и в некоторых других произведениях, например, в «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева», написанная в 1860-е гг. Вот явно иронический отрывок, относящийся к царствованию Ивана Грозного:

*Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.*

*Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.*

*Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!*

*Жить можно бы беспечно
При таком царе;
Но ах! Ничто не вечно –
И царь Иван умре!*

Внешне текст может показаться даже довольно благожелательным по отношению к царю Ивану, если не заметить авторского сарказма – как «можно жить беспечно» в стране, где «хоть покати шаром», т.е. опустошенной.

Возвращаясь к трем упомянутым былинам, можно сказать, что их героями были реальные исторические лица, обстоятельства гибели которых А.К. Толстой показал достаточно близко фактам, известным по историческим источникам.

Василий Шибанов был верным слугой князя Андрея Курбского, отличившегося во многих походах военачальника, но затем бежавшего в Литву, спасаясь от опалы и казни. По поручению своего господина Василий Шибанов доставил Ивану Грозному обличительное письмо А. Курбского, был подвергнут жестоким пыткам, от которых скончался.

Боярин князь Михаил Петрович Репнин, будучи в 1565 г. приглашен царем на пир, вызвал гнев Ивана Грозного, поскольку отказался надеть маску и скоморошничать вместе с царем и опричниками. В балладе А.К. Толстого князь был здесь же на пиру и убит, но в реальности Иван Грозный лишь выгнал его, а через несколько дней князя М.П. Репнина по приказанию царя убили в церкви во время богослужения.

Такое «уплотнение» событий Алексей Константинович порой сознательно допускал и некоторых других случаях.

В небольшой балладе «Старицкий воевода» фамилия главного героя не названа, но сам описанный в ней случай, когда по приказанию Ивана IV одного из приближенных облачили в царские одежды, усадили на трон, а затем сам царь убил его, ударив ножом в сердце, имел место. Убитым был начальник Казенного приказа И.П. Челяднин-Федоров, которого уважали и за его заслуги, и за весьма почтенный возраст.

В романе «Князь Серебряный» среди действующих лиц немало реальных фигур: и сам Иван IV, и ряд известных опричников, и будущий царь Борис Годунов, но два главных положительных героя, боярин князь Никита Романович Серебряный и боярин Дружина Ан-

дреевич Морозов, являются вымышленными лицами, хотя и носят фамилии реальных деятелей XVI века.

Князья Серебряные принадлежал к многочисленному роду князей Оболенских, относившихся к потомкам Юрия Михайловича Тарусского, младшего брата известного в XIII в. Князя Романа Михайловича Брянского. У Дмитрия Семеновича Оболенского по прозвищу Щепа, жившего во второй половине XV в., старший сын Иван получил прозвище Золотой, а второго, Семена, стали называть Серебряным. Князь Семен Дмитриевич Щепин-Серебряный (он умер в 1535 г.) не раз упоминался в документах первой трети XVI в. в различных походах, а в 1526 г. стал боярином и бал близок в Василию III.

Боярами в 1550-1551 гг. (уже при Иване IV) стали два сына Семена Дмитриевича: Василий и Петр. Начиная с 1540-х гг., князья Василий и Петр Серебряные не раз упоминались как воеводы в разных походах: против крымских татар, при покорении Казанского ханства, в Ливонской войне, действуя в большинстве случаев довольно успешно.

Несмотря на военные заслуги, положение князя В.С. Серебряного в годы опричнины было довольно шатким. Не случайно в 1565 г. Иван IV счел нужным взять поручную грамоту за подписями многих известных лиц на князя Василия и его сына Бориса. Сведения о конце жизни Василия Семеновича не сохранились, но с 1570 г. он в разрядных записях уже не упоминался.

Особо стоит остановиться на последних годах жизни князя Петра Семеновича Серебряного. В феврале 1569 г. князю вместе со вторым воеводою Замятией Ивановичем Сабуровым было предписано двигаться к Астрахани во главе Мещерского полка, состоявшего из небогатых русских дворян южных уездов, касиловских татар и верхушки мордвы и марийцев. Полк, насчитывавший до 15 тысяч человек, по вооружению был легким и обычно являлся сторожевым полком во время войны с крымскими татарами. Теперь же ему предстояло встретиться не только с известным ранее противником, но и с турецкими войсками, направленными для захвата Астрахани. Причем, если ранее следом за Сторожевым полком в бой вступали Передовой и Большой полки, а также полки Правой илевой руки, то теперь он должен был действовать самостоятельно против значительно превосходившего его по численности и лучше вооруженного противника.

В почти безнадежной ситуации князь Петр Семенович Серебряный и его воины сумели сначала нанести туркам поражение на Переволке (месте, где ближе всего подходят друг к другу Волга и Дон), а затем, подойдя в сентябре к осажденной Астрахани, вместе с привлеченными на помощь донскими казаками и вышедшими на вылазку из Астрахани стрельцами воеводы Карпова, нанести турецко-крымскому войску очень значительные потери. К тому же был распушен слух, что за полком князя П.С. Серебряного идет большое московское войско. В результате приводимые Касим-пашой турецкие войска и крымские татары хана Девлет-Гирея бесславно отступили от Астрахани, причем во время трудного зимнего перехода до Азова большая половина войска погибла.

Эта фактически первая русско-турецкая война, остающаяся для большинства неизвестной, была выиграна русскими воинами во многом благодаря мужеству П.С. Серебряного.

Удрученный полученными известиями султан Селим II уже готов был уступить Московскому государству Азов и местные территории, но в конце 1569 г. получил от русского посла грамоту Ивана IV, где тот оценил все происшедшее как результат «злодейского заговора», чтобы поссорить двух государей.

Сам же Иван IV, отсиживавшийся во время войны в Вологде, собирался с опричным войском в другой поход – против собственного народа. В декабре 1569 – январе 1570 гг. во время этого похода были разорены Клин, Торжок, Тверь, Вышний Волочёк и, наконец, Великий Новгород, уничтоженный вместе с жителями. Подобная участь грозила и Пскову, но, по преданию, Ивана IV остановили обращенные к нему слова местного юродивого Никиты Псковского. Вернувшиеся из «победоносного» похода в Александрову слободу опричники были довольны – и «крамолу» искоренили, и много добра награбили.

Летом 1570 г. во время одного из опричных пиров царь, неожиданно прервав трапезу, приказал оседлать коней и скакать в Москву. Там опричники по приказу Ивана IV окружили усадьбу князя Серебряного, сам хозяин, вышедший на крыльцо, был обезглавлен ударом сабли; его дом и дворовые постройки были разграблены (сам царь выбрал для себя понравившиеся вещи), а затем сожжены. Такую «награду» получил от Ивана Грозного герой Астраханского похода.

Однако в романе «Князь Серебряный» А.К. Толстой не использовал эти известные ему материалы. Действие романа относится к 1565 г., т.е. за пять лет до гибели Петра Семеновича, но не это глав-

ное. Ведь произошедшие в 1570 г. по приказу царя убийства виднейших опричников отца и сына Басмановых, а также князя Вяземского перенесены писателем в 1565 г. Вероятно, А.К. Толстой не хотел создать у читателя представление о тождественности судеб реального князя П.С. Серебряного и славного героя романа – вымышленного князя Никиты Романовича Серебряного.

Но само обращение писателя к фамилии князей Серебряных вряд ли случайно. Ведь из четырех известных в отечественной истории князей Серебряных (все они уже были названы) трое по своей службе были связаны с Брянщиной. Родоначальник фамилии, князь Семен Дмитриевич, был в 1513 г. с воинским отрядом направлен в Стародуб для оказания помощи князьям Василию Стародубскому и Василию Шемягину. Князь Петр Семенович перед походом в Астрахань был воеводой в Карачеве, а его племянник, Борис Васильевич, последний из князей Серебряных, в 1570-1572 гг. был наместником в Брянске (когда и как завершилась его судьба – неизвестно).

Кстати, с Брянщиной были связаны и еще двое из упомянутых ранее лиц: боярин князь Михаил Репнин был в 1557 г. воеводой в Карачеве, а Замотия Сабуров перед Астраханским походом был воеводой в Брянске (он также подвергся опале, но казнен, вероятно, не был).

Скорее всего, имя и отчество главного героя романа «Князь Серебряный» взяты также не случайно – в 1667 г. наместником в Почепе был князь Никита Романович Одоевский, который в 1570 г. был в числе опричных воевод, но это не избавило его от мучительной казни в 1573 г. (вероятно, «вина» князя состояла в том, что его сестра была женой князя Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата царя, умерщвленного ранее по царскому приказу вместе с семьей). Правда, во второй половине XVI века были известны еще два Никиты Романовича: князь Трубецкой, служивший в опричном войске, а незадолго до смерти в 1608 г. принявший монашеский постриг, а также боярин Захарьин, из числа родственников будущих царей Романовых, но на наш взгляд, больше интереса у А.К. Толстого мог вызвать бывший почепский наместник.

Одновременно с князем Н.Р. Одоевским, мучительной казни (поджариванию на медленном огне) подвергся один из лучших полководцев той поры, князь Михаил Иванович Воротынский, руководивший русскими войсками в 1572 г. в известной битве при Молодях и спасший, благодаря этой победе, Москву и ее окрестности от повторного разорения войсками крымского хана Девлет-Гирея. Знаме-

нитого полководца обвинили даже не в заговоре или измене, а в «колдовстве».

Кстати, князя М.И. Воротынский и Н.Р. Одоевский были соратниками и в битве при Молодах, и в службе по охране южных рубежей весной 1573 г. Товарищем им в последней службе был назначен боярин Михаил Яковлевич Морозов, также казненный в 1573 г., несмотря на прежние заслуги и преклонный возраст.

Так что и фамилия одного из главных героев «Князя Серебряного» – боярина Дружины Андреевича Морозова, казненного по приказу Ивана Грозного, имеет объяснение. Что же касается обличительных речей Дружины Андреевича, которые он, облаченный по приказу царя в шутовской наряд, произносит в романе, то они во многом совпадают с подобными предсмертными речами казнимого особо мучительным способом (отрезанием от живого тела отдельных кусков) главы Посольского приказа, фактически руководителя дипломатической службы России, думного дьяка Ивана Михайловича Висковатого.

Не останавливаясь на содержании и героях трагедии «Смерть Иоанна Грозного», обратим особое внимание на статью А.К. Толстого «Проект постановки на сцене трагедии «Смерть Иоанна Грозного», написанную в 1866 г. В ней Алексей Константинович раскрывал свое понимание образа Ивана Грозного. Вот некоторые цитаты из этой статьи: «Иоанн, властолюбивый от природы, испорченный лестью окружающих его царедворцев и привычкою к неограниченной власти..., видит врагов во всех, кто стоит выше обыкновенного уровня, все равно чем: рождением ли, заслугами ли, общим ли уважением народа. Ревнивая подозрительность и необузданная страстность Иоанна побуждают его ломать и истреблять все, что может, по его мнению, нанести ущерб его власти, сохранение и усиление которой есть цель его жизни...

После безграничного самовластия вторая черта в Иоанне – это страстность и впечатлительность. Иоанн слишком проникнут божественностью своих прав, слишком презирает людей. Он жесток по натуре и пользуется случаем погубить, чтобы потешить свою жестокость. Он чрезвычайно умен и проницателен, и, если бы его природная способность не были затемнены постоянной мыслью об измене, которая сделала его хронической болезнью, он был бы великим государем. Эта боязнь измены, эта злопамятная подозрительность ко всему, что превышает обыкновенный уровень, – составляет третью главную черту его характера.

Он также чистосердечно религиозен, но религиозен по-своему. Он служит богу, как бояре служат ему: из страха наказания и в надежде награды. Он хочет купить царствие небесное вкладами, синодиками, земными покаяниями и постом, изнуряя порой себя до полусмерти...

Глубокий государственный ум, неутомимая деятельность, необыкновенная энергия, страшная сила воли... все это испорчено, помрачено, подточено в корне пороками и произволом, и ничего не идет ему впрок...»

Впечатляет психологическая зоркость, проявленная А.К. Толстым в этих оценках. Это, наряду с художественным талантом, позволило автору создать яркие картины русской жизни XVI века, дать выразительные образы и царя Ивана Грозного, и опричников, этих «псов государевых», и противостоящих им честных служителей интересам Отечества, сохранивших в условиях страха и раболепия порядочность и прямоту.

И хотя об эпохе Ивана Грозного и людях того времени писали многие другие авторы XIX в. (достаточно вспомнить К.Ф. Рылеева, А.С. Хомякова, М.Ю. Лермонтова, Л.А. Мея, А.Н. Островского), произведения А.К. Толстого остаются в числе наиболее ярких.

В конце XIX – первой трети XX вв. фигура Ивана Грозного и его эпоха не привлекали особого внимания писателей, но положение изменилось в конце 1930-х гг., когда И.В. Сталин, уничтоживший к тому времени своих главных политических оппонентов, в попытках обосновать свои действия историческими аналогиями «вспомнил» об Иване Грозном как о непримиримом борце с «крамолой». Этот негласный «заказ» был «услышан» однофамильцем и тезкой А.К. Толстого – Алексеем Николаевичем Толстым, который в своей драматической диалогии «Орел и орлица» и «Трудные годы» попытался «очеловечить» образ Ивана Грозного, а трудившийся в 1940-е гг. над объемистым романом «Иван Грозный» писатель Валентин Костылев изобразил царя как «великого государя», за что и был удостоен Сталинской премии. Однако после смерти И.В. Сталина эти и другие подобные произведения, возвеличивавшие Ивана Грозного, но не отличавшиеся художественными достоинствами, оказались скоро забытыми.

В то же время некоторые другие авторы, в первую очередь поэты Дмитрий Кедрин, (поэма «Зодчие»), Давид Самойлов (цикл «стихи о царе Иване»), находившийся во Владимирской тюрьме Даниил Андреев (драма «Смерть Иоанна Грозного»), чуть позже – Олег

Чухонцев (стихи «Повествование о Курбском» и «Кончина Ивана») создали достойные произведения, в которых следовали традициям А.К. Толстого.

В конце XX века, когда после развала СССР в России резко усилились всякие негативные проявления, у немалого числа россиян возникла своеобразная ностальгия по «твердой руке» и вновь стали «поднимать» и Иосифа Сталина, и Ивана Грозного.

К сожалению, к возвеличению царя Ивана, помимо некоторых публицистов-«государственников», приложил свою руку и видный духовный деятель, наш покойный митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Он, в частности, писал об Иване Грозном, что «поведение его всегда и во всем (подчеркнуто нами – В.К.) определялось глубоким и искренним благочестием, подлинно христианским мироощущением и твердой верой. Можно лишь сожалеть о «духовной слепоте», проявленной здесь известным православным мыслителем.

В заключение – стихи, которые не связаны напрямую ни с эпохой Ивана Грозного, ни с творчеством А.К. Толстого, но ассоциативно (а кое в чем – и образно) примыкают к отмеченному ранее:

*Задуматься надо,
Пока еще свет не потух...
Российскому стаду
Потребен суровый пастух*

*И псы – сторожами,
Чтоб овцы в разброд не пошли,
И те, кто с ножами
От смуты бы скот берегли.*

*Хозяин укажет,
Какого барана – под нож,
И, может быть, даже
Устроит частичный падеж,*

*Чтоб все, кто остались,
Не смели бы рта разевать,
А молча пытались
Подножный свой корм добывать.*

*Наступит порядок –
Почти как могильный покой...
Вот только не сладок,
А горек порядок такой.*

*А, может быть, надо,
Властям сотворив укорот,
Сказать: «Мы – не стадо,
А сильный и смелый народ».*

*От древнего веча
Не раз до недавних времен
Призывные речи
Взмывали превыше знамен.*

*Но нынче – иначе.
Оглохли к призывам сердца,
Смирлись и, значит,
Бесславно смолчат до конца.*

*Лишь хором вороны
Восславят и власть, и вождя,
Под звон похоронный
До стада народ низведя.*

Н.А. Голик,
директор Унечского краеведческого музея

Виртуальная экскурсия по утраченным усадьбам юго-западной Брянщины

Я предлагаю вашему вниманию виртуальную экскурсию по интересным усадьбам юго-западной Брянщины. Многие из них совсем утрачены, но я остановлюсь на любопытных местах, которые достойны внимания туристов.

Первая усадьба, о которой мне очень хочется рассказать, находится в Клинцовском районе в селе **Великая Топаль**.

Старинное село Великая Топаль известно с 1620 года. В разные времена им владели многие польские, украинские и русские зе-

мельные магнаты, в том числе и такие известные в нашей истории деятели, как полководец П.А. Румянцев.

От Румянцевых Топаль перешла к княгине В.С. Голицыной, которая в 1820 г. возвела ныне существующий каменный дом с флигелем. При ней в усадьбе была построена отдельно стоящая каменная колокольня, а в 1850 г. – теплая каменная церковь Николая Чудотворца (к сожалению, обе не сохранились).

Затем усадьбой владел ее сын, князь П.П. Голицын, а с 1882 г. до самой смерти в 1914 г. дочь последнего – княгиня М.П. Долгорукова.

Комплекс усадьбы состоит из барского дома с флигелем, парка с прилегающими фруктовыми садами и церкви Преображения.

Каменный дом с мезонином, украшенный неперменным шестиколонным портиком, является хорошим образцом брянского усадебного дома в стиле ампир. Первоначальная планировка изменена после 1917 г. в связи с приспособлением под школу.

За домом – **парк**, с трех сторон окруженный фруктовым садом. Парк невелик, но уютен. Он занимает территорию около 3,5 гектаров. Пять продольных аллей, идущих от дома, в пересечении с тремя поперечными образуют простой геометрический узор. Регулярная планировка парка, по-видимому, сохранилась первоначальной, то есть середины XVIII века. Это подтверждают сохранившиеся в аллеях колоссальные липы – живые свидетели долгой истории усадьбы и ее парка.

Перед домом, – «парадный двор». Впереди и несколько в стороне – каменная церковь Преображения – выдающийся памятник архитектуры второй половины XVIII века, один из лучших образцов культовой архитектуры Брянщины, выполненный на высоком профессиональном уровне в редком для региона псевдоготическом стиле.

Преображенский храм был построен в 1780 году по заказу П.А. Румянцева-Задунайского, вместо прежнего деревянного храма. Хорошо сохранился до настоящего времени. Действует.

Очень выразителен интерьер храма. Основным помещением является эффектный круглый зал со сферическим куполом, украшенный кессонами со звездочками на темно-синем фоне; в четырех круглых медальонах купола в технике гризайль изображены христианские символы. Церковная утварь и иконостас относятся к 19 и нач. 20 вв. На южной стене икона в пышном барочном резном обрамлении 2-й пол. 18 в.

На территории храма ранее располагался некрополь, от которого уцелели два надгробия: князя Голицына Павла Павловича (4.I.1828-10.IV.1882г.г.) и княжны Голицыной (урожд. графини Симонич) Елены Ивановны (11.IV.1837-2.XI.1860 гг.).

Следующая наша остановка – усадьба Вьюнки, расположенная в пригороде Клинцов, на берегу пруда. Усадьба построена в 1910-12 гг. для клинцовского фабриканта Д. Сапожкова по проекту итальянского архитектора. Пострадала в 1941-43 гг., восстановлена в послевоенный период.

На сегодняшний день является единственным в Брянской области загородным усадебным комплексом, архитектура которого целиком выдержана в духе подражания готике.

Комплекс занимает свыше 6 гектаров на северном берегу большого пруда с земляной плотиной. В усадебный комплекс входят: дом, здание машинного отделения электростанции, конюшня и ледник.

Дом. Композиционный центр всего комплекса. Его своеобразная романтическая архитектура в стиле неоготики подражает замкам средневековья. Двухэтажное кирпичное здание с оштукатуренными стенами поставлено на высокий цоколь, в котором размещены хозяйственные помещения.

Конюшня с голубятней. Двухэтажное кирпичное здание со штукатурной отделкой деталей. Пристройки и перестройки значительно изменили его облик; сохранились лишь южный и частично восточный фасады. Интерьер здания полностью изменен. Сейчас там столовая санатория.

Ледник. Интересный пример усадебной хозяйственной постройки этого времени, стилизованной под готику. Прямоугольное в плане сооружение типа полуземлянки с наземным входом. Внутри два помещения: тамбур с лестницей и собственно ледник. Стены и пол кирпичные, перекрытия сводчатые.

Здание машинного отделения электростанции. Здание одноэтажное, служило машинным отделением тепловой электростанции. Редкий образец небольшой производственной усадебной постройки, стилизованной под готику.

Парк Вьюнки ландшафтный. В парке произрастают свыше восьми десятков видов деревьев и кустарников. Больше, чем в любом другом парке области. Здесь можно встретить экзотическую темно-зеленую горную сосну, густые и раскидистые сибирские кедры и светло-зеленые веймутовы сосны.

Ещё одна интереснейшая остановка – усадьба Дуниных-Борковских в с. Новая Романовка.

Это село расположено в десяти километрах от Мглина на речке Воронусе. Первоначальный облик усадьбы неизвестен. Современный вид ее начал складываться в начале XIX века – постройкой самого замечательного сооружения комплекса – церкви Покрова Богородицы (1811 г.).

В настоящее время усадьба состоит из барского дома, церкви и парка.

Ансамбль искажают поздние постройки, особенно здание школы, сооруженное в 1970-72 гг. между усадебным домом и парком. Но, несмотря на это, усадьба является одним из интереснейших усадебных ансамблей Брянской области периода позднего классицизма – начала стилизаторства. Усадьба занимает территорию в 26 гектаров.

Дом – оригинальный образец усадебного строительства сер. 19 в., выполненный в духе подражания загородным вилам итальянского Возрождения в 1853 году по проекту петербургского архитектора Д.Е. Ефимова. Большое одноэтажное здание (двухэтажное в северной части) с подвалом, надстройками и бельведером сооружено из кирпича и оштукатурено. Композиция его подчеркнута асимметрична и слагается из ряда объемов.

Покровская церковь – это красивая восьмигранная башня. Возведенная в стиле ампир – русском классицизме начала XIX века – ее архитектура прекрасно сочетается с природой, являясь как бы естественной частью парка, она истинная жемчужина ансамбля. С этим памятником связано имя выдающегося русского художника Владимира Лукича Боровиковского, кисти которого принадлежало 26 икон, украшавших оригинальный иконостас Покровской церкви. Церковь и иконы были созданы по заказу помещика Степана Лашкевича.

Буквально в нескольких километрах от усадьбы Борковских село Разрытое.

Человек, стремящийся видеть чуть дальше «видимого очами», не может равнодушно пройти мимо святынь Разрытого. Хотя дорога, отделяющая село от внешнего мира, может считаться туристическим маршрутом только для любителей экстрима.

Лучше всего историю любого места молчаливо рассказывают сохранившиеся достопримечательности. Всё, что дошло до наших дней, – это расположенные в двух километрах от селения курганы и руины (увы!) каменного храма во имя архангела Михаила, построен-

ного в центре села на месте одноименной деревянной церкви в 1834 году. Даже разрушенный, он не утратил своей красоты и величия и производит неизгладимое впечатление на всех, кто посещает Разрытое.

В селе было имение графа Василия Гудовича. Имение располагалось на возвышенной местности, было окружено вековым сосновым бором. На севере – обширное озеро, на западе – фруктовый сад, с южной стороны – парк с искусственно выращенными деревьями разных пород, со множеством живописных аллей и дорожек.

Имение по наследству досталось дочери графа княгине Александре Васильевне, вышедшей замуж за князя Михаила Павловича Голицына. Она-то и основала в июле 1900 года женскую общину – Свято-Троицкую Покровскую. Священником и духовником обители стал Дмитрий Красногорский – духовный сын самого Иоанна Кронштадтского.

В 1904 году по решению Синода Разрытовская община стала женским монастырём. К 1907 году здесь насчитывалось до 80 инокинь, существовала школа-приют для девочек-сирот, богадельня, куда помещались не только постаревшие и больные монахини, но и беспризорные немощные старушки.

С декабря 1917 обитель планомерно уничтожается.

В 1921 года было принято постановление о ликвидации монастыря. Всё имущество обители было конфисковано и частично использовано для оборудования партклуба.

Только духовная жизнь в местах, избранных Богом, не угасает навсегда. Приходит время – и она возрождается...

С приходом в Разрытое старца Василия Яцкого в монастырском доме снова стали молиться. На месте бывшей монастырской церкви поставил старец часовенку – там, где, предположительно, находился алтарь в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Позже один из местных жителей принёс и оставил в часовне подалтарную плиту с выбитыми на ней словами.

Сейчас в Разрытом живет и молится маленькая женская община.

Это намоленное, дивное место.

И последняя остановка нашей виртуальной экскурсии – Ляличи – усадьба первого министра народного просвещения России П.В. Завадовского.

Граф Завадовский был одной из знаковых фигур своего времени.

Начав со скромной должности чиновника Малороссийской коллегии, стал фаворитом Екатерины II, первым министром народного просвещения России.

Постройка Ляличского дворца началась еще в период фавора Завадовского.

Проектировщиком усадьбы стал Джакомо Кваренги, ведущий петербургский архитектор той поры.

Огромный усадебный комплекс включал в себя дворец с галереями и флигелями, различные хозяйственные и служебные постройки, Екатерининскую церковь и большой пейзажный парк с летним дворцом, всевозможными «затейми» и колоннадой-храмом.

Главным ядром композиции был трехэтажный дом-дворец с пониженными закругленными галереями, заканчивающимися одноэтажными флигелями. Галереи-крылья замыкали большой парадный двор перед домом, боковые протяженные стороны которого ограничивали корпуса оранжерей (позднее южный превращен в конюшню), а лицевой фасад составляла каменная ограда с монументальными въездными воротами в центре.

За дворцом, перед его парковым фасадом, находился цветочный партер, а с южной стороны от него – фруктовый сад. Напротив дворца на другой стороне пруда раскинулся огромный пейзажный парк с открытой беседкой-ротондой, т.н. «Храм благодарности», в которой стояла бронзовая статуя фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского – покровителя Завадовского – работы французского скульптора Ж.Д. Рашета. На поляне в глубине парка находился двухэтажный каменный летний дворец, известный под названием «Зала безопасности».

У южного конца широкой липовой аллеи, вне основной территории усадьбы, на небольшой площади села поставлена пятикупольная церковь Екатерины. Композиция ее не имела себе подобных в русской архитектуре. Строгость и изящество отличали внутреннюю отделку храма. Главную роль играла лепнина, которая подчеркивала основные архитектурные членения стен и сводов.

Великолепные постройки Ляличей утопали в зелени прекрасного пейзажного парка, в котором насчитывалось около ста пород деревьев. Парк занимал территорию в 150 гектаров. Его окружала каменная стена общей протяженностью около 10 километров. Состоял парк из двух контрастных (регулярной и пейзажной) частей. Цепочка каскадных прудов отделяла одну часть от другой. Аллеи украшали более пятидесяти мраморных статуй.

Усадьба является выдающимся памятником русского зодчества и садово-паркового искусства эпохи зрелого классицизма, одним из лучших произведений Дж. Кваренги. К сожалению, эта настоящая сокровищница искусства разделила судьбу многих тысяч русских усадеб.

Сегодня в Ляличах сохраняются остатки главного дома, полуразрушенные флигели, небольшая часть ограды, корпус оранжереи (перестроенный в конюшню) и восстанавливаемая Екатерининская церковь.

Литература

1. Алексеева, Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18-19 вв. / Т.В. Алексеева. – М., 1975. – 421 с.: ил.
2. Великая Топаль, местечко Новозыбковского уезда. – Чернигов, 1900.
3. Горностаев, Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга / Ф.Ф. Горностаев // Культурные сокровища России. – М.: Т-во "Образование". 1914. – Вып.8. – 95 с.
4. Городков, В. По старинным аллеям / В. Городков. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1983. – 141 с.: ил.
5. Действующие храмы Брянской епархии // Брянский Православный Календарь. 2007 год от Рождества Христова. – Брянск: Издание Брянского Епархиального Управления, 2007. – Брянск, 2007. – 175 с.: ил.
6. Дмитровский, А. Благодество и красота необыкновенные / А. Дмитровский // Брянский рабочий. – 1966. – 2 октября. – С. 2.
7. Зубова, Е. Великой Топалью владели шляхтичи, графы, княгини и... колхозники / Е. Зубова // Брянская газета. – 1997. – Ноябрь (№46). – С. 9.
8. Кизимова, С.П. Романовский иконостас В.Л. Боровиковского / С.П. Кизимова // Брянский краевед. – Брянск, 1971. – Вып. 4. – 250 с.: ил.
9. Лазаревский, А. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 1. Полк Стародубский / А. Лазаревский. – Киев: Тип. К.Н. Милевского, 1888. – XVI, 470, XXXII с. – Указ. лиц: с. I – XXXII.
10. Памятники истории и культуры Брянщины. – Брянск, 1970. – 295 с.

11. Посканный, И.М. Великая Топаль: Очерки о селе и его людях; Сказание о Василии Клинцове: Поэма / И.М. Посканный. – Клинцы, 1998. – 240 с.: 1 л. портр.
12. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. – М.: Наука, 1997. – 638 с.: ил. – (Свод памятников истории и культуры России).
13. Страницы из Брянской летописи : Спец. вып. «Блокнота агитатора». – Брянск, 1968. – 259 с.: ил. – На обороте тит. л. сост.: Я.Соколов, В.Русанов.
14. Филарет (Гумилевский, Д.Г.). Историко-статистическое описание Черниговской епархии / Филарет (Д.Г. Гумилевский). – Чернигов, 1873. – Кн. 7. – С. 250-253.
15. Цапенко, М. Земля Брянская / М. Цапенко. – М.: Искусство, 1972. – 135 с.: ил.

В.Г. Деханов,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов России

Эпистолярный автопортрет А.К. Толстого (по его письмам к С.А. Миллер-Толстой 1851-1863-1875)

Алексей Константинович Толстой как человек – для нас почти загадка. Нет его научной биографии. Вообще ничего не известно о его детстве, отрочестве и юности (не считая дневника 13-тилетнего Алёши, который он вёл во время поездки с дядей по городам Италии). Не оставила своих воспоминаний о сыне Анна Алексеевна Толстая, которая вскоре после рождения Алексея разошлась со своим мужем Константином Петровичем Толстым.

...Перед кем больше всего может раскрыться (рассказать о себе) человек? Конечно, перед родителями. Но с отцом у А.К. Толстого не было никаких связей. Не осталось писем А.К. Толстого к своей матери, а её – к нему. Остаётся только любимая женщина, какой была для А.К. Толстого Софья Андреевна (в девичестве Бахметева, в первом замужестве Миллер).

Бывает ещё, когда человек исповедуется сам перед собой, ведя дневник или записные книжки. Но А.К. Толстой таковых не оставил,

не считая указанного выше дневника. Воспитателем и наставником Алексея был его дядя Алексей Алексеевич Перовский (1787-1836), но и он ничего не оставил о своём племяннике, кроме нескольких писем к нему.

Конечно, немало о человеке можно узнать из уст его окружения, но эти сведения ещё более субъективны (читайте «Современники об А.К. Толстом». – Брянск, 2002. Составитель В.Г. Деханов), чем те, которые человек сам поведал о себе. Честный и открытый А.К. Толстой навряд ли мог перед собой кривить душой. С годами человек меняется – этому есть разные причины.

Первые письма Алексея Константиновича Толстого к Софье Андреевне Миллер по известным печатным источникам относятся к 1851 году. Толстому в это время было 33 года. Переписка с С.А. Миллер как возлюбленной продолжалась до 1863 года (12 лет), когда Софья Андреевна стала его женой. Толстому в это время шёл уже 45-й год.

Большое количество писем Толстого к С.А. Миллер-Толстой было ею уничтожено, а многие подверглись обработке, особенно личного плана. К тому же переводы с французского не всегда выполнялись с необходимой аккуратностью. Свои письма к А.К. Толстому Софья Андреевна уничтожила.

Выписки для этой публикации делались из 4-го тома собрания сочинений А.К. Толстого, изданного в московском издательстве «Художественная литература» в 1964 году. В скобках под выдержками указывается дата написания и место, откуда письмо было послано.

* * *

1.

...Пусто в покое моём. Один я сижу у камина... [1]...то, что я Вам говорю в стихах, я мог бы повторить Вам и в прозе, так как это – чистая правда.

(1851 г., 15 января, Петербург)

2.

...Я хожу, насколько больная нога позволяет, – а вечером езжу верхом.

Сейчас только вернулся из лесу, где искал и нашел много грибов. Мы раз как-то говорили о влиянии запахов и до какой степени они могут напомнить и восстановить в памяти то, что забыто уже много лет. Мне кажется, что лесные запахи обладают всего больше

этим свойством. А впрочем, может быть, мне это так кажется, потому что я провёл всё детство в лесах. Свежий запах грибов возбуждает во мне целый ряд воспоминаний. Вот сейчас, нюхая рыжик, я увидел перед собой, как в молнии, все мое детство во всех подробностях до семилетнего возраста. Это продолжалось, может быть, лишь одну тысячную секунды, не больше. Всякий сорт грибов имеет свое особенное свойство, но все они меня относят в прошедшее.

А потом являются все другие лесные ароматы, например, запах моха, древесной коры, старых деревьев, молодых, только что срубленных сосен, запах в лесу во время сильного зноя, запах леса после дождя... и так много еще других... не считая запаха цветов в лесу...

(1851 г., 22 августа, Пустынька [2])

3.

...Бывают минуты, в которые моя душа при мысли о тебе как будто вспоминает далекие-далекие времена, когда мы знали друг друга еще лучше и были еще ближе, чем сейчас, а потом мне как бы чудится обещание, что мы опять станем так же близки, как были когда-то, и в такие минуты я испытываю счастье столь великое и столь отличное от всего доступного нашим представлениям здесь, что это – словно предвкушение или предчувствие будущей жизни. Не бойся лишиться своей индивидуальности, а пусть бы ты даже и лишилась ее, это ничего не значит, поскольку наша индивидуальность есть нечто приобретенное нами, естественное же и изначальное наше состояние есть добро, которое едино, однородно и безраздельно. Ложь, зло имеет тысячи форм и видов, а истина (или добро) может быть только единой. <...>

Видеть людей, которым за 50 лет, которые жили и живут во имя искусства и которые относятся к нему серьезно, мне доставляет всегда большое удовольствие – потому что это так резко отделяется от так называемой службы и от всех людей, которые под предлогом, что они служат, живут интригами, одна грязнее другой.

А у этих добрых людей, вне служебного круга – и лица другие. Так и видно, что в них живут совсем другие мысли, и, смотря на них, можно отдохнуть.

Не хочется мне теперь о себе говорить, а когда-нибудь я тебе расскажу, как мало я рождён для служебной жизни и как мало я могу принести ей пользы.

Я родился художником, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противились тому, чтобы я сделался вполне художником.

<...> Я никогда не мог бы быть ни министром, ни директором департамента, ни губернатором. Я делаю исключение только для службы в министерстве народного просвещения, которая, может быть, могла бы мне подойти...

<...> я не думаю, чтобы я мог быть хорошим сельским хозяином, – я сомневаюсь, чтобы я сумел поднять ценность имения, но мне кажется, что я мог бы иметь хорошее влияние нравственное на моих крестьян – быть по отношению к ним справедливым и отстранять всякие вредные возбуждения, внушая им уважение к тому же правительству, которое так дурно смотрит на людей не служащих.

<...> моё настоящее призвание – быть писателем. <...> я очень ленив, это правда, но я чувствую, что я мог бы сделать что-нибудь хорошее, – лишь бы мне быть уверенным, что я найду артистическое эхо, – и теперь я его нашёл... это ты.

Если я буду знать, что ты интересуешься моим писанием, я буду прилежнее и лучше работать.

Это – поприще, в котором я, без сомнения, буду обречён на неизвестность, по крайней мере, надолго, так как те, которые хотят быть напечатаны теперь, должны стараться писать как можно хуже – а я сделаю всё возможное, чтобы писать хорошо... С раннего детства я чувствовал влечение к художеству и ощущал инстинктивное отвращение к «чиновничеству» и – к «капрализму».

Я не знаю, как это делается, но большею частью всё, что я чувствую, я чувствую художественно.

Я рождён художником не только для литературы, но и для пластических искусств.

Хотя я сам ничего не могу сделать как живописец, но я чувствую и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я сам себе говорю, смотря на картину: «Господи, если бы мог это сделать... насколько бы я ещё лучше сделал».

Музыка одна для меня недоступна; это – великолепный рай, который я вижу издали, который я отгадываю и вокруг которого я хожу – но не могу взойти в него.

<...> я не чиновник, а художник.

(1851 г., 14 октября, Пустынька)

...У меня столько противоречивых особенностей, которые приходят в столкновение, столько желаний, столько потребностей сердца, которые я силюсь примирить, но стóбит только слегка прикоснуться, как всё это приходит в движение, вступает в борьбу <...>. Чувствую, что никто, кроме тебя, не может меня исцелить, ибо всё моё существо растерзано. Я, как мог, зашивал и подправлял всё это, но много ещё надо переделывать, менять, заживлять. Я живу не в своей среде, не следую своему призванию, не делаю то, что хочу, во мне – полный разлад, и в этом, может быть, секрет моей лени, потому что я, в сущности, деятелен по природе... Те элементы, из которых составилось моё существо, сами хороши, но взяты они были наудачу и пропорции – не соблюдены. Ни в моей душе, ни в моём уме нет балласта. Ты должна вернуть мне равновесие... В твоём дневнике я нашёл такие строки: «Для достижения истины надо раз в жизни освободиться от всех усвоенных взглядов и заново построить всю систему своих знаний». С какою бы радостью я при твоей помощи потрудился над этой перестройкой. Я – словно какой-нибудь сарай или обширная комната, полная всяких вещей, весьма полезных, порой – драгоценных, но наваленных кое-как одна на другую; с тобой я и хотел бы разобраться и навести во всём этом порядок.

(1851 г.)

5.

...Я старюсь интересоваться оперой и другими вещами, но стóбит мне на мгновение забыться, как я тотчас же погружаюсь в небытие. Клянусь тебе, как я поклялся бы перед судилищем господним, что люблю тебя всеми способностями, всеми мыслями, всеми движениями, всеми страданиями и радостями моей души. Прими эту любовь, какая она есть, не ищи ей причины, не ищи ей названия, как врач ищет названия для болезни, не определяй ей места, не анализируй её. Бери её, какая она есть, бери не вникая, я не могу дать тебе ничего лучшего, я дал бы тебе всё, что у меня было самого драгоценного, ничего лучшего у меня нет... Ты мне говоришь, что я не смогу любить тебя так всегда. Я это знаю и сам; это не новость, это в порядке вещей, что такое восторженное возбуждение проходит: так оно есть и так должно быть. Цветок исчезает, но остаётся плод, остаётся растение; поверь мне, то, что останется, будет ещё достаточно прекрасно... Мы знаем, что любовь не есть вечное чувство. Но должно ли нас это пугать? Пойдём же смело навстречу, не заглядывая вперёд и не оглядываясь назад <...> Я в гораздо большей мере – ты, чем – я сам.

(1851 г.)

6.

...Есть такие муки и такие желания, которые нельзя выразить словами; всякое слово кажется мне мёртвым, всё, что я мог бы сказать, кажется мне слишком слабым. Друг мой, на душе у меня тяжело, я приехал с бал-маскарада, где был не по своей охоте, а только из приличия – ради великого князя <...> Как мне было там грустно! Не ездил никогда на эти противные балы-маскарады!

<...> Характер у меня – с надрывом, он чувствителен к малейшему прикосновению, но мелочности в нём нет – даю тебе слово. <...> я никогда не испытывал разлада с самим собой, ибо, хотя и считал этикет вещью необходимой для многих случаев, всегда хотел, чтобы он существовал, но за пределами моей жизни. Даже в самом разгаре моих аристократических увлечений я всегда желал для самого себя простой деревенской жизни.

(1851 г.)

7.

Я прочёл моей матери весь второй том «Записок охотника», которые она прослушала с большим удовольствием. <...> Какую великолепную вещь он (Тургенев. – В.Д.) мог бы сделать из Чертопханова [3]! Если бы только он разработал этот характер артистично, не удовлетворяясь лишь одним наброском <...> Что до меня касается, я восхищался этим человеком – таким, каким он его сотворил... <...> Когда я встречаю что-нибудь подобное, – я чувствую, что энтузиазм подымается к голове, по спинному хребту, так же, как когда я читаю прекрасные стихи. Многие из его характеров – драгоценные камни, но не обтёсанные.

Мой ум медлен и находится под влиянием моих страстей, но он справедлив.

<...> Если бы дело было только в том, чтобы взять в руки факел и поджечь пороховую мину и себя взорвать вместе с нею, я сумел бы это сделать; но столько людей сумели бы также это сделать... Я чувствую в себе сердце, ум – и большое сердце, но на что оно мне?

Но у меня тоже есть луч света впереди, и мне всегда казалось, что я предназначен для чего-нибудь. <...> В этом луче света я всегда предвидел большую способность самоотвержения, – но во имя чего? В пользу кого? Не знаю...

(1852 г., 6 октября, Пустынька)

8.

...Подумай, что до 36 лет мне было некому поверять мои огорчения, некому излить мою душу. Всё то, что печалило меня, – а бывало это часто, хотя и незаметно для посторонних взглядов, – всё то, чему я хотел бы найти отклик в уме, в сердце друга, я подавлял в самом себе...

(1853 г., 6 января)

9.

...Мне было 13 лет, и мы были в Италии [4].

Ты не можешь себе представить, с какою жадностью и с каким чутьём я набрасывался на все *произведения искусства*. В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов и немного из их биографии, и я почти что мог соревноваться с знатоками в оценке картин и изваяний.

При виде картин я мог всегда назвать живописца и почти никогда не ошибался. <...>

Не зная ещё никаких интересов жизни, которые впоследствии наполнили её хорошо или дурно, я сосредоточил все свои мысли и все свои чувства на любви к искусству.

Эта любовь превратилась во мне в сильную и исключительную страсть. <...>

С тех пор я сильно изменился, я заснул на этом, как на многих других вещах, – но разве есть возможность остаться художником при той жизни, которую мы ведём? Я думаю, что нельзя быть *художником одному, самому по себе*, когда нет художников среди окружающих вас...

Энтузиазм, каков бы он ни был, скоро уничтожается нашими условиями жизни; но тогда я не знал этих условий и вполне отдавался своему энтузиазму. <...>

Я думаю, что если бы я поселился в Италии или где-нибудь в другом месте, но окружённый людьми, *любящими искусство*, я мог бы вернуться к тому, к чему я был предназначен. <...>

Я не могу восторгаться вицмундиром, и мне запрещают быть художником; что мне остаётся сделать, если не заснуть? Правда, что *не следует* засыпать и что нужно искать другой круг деятельности, более полезный, более очевидно, полезный, чем искусство; но это перемещение деятельности труднее для человека, родившегося художником, чем для другого...

(1853 г., 31 июля, Петербург)

10.

Я провёл вечер у Шемиотт. Была масса народу. Поляки, и из русских я и Вельгорский. Все поляки, из которых некоторые громадные, пробовали свою силу со мной, и я их всех поборол по очереди. Мне кажется, что я становлюсь сильнее, но все находят, что я похудел. <...>

Я бы дал читать Монтеня [5] женщине, которую я уважаю, несмотря на ужасный цинизм его выражений; я бы осмелился это сделать, потому что Монтень не намеренно циничен. Я бы не осмелился дать читать А. Мюссе [6] женщине, которую уважаю, потому что он преднамеренно циничен.

(1853 г., 22 октября, Петербург)

11.

...Я очень грустен, и я скучаю, насколько моё горе мне это позволяет.

...Работать мне слишком трудно... может быть, я мог бы писать смешные вещи, но ничего не могу писать такого грустного и серьёзного, как моя душа теперь. <...>

Если бы мне оставалось только десять лет жизни, я бы охотно отдал половину, чтобы обладать красивым голосом или большим музыкальным талантом.

(1853 г., 3 ноября)

12.

...Если бы я мог сконцентрировать свои принципы и острие иголки, я бы это сделал, что не помешало бы мне быть милосердным к натурам менее строгим...

(1855 г., 1 января)

13.

Я изменяю своему характеру: я, который нуждаюсь в одиночестве, провожу всю жизнь с товарищами. Когда я не на учении, я у них или они у меня. Мы играем в городки, гуляем...

(1855 г., 23 мая, Медведь [7])

14.

...Я уверен, что я всегда исполню свой долг, но военная жизнь не по мне. Когда война кончится, я постараюсь сделаться тем, к чему я всегда стремился, – т. е. *художником*...

(1855 г., 26 декабря, Катарджи [8])

15.

...если положительно я увижу, что в будущем я ничего не могу сделать, – мне кажется, будет грешно перед самим собой продолжать жизнь в направлении, диаметрально противоположном своей природе, и тогда, вернувшись к собственной жизни, я начну в 40 лет то, что я должен был начать в 20 лет, т. е. жить по влечению своей природы...

Я знаю, что может быть полезно даже ради истины лавировать и выжидать, но я не довольно ловок для этого: всякий должен лишь действовать по своим *дарованиям*, как говорит Deerslayer [9]; в моих дарованиях я чувствую только одну возможность или невозможность мне быть полезным, тем будет лучше.

Что я грустен, более чем когда-либо, нечего тебе и говорить!..

(1856 г., 26 августа, Москва)

16.

...Как объяснить потребность писать, которая мною овладевает, именно когда мне всего меньше времени и возможности писать?

...Всё, что я чувствую, всё, что я думаю, – я всё выражаю в стихах...

(1856 г., 7 сентября, Москва)

17.

...Я хочу заняться без тебя *моим искусством* – меня к нему влечёт, как никогда...

...Помоги мне жить вне мундиров и парадов.

Что касается до серьёзной цели, которую я себе поставил, я никогда не потеряю её из вида, и мысль о ней может одна меня помирить с временным моим положением, в котором всё противоречит моей натуре....

Но в моей личной жизни я хочу жить *искусством* и во имя *искусства*. Моя натура возмущается при одной мысли, что её хотят вытолкнуть на другую дорогу...

(1856 г., 1 октября, Петербург)

18.

...Знаешь, – хотя это приятно и хорошо, но мне часто мешает лёгкость, с которой мне даётся стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3-4 редакции той же мысли, той же картины, и мне нужно было бы *свежее ухо*, чтобы выбрать одну из редакций той же самой вещи, – и чем больше мне нравится мысль или картина, тем более я её меняю и исправляю, так что иногда *теряю чутьё суждения*. <...>

Я ощущаю такую потребность говорить с тобой о искусстве, о поэзии, поделиться с тобой всеми моими мыслями и теориями о искусстве, которые движутся в моём воображении.

Всё это я чувствую ясно, но не умею ярко выразить; знаешь, что́ я тебе говорил про стихи, витающие в воздухе, и что достаточно их ухватить за один волос, чтобы привлечь их из первобытного мира в наш мир... Мне кажется, это также относится к музыке, к скульптуре, к живописи. <...>

Чтобы не портить и не губить то, что мы хотим внести в наш мир, нужны либо очень зоркий взгляд, либо совершенно полная отрешённость от внешних влияний, великая тишина вокруг нас самих и сосредоточенное внимание, или же любовь, подобная моей, но свободная от скорби и тревог.

<...> Неужто я себя чувствую больше поэтом и художником с тех пор, как я ношу платье антихудожественное и антипоэтическое?

(1856 г., 6 октября, Петербург)

19.

...настал день, когда я нуждаюсь в тебе, чтобы просто иметь возможность жить. <...>

Я стал и более сильным и более слабым, чем прежде, – более сильным потому, что ощущаю, как во мне пробуждается искусство, властно открываясь моему слуху, будто все приближающиеся мощные раскаты грома, а проза подобно полипам обхватывает меня со всей бессмысленностью своих щупалец.

(1856 г., 25 октября, Царское Село)

20.

...Мои так часто льющиеся слёзы, может быть, слабость с моей стороны, и с другими это бывает лишь в минуты экзальтации,

больших возбуждений, в минуты апогеи любви и т. д., – но что же мне делать, если всякая минута моей жизни проходит в экзальтации и апогее!

(1856 г., 26 октября)

21.

...Сегодня я говорил с знающим человеком о моей теперешней службе; он меня очень поздравлял с этим назначением [10].

...Что до меня касается, я очень боюсь, чтобы эти занятия не были совершенно противоположны моей совести...

Эта мысль более мучительна для меня, чем если бы мне дали службу, только неприятную и не подходящую к моей природе, как большую частью административные посты.

... Я из-за этого не сплю ночей, не ем, у меня лихорадка, и мои руки леденеют при одной мысли. <...> ты знаешь, что если я не смогу остаться честным человеком на этом месте, я уйду во что бы то ни стало, хоть напролом!

(1856 г., 27 октября, Петербург)

22.

...я ставлю *искусство*, как *пользу*, сто раз выше службы...

...Чтобы не делали, не найдут *цемент*, чтобы связать меня с массой.

...Убить человека дурно, но убить мысль, ум – хуже.

(1856 г., 4 ноября, Петербург)

23.

Господи, господи, когда же придёт время, когда мне можно будет забыть прошлое и будущее и жить только в *настоящем*? – *Это счастье на земле.*

Надо всё или ничего; надо смотреть на прошлое и на будущее, как, я думаю, мы будем смотреть на том свете, или же не делать никаких воспоминаний о прошедшем. <...>

У нашей души только одно окошко, через которое она видит предметы, один за другим; когда стены отпадут, вид откроется на все стороны, и всё представится одновременно; всё, что казалось противоречиво, объяснится самым простым образом, понятным для ребёнка; не будет больше времени – будет вечность, будет одна общая цельность, и слова: время, вечность – не будут иметь смысла.

Я всё это знаю, я думаю об этом, и всё-таки мне думается о всех диссонансах жизни, и мне от них больно...

<...> Как странно, что я так хорошо знаю, что такое музыка, и так мало её понимаю.

<...> Я не сотворён из того же материала, как масса; можно ли от меня требовать то же, что от других?..

(1856 г., 17 ноября, Царское Село)

24.

...Я всегда рад признаться в своих ошибках: вообрази себе, что я стал энтузиастом Пушкина, – не всего, но известной категории его стихотворений...

(1856 г., 25 ноября, Пустынька)

25.

...Если бы, например, меня употребили на дело освобождения крестьян, я бы шёл своей дорогой, с чистою и ясною совестью, даже если бы пришлось идти против всех. Но в этом деле, в котором я нахожусь, – совсем не то, и не могли сделать худшего выбора. <...>

Всякий день я сильнее убеждаюсь, что моя жизнь пошла по неверному пути и что все мои мысли, 20 лет тому назад, были справедливы, по крайней мере, что касается самого себя...

(1856 г., 1 декабря)

26.

Так больно, так грустно, что мочи нет.

(1856 г., 13 декабря, Петербург)

27.

Я крепко уверен, что я предназначен написать что-нибудь хорошее; я это чувствую, как какую-то веру, какое-то убеждение; но если бы ты для меня исчезла, священный огонь бы потух сам собой.

Я всё отношу к тебе: славу, счастье, существование; без тебя ничего мне не остаётся, и я себе сделаюсь отвратительным.

(1857 г., начало декабря, Курск)

28.

...Ты не знаешь, какой гром рифм грохочет во мне, какие волны поэзии бушуют во мне и просятся на волю...

(1851 г., 21 декабря)

ИЗ ПИСЕМ К ЖЕНЕ

29.

Перед кем же мне хвастаться, как не перед тобой. Мне кажется, что я у тебя в сердце как дома, несмотря ни на что.

(1867 г., начало сентября, Карлсбад)

30.

...Мне очень трудно, может быть, даже невозможно убить в себе совершенно *моё я*... но можно его уменьшить до необходимых размеров, и я хочу над этим поработать. Я думаю, что чувство своего *я* – есть неизбежная изнанка чувства *чести*. Можно иметь чувство своего *я*, не имея чувства *чести*, но мне кажется, что нельзя иметь чувство *чести* без чувства своего *я*. Дело в том, чтобы не допускать до того, чтобы оно брало верх над всем остальным.

(1867 г., 1 (13) сентября, Карлсбад)

31.

Вот я здесь опять, и мне тяжело на сердце, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя. Я только что приехал в 3 ¹/₄ часа утра и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет, – что я не могу жить без тебя, что ты *моё* единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет тому назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять, – и я себе говорю: как ужасно глупо расставаться! Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, *ни одной*, всё – лишь свет и счастье...

(1870 г., 10 (22) июля, Дрезден)

32.

<...> Ты – *моё* условие и жизни, и спокойствия, и счастья!...

(1870 г., между 13 (25) и 18 (30) августа, Карлсбад)

33.

...Во мне то же чувство, как двадцать лет тому назад, когда мы расставались – совершенно то же.

(1873 г., 31 марта (12 апреля), Рим)

Примечания

1. Строка из стихотворения А.К. Толстого.
2. Имение матери А.К. Толстого под Петербургом.
3. В рассказе И.С. Тургенева «Чертопханов и Недолюскин».

4. Читать «Дневник» Алексея Толстого, который он вел, будучи в Италии с 23 марта по 31 мая 1831 года.
5. Монтень Мишель (1553-1592), французский мыслитель, автор книги «Опыты».
6. Мюссе Альфред (1810-1857), французский поэт и прозаик, драматург.
7. Село в Новгородской губернии, где А.К. Толстой находился в составе «Стрелкового полка императорской фамилии» в чине майора.
8. Болгарское село в 85-ти километрах от Одессы.
9. Буквально: охотник на оленей; герой романа Ф. Купера «Зверобой».
10. А.К. Толстой был назначен делопроизводителем «Секретного комитета о раскольниках».

А.В. Сазоненко,
краевед

Город Почеп – эпохи А.К. Толстого

Для маленьких провинциальных городков Юго-Запада России характерна некоторая консервативность. Это касается не только исторической планировки, архитектуры, но и характера его жителей. Проходили века, но это почти никак не отражалось на занятиях и образе жизни горожан.

Страшные потрясения XVII-XVIII веков, как ни странно, не уничтожали привычного вида города, а, наоборот, дали толчок для развития, чего не скажешь о спокойном, даже «застойном» веке XIX, том времени, когда здесь бывал и жил граф А.К. Толстой. Алексей Константинович в своих произведениях не упоминал город своего детства, наверное, для этого были причины, но почепская история и почепские характеры очень легко в них угадываются.

Впервые Почеп упоминается в 1457 году. Эти земли входят в Великое княжество Литовское. В 1663 году появляется новая территориально-административная единица – Стародубский полк. К этому времени сотенный Почеп уже не просто город, а крупный торгово-административный центр с очень мощной крепостью. В городе выборная власть, пользующаяся самоуправлением. Магдебургское право было даровано городу польским королем Сигизмундом III в 1628

году в числе прочих малороссийских городков, разоренных смутой. Казачье население находится под руководством сотника, а городское и ремесленное – под руководством войта. Центром управления является городская ратуша. Земли вокруг принадлежат не только казачьему населению, но и «почепскому войтовству». В 1709 году город Почеп с землями был подарен гетманом Скоропадским А.Д. Меншикову. Город теряет свои вольности, ратуша была уничтожена. При Меншикове старый город почти не изменяется внешне. Разве что в возвышенной части разбивается ландшафтный парк с каскадом прудов, а за рекой Судость строится новый «город» Александрополь. Основой для него станет новая крепость, но просуществовать он очень недолго. Как страшное напоминание о правлении Меншикова он будет разобран до основания местными жителями, включая даже церковь Благоверного князя Александра Невского. Конфискованный у опального Меншикова город будет медленно приходить в упадок. Вот как он выглядел в 1746 году: «Город Почеп, при реке Судости, деревянный, дубоваго лесу, рубленый избицами, к нему приделаны четыре бальварка рубленые же и насыпаны землею. И ныне то городовое строение зело ветхо, из башень верхи и мосты погнили и по-свалялись, изъ бальварков также и со всехъ сторон земля въ ров обвалилась и засыпалась, а по городской стене въ разных местах городовое строение изгнило и разволочено и фартеции нет ничего. Крепость имела ворота Стародубские, Мглинские, Смоленские, Пригородные и Роговские [1].

В 1759 году Почепская волость отдана была К.Г. Разумовскому, прадеду А.К. Толстого, в вечное потомственное владение. При Разумовском управителем почепским был Павел Лобысевич. Ратушное управление восстановлено было в Почепе в 1741 году по сенатскому указу по примеру других малороссийских городов [2]. При новом хозяине Почеп несколько изменяет свой облик. Здесь начинается грандиозное строительство. С 1765 по 1771 строится Воскресенский собор. Рядом с ним был построен огромный дворец, парадный фасад которого был обращен в парк к реке. Сюда осенью 1817 года и привезла Анна Алексеевна Толстая своего маленького сына, где он и прожил с многочисленной родней первые четыре с половиной года [3]. А на шумную городскую, Базарную, площадь выходили хозяйственные постройки дворца, огражденные забором. К площади радиально сходились улицы – дороги, плотно застроенные небольшими деревянными домами.

Значение Почепа как торгового центра видно из описания 1781 года.

Город Почеп положение имеет на проезжих дорогах из Москвы, Калуги, Брянска и Смоленска на Стародуб и Киев. В городе имеется крепость, обнесенная земляным валом, который осыпался и едва виден. В городе восемь церквей, в том числе одна каменная. Два сотенных управления. 681 двор. В Почепе бывает четыре ярмарки: 1) на второй неделе великого поста, 2) в день Вознесения, 3) в одиннадцатую пятницу после Вознесения, 4) 20 июля. На ярмарки приезжают купцы с товарами из Москвы, Калуги, Орла. Промышленники с солью и рыбой из Черкаска, из Гадяцкого и Лубенского полков и из донских станиц. Из Стародуба, Мглина, Баклани и других местечек Стародубского полка привозят пеньку, деготь, смолу, деревянную посуду, рогожу, веревки. Со всей округи – вино и съестные припасы. Из Трубчевского и Брянского уездов строевой лес и дрова.

Жители города земледелием занимаются мало, а все заняты разными промыслами и торговлей. В городе имеются цехи кравецкий, ткацкий, сапожницкий, пекарский и ковальский [4]. Не отсюда ли мотивы сказки А.А. Перовского «Черная курица»?

Как видно из описания, почти все почепские церкви были деревянные. К началу XIX века начинается перестройка старых церквей в кирпиче и постройка новых. В 1804 году была построена церковь Антония Римлянина Новгородского Чудотворца. В 1823 году был возведен новый храм Пророка Ильи. Примерно в это же время перестраивается и храм Архангела Михаила, прямо напротив Воскресенского собора. Так что Алексей Константинович не мог его не видеть. Вклад семейства Разумовских в развитие Почепа просто огромен. Такого грандиозного строительства город, пожалуй, не видел никогда. Но он не изменяет себе, он все тот же. Таким его увидел в 1805 году О. Ф. Гунн: «Несмотря на то, что Почеп не уездный город, можно, однако дать ему преимущество перед многими городами и по многим причинам. В нем считается около 2500 жителей, 600 дворов и 9 церквей. Почеп преимущественно торгует льном, пенькою, маслом конопляным, медом, хлебом, а наиболее простым вином, которое здесь сказывают чрезвычайно дешево и крепко, почему продают его на всех улицах и почти во всех домах. Пьяных всегда множество. Торг бывает каждую пятницу [5]. Не отсюда ли мотивы стихотворения Алексея Константиновича «Русский богатырь»?

Но все закачивается со смертью Алексея Кирилловича Разумовского. Он был похоронен в Воскресенском соборе. В 1837 году

Почеп продают новому владельцу П.А. Клейнмихелю. Увы, с этого начинается период нового упадка города. Новому хозяину уже не было никакого дела до города. Продаются земли, леса. Прах А.К. Разумовского переносится из Воскресенского собора в Новгород-Северский тоже не без «участия» нового хозяина. В некогда зажиточный край приходит голод. Для подавления голодных «бунтов» привлекаются войска. Хотя бунты выражаются лишь в невыплате недоимок. Возможно, все это и охлаждало отношение к Почепу графа Толстого, больше уделявшего внимание Красному Рогу. Новый же расцвет Почепа начнется со строительства в 1886 году железной дороги. Но, к сожалению, Алексей Константинович этого уже не увидит.

И снова, как и двести, и триста, и четыреста лет назад все дороги будут сходиться на окруженной церквями Базарной площади. Ничто не меняется в этом городе.

-
1. План Стародубовского Полку сотенного городка Почепа. Составлен 22 марта 1746 года прапорщиком Симоном Лаптевым. ЦГА ВМФ. Ф. 3/л, о. 25, д. 2480.
 2. Лазаревский, А.М. Описание старой Малороссии. Т. I. Полк Стародубский / А.М. Лазаревский. – 2-е изд. – Брянск (Белые Берега) : Группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2008. – С. 345.
 3. Захарова, В.Д. А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества / В.Д. Захарова. – Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2013. – С. 8.
 4. Лазаревский, А.М. Описание старой Малороссии. Т. I. Полк Стародубский / А.М. Лазаревский. – 2-е изд. – Брянск (Белые Берега): Группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2008. – С.346-347.
 5. Лазаревский, А.М. Описание старой Малороссии. Т. I. Полк Стародубский / А.М. Лазаревский. – 2-е изд. – Брянск (Белые Берега): Группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2008. – С.346-348.

О.В. Вороничева,
кандидат филологических наук,
Брянский государственный инженерно-технологический
университет

Значение А.К. Толстого как гения места в культурном пространстве Брянска

Особую значимость для формирования локального текста имеет его содержательное наполнение, прежде всего информацией о прославленном уроженце места: «Локальный текст – это рассказ о *гении* данного места (*genius loci*), о его феноменальной, ноуменальной и мифологической (чудесной) сущности, составленный из десятков, сотен, а иногда и тысяч устных и письменных примарных текстов» [1, с. 31]. *Гений места* выступает в качестве «фактора формирования образа, некоей духовной проекции места, его одухотворения» [2], поэтому выявлением его внеисторической сути и судьбы во многом обуславливаются перспективы и динамика развития самого локуса.

Особое место среди людей, прославивших Брянщину, занимает Алексей Константинович Толстой. Объясняется это тем, что, во-первых, именно наш край является единственным хранителем памяти о писателе, здесь покоится его прах и здесь сходятся пути поклонников его творчества. В Красном Роге написаны многие его произведения. Кроме того, название села (видимо, по примеру своего дяди) молодой граф использовал для своего литературного псевдонима (в 1841 г. под именем *Краснорогский* им была опубликована повесть «Упырь»).

Во-вторых, личность Толстого является воплощенным идеалом благородства и честного служения «Отечеству и Музе». Толстого обладал гениальным чутьем в разграничении добра и зла и представлял собой удивительно гармоничную и цельную личность с обостренным нравственным чувством. Искренним и честным он был не только в жизни, но и в творчестве. В автобиографическом письме к А. Губернатису он четко выразил свою позицию: «...убеждение мое состоит в том, что назначение поэта... возвышать их (*людей – О.В.*) моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды». Бескомпромиссность Толстого в утверждении добра особенно значима в сегодняшние переходное время, когда все нестабильно и колеблется даже то,

что еще вчера казалось незыблемым. Его личность, судьба и творчество представляют собой некий оплот, постоянную величину, точку отсчета для поиска идеала, который его гениальный родственник и однофамилец определил как идеал «простоты, добра и правды». В этом отношении особо значима роль Толстого в одухотворении пространства города и региона, поскольку, по меткому замечанию А.Е. Левинтова, *гений места* – это «своеобразная совесть места, указующая не столько на то, что можно здесь делать, сколько предостерегающая от этически невозможных действий». Он дает «шанс стать человеком каждому»: не пропасть в «периферийной рутине», а выстроить свой диалог с Богом [2].

Проанализируем брянский текст с точки зрения идентификации областного центра с личностью А.К. Толстого, акцентируя внимание на одном из трех выявленных Д.Н. Замятиным путей взаимодействия гения с местом: «образ знаменитой личности становится элементом территориальной идентичности. Действие в данном случае направлено от личности к месту, личность "питает" место своей славой» [3, с. 63]. По мнению ученого, «изучение феномена идентификации с героем по праву землячества, по всей видимости, должно осуществляться... по аналогии с культом мифического прародителя. Местное сообщество может рассматриваться как аналог группы родичей (рода, племени и т. д.), фигура же Гения – как фигура общего предка, играющего, таким образом, чуть ли не ключевую роль в цементировании этого сообщества» [3, с. 64].

Центром (сердцем) «толстовского» пространства является имение писателя, в селе Красный Рог, которое расположено на берегу реки Рог (или Рожок), впадающей в Судость, приток Десны, а также окрестности имения, поскольку «жизнь Толстого далеко не замыкалась пределами парка и усадьбы. Страстный охотник, он бродил по окрестным лесам, полям и болотам» [4, с. 34]. Брянск, будучи административным центром толстовского края, в своем культурном пространстве обязательно должен иметь визуальные образы, воплощающие информацию о жизни и творчестве писателя, материализующие память о нем и воплощающие идеи единства гения с местом. Их наличие в культурном ландшафте, кроме того, позволяет структурировать литературное пространство, наглядно определить его смысловые доминанты.

Появление соответствующих визуальных образов в Брянске относится к 1960-м годам XX столетия: в центральном городском парке был установлен первый в России бюст А.К. Толстого (1960,

скульптор Г.П. Пензев), в 1967 году этому парку было официально присвоено имя писателя. Случилось это на фоне полного отсутствия интереса советской власти к Толстому – графу и представителю *чистого искусства*. Его бюст в парке появился благодаря твердой воле и нестандартному мышлению поэта и бывшего фронтовика В.Д. Динабургского. В созданном им парке в 1971 г. «поселилась» еще и четырехметровая скульптура Козьмы Пруткова (художник В.О. Херувимов) – до сих пор единственное в городе визуальное воплощение образа литературного персонажа. По нереализованному замыслу, директор пробирной палаты должен был открывать галерею героев Алексея Константиновича. Правда, изготовлен брянский Козьма из недолговечного материала – дерева (дуба) и сейчас доживает свой относительно недолгий век. Между тем литературная фантазия его создателей (на-ших знаменитых земляков Алексея Толстого и братьев Алексея, Владимира и Александра Жемчужниковых) приняла зримый и осязаемый облик благодаря оригинальному мышлению жителей северного края: в начале года литературы (2015) архангелогородцы поставили памятник Козьме Петровичу (скульптор С. Сяхин). Этот уроженец Архангельской земли (д. Тентелеевой близ Сольвычегодска), «поселился» теперь на главной прогулочной улице областного центра перед зданием литературного музея.

Идентификация места с определенным персонажем может быть связана не только с поддержанием литературных традиций, но и выражать стремление воплотить духовно-нравственный идеал. При создании воспитывающей литературной среды вполне уместен выбор образа Никиты Романовича Серебряного для визуального воплощения. Целесообразность обращения именно к этому герою обусловлена, во-первых, тем, что ему, как и автору, знакомы наши края: «На другой день отряд Никиты Романовича продолжал свой путь, углубляясь все далее в темные леса, которые, с небольшими прогулами, соединялись с Брянским дремучим лесом» [5, с. 294]. Во-вторых, прототипы Серебряного тоже могут быть связаны с Брянщиной. В.В. Крашенинников считает, что А.К. Толстого могли заинтересовать яркие фигуры князя Петра Серебряного и близких ему современников: «из четырех известных в XVI веке князей Серебряных два (Петр Семенович и Борис Васильевич) были связаны с Брянщиной своей воеводской службой, еще один (Семен Дмитриевич) также, вероятно, бывал здесь во время походов...» По свидетельству ученого и краеведа, реальные князья Серебряные вели свой род от Константина Оболенского, племянника Романа Брянского. Кстати, «из того же рода князей

Оболенских, что и Серебряные, был и герой баллады А.К. Толстого «Князь Михайло Репнин»» [6, с. 104]. Воплощенная в бронзе и установленная без постамента или подиума фигура князя Никиты Романовича Серебряного могла бы стать органичным элементом культурного пространства города, повышающим его информативность и раскрывающим нравственно-эстетический потенциал.

Выстраивание виртуального диалога между населяющими культурное пространство литературными персонажами, например между архангелогородским Козьмой и брянским, могло бы способствовать мифологизации городского пространства. Последнее представляется особенно важным, поскольку является необходимым условием создания цельного образа города. Мифообразующим элементом городской культуры является отношение жителей к своему городу, которое формируется, в том числе, благодаря переживанию связей с *гением места*. Отождествление материально-предметных атрибутов с абсолютными ценностями способствует формированию национального самосознания и региональной идентичности. Д.С. Лихачёв убедительно доказал факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды. В качестве примера он привел послевоенный Ленинград, в который «вернулось не более 20 процентов его довоенного населения, тем не менее, вновь приехавшие в Ленинград быстро приобрели те чёткие «ленинградские» черты поведения, которыми по праву гордятся ленинградцы. Человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя. Его воспитывает история, прошлое» [7, с. 63].

Между тем сегодня мы можем наблюдать случай сокращения толстовского пространства, связанный с уничтожением знакового архитектурного сооружения: сносом в начале XXI века старейшего кирпичного здания первой Брянской почтовой станции, стены которого помнили Толстого. Возведено оно было в 1782 году на краю Трубчевской заставы (ныне Красноармейской улицы). По свидетельству брянского краеведа Я.Д. Соколова, «именно на этой почтовой станции останавливался при его единственном проезде через Брянск в Овстуг наш великий поэт Федор Иванович Тютчев... При станции меняли лошадей для проезда в Красный Рог Алексей Константинович Толстой и приезжавшие к нему гости» [8, с. 186]. Уничтожение этого атрибутивного объекта не только нанесло невосполнимый ущерб культурному ландшафту, но и лишило город единственного материального напоминания о писателе, прославившем наш край. Сегодня на месте разрушенной почтовой станции можно было бы установить

памятный знак и жанровую скульптурную композицию (например, запряженную тройкой лошадей коляску-тарантас и рядом фигуру Толстого в динамике), а чуть далее, на месте бывшей Трубчевской заставы, – верстовую будку и столб с прикрепленной табличкой: «Трубчевская застава. Отсюда выезжал из Брянска в Красный Рог граф Алексей Константинович Толстой».

К сожалению, незамеченными сегодня остаются жизнь и творчество Алексея Перовского (Антония Погорельского) – одаренного литератора, владельца Красного Рога и первого наставника А.К. Толстого, во многом определившего его творческую судьбу. Образы написанной Перовским для любимого племянника сказки «Черная курица, или Подземные жители» могли бы стать питательной средой для городской жанровой скульптуры.

По замечанию А.Е. Левинтова, «во многих случаях *гений места* хранится в топонимах – от сакральных (Партенид, Афины, Тринидад и т. п.) до бытовых (Варшава, Игарка и т. п.) или героических (Париж, Рим, Александрия и т. п.)» [2]. В нашем случае связь места и гения закреплена только «на уровне официальной идеологии» [3, с. 64]: имя писателя носят парк, театр и областная литературная премия «Серебряная лира». С горечью приходится констатировать: в Брянске нет улицы Толстого. Однако в центре города недавно был воздвигнут гостиничный комплекс «Граф Толстой», предлагающий «ближе познакомиться с литературным наследием графа Алексея Толстого и достижениями ярких представителей его рода». Несколько инородно на фоне таких обещаний звучит название ресторана – «Сытый граф» – интересное, по мысли создателей, «место, где с первых дней начала завариваться своя собственная атмосфера. Настроение, согласно задумке, ловится правильное – в самый раз для непретенциозной компании друзей, желающих провести время и насладиться едой» [9]. Интересно, как отнесся бы к такой компании граф... В данном случае мы наблюдаем пример коммерциализации культурного пространства, грубой и неумелой попытки использовать известное имя в качестве бренда. В результате происходит непреднамеренная десакрализация литературно-художественных ценностей, уничтожаются культурные смыслы и, как следствие, сокращаются возможности для полноценной жизни человека.

Наличие подобных непрофессиональных явлений не отменяет практического значения «наполняемой гениями образной копилки города», дающей «хороший материал для выбора делового имиджа города, для региональной маркетинговой политики, так что пренебре-

жение субъективными образами Гениев бесхозяйственно для местного сообщества» [3, с. 85]. Поэтому в конце XX – начале XXI века «понятие *гения места* стало частью массовой культуры, одним из инструментов развития индустрии туризма и маркетинга мест» [3, с. 85]. В практическом плане изучение связей конкретной исторической личности с определенным локусом создает условия для успешного брендинга, направленного на раскрытие творческого потенциала *гения места* и создание положительного имиджа города, а главное, способствует построению единого культурного пространства региона и воссозданию его индивидуального образа, дает основания для самоидентификации жителей. По замечанию П. Вайля, «на линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде, реальность...» [10, с. 15]. Создание этой реальности – живой, творческий и увлекательный процесс, имеющий исключительную важность для формирования необходимых условий для осмысленного человеческого существования.

Творчество нашего великого земляка стало на Брянщине предметом изучения и вдохновения, оно привлекает внимание и представителей науки, и представителей искусства. Так, при Брянском госуниверситете работает научная школа «Лексика и семантика поэтической языковой личности» под руководством профессора А.Л. Голованевского. Основной целью ее является исследование конкретных поэтических языковых личностей, в том числе А.К. Толстого. Толстому посвящено огромное количество произведений брянских писателей, художников и фотохудожников. Романсы, созданные на стихи поэта, в исполнении брянских мастеров звучат на различных концертных и сценических площадках города. В репертуаре Брянского драматического театра был спектакль «Князь Серебряный» (режиссер Э. Купцов). Посвященные писателю мероприятия регионального уровня, как правило, бывают вписаны в общелитературный календарь и тем самым обеспечивают пристальное внимание к ним со стороны местной власти.

Под влиянием биографических и творческих связей А.К. Толстого с нашим краем брянский текст обретает достаточно четко выраженную региональную специфику. Однако, несмотря на использование довольно широкого спектра языков культуры, посвященная Толстому глава представляется незавершенной, нуждается в идейном наполнении и более четком структурировании. В частности, необходимо закрепить имя Толстого в городской топонимике и наполнить городскую среду визуальными образами, стимулирующими интерес к

творчеству Толстого. Символизация пространства, сопровождаемая его мифологизацией, может стать одним из основных источников создания «толстовской» главы брянского текста.

Литература

1. Щукин, В.Г. Как и почему рождается литературный локальный текст / В.Г. Щукин // Парк Белинского: общественно-политический, историко-публицистический, литературно-художественный журнал. – 2012. – № 1. – С.30-47.

2. Левинтов, А.Е. Гений места, совесть места, проклятые места / А.Е. Левинтов // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – Режим доступа: <http://journal-labirint.com/?p=2721> (16.03.2015).

3. Замятин, Д.Н. Гений места и город: варианты взаимодействия / Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. – 2007. – № 1 (35). – С. 62-87.

4. Найденов, Б.С. А.К. Толстой в Красном Роге / Б.С. Найденов // Писатели Брянского края / отв. ред. О.Я. Самочатова. – Брянск: Брянский рабочий, 1963. – С. 32-38.

5. Толстой, А.К. Собрание сочинений: в 4 т. / А.К. Толстой. – М.: Советская Россия, 1987. – Т. 3. Князь Серебряный. – 294 с.

6. Крашенинников, В.В. Брянский край и князя Серебряные / В.В. Крашенинников // Пересвет (Брянск). – 1992. – № 9-10. – С. 104.

7. Лихачев, Д.С. Письмо сороковое. О памяти // Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. – М.: Детская литература, 1989. – 238 с.

8. Соколов, Я.Д. Седая Брянская старина: историко – краеведческие очерки / Я.Д. Соколов. – Брянск: Читай-город, 2013. – 926 с.

9. Граф Толстой: гостиница: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hoteltolstoy.ru/restaurants/> (8.12.2014).

10. Вайль, П. Гений места / П. Вайль. – М.: КоЛибри, 2006. – 488 с.

Содержание

Городков А.В. Усадьба гр. А.К. Толстого в Пустыньке (историко-архитектурные и планировочные аспекты)	2
Нифагина Н.Н., Дубровский А.М. Неизвестные воспоминания о А.К. Толстом (архивная находка)	8
Вороничев О.Е. Лексические и фразеологические историзмы в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный»	20
Кондратенко А.И. «Дворянские гнёзда» Орловского края	33
Подоскина Т.А. «Имя моё будет греметь»	41
Подоскина Т.А. О цитировании А.К. Толстого в российской литературе и других сферах культурной жизни	57
Захарова В.Д. Комментарий к «воспоминаниям» об А.К. и С.А. Толстых неизвестной мемуаристки. По материалу РГАЛИ, обнаруженному Н.Н. Нифагиной (Ф. 1495 оп. 1 ед. хр. 57)	70
Захарова В.Д. Церковь Успения Богородицы в селе Красный Рог	77
Кочергина М.В. Деятельность Л.А. Перовского в качестве министра внутренних дел России	81
Кузнецов Д.В. Гербы рода Толстых	87
Крашенинников В.В. Эпоха Ивана Грозного в творчестве А.К. Толстого	96
Голик Н.А. Виртуальная экскурсия по утраченным усадьбам юго-западной Брянщины	105

Деханов В.Г. Эпистолярный автопортрет А.К. Толстого (по его письмам к С.А. Миллер-Толстой 1851-1863-1875)	111
Сазоненко А.В. Город Почеп – эпохи А.К. Толстого	124
Вороничева О.В. Значение А.К. Толстого как гения места в культурном пространстве Брянска	128

ДЛЯ ЗАМЕТОК